

С. Л. Агаев

ИРАН
*в прошлом
и настоящем*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО
РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

С. Л. Агаев

ИРАН

*в прошлом
и настоящем*

(ПУТИ И ФОРМЫ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА)

*Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981*

Ответственный редактор
Н. А. Симония

Агаев С. Л.
A23 Иран в прошлом и настоящем. Пути и формы революционного процесса. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

271 с.

В книге в научно-популярной форме предпринята попытка историко-социологического обобщения основных проблем общественного развития Ирана со времени возникновения в нем элементов капиталистических отношений в конце XIX в. и вплоть до наших дней. Главное внимание уделяется тем особенностям социальной и политической эволюции страны, которые определили своеобразное соотношение традиционных и современных элементов в антимонархической и антиимпериалистической революции конца 70-х годов XX в.

A $\frac{10605-188}{013(02)-81}$ 74-81. 0506000000

9(M)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

Введение

Подлинно народная антимонархическая и антиимпериалистическая революция в Иране, в ходе которой практически безоружное население успешно противостояло вооруженной до зубов современной армии и затем опрокинуло один из самых мощных неоколониалистских военно-бюрократических режимов на Востоке, приковала к себе внимание друзей и недругов во всем мире. Все они и сейчас пристально следят за предпринимаемыми в стране попытками создать новое общество на месте разрушаемого старого.

Телеграфные и информационные агентства, средства массовой коммуникации и научные издания развитых капиталистических государств трактуют события в Иране в свойственном им духе противопоставления традиционного и современного. Используя первое из этих понятий для обозначения самых архаичных сторон восточного общества, буржуазные пропагандисты и ученые практически абстрагируются от того обстоятельства, что сохранившиеся соответствующие базисные и надстроечные элементы подверглись значительным изменениям в процессе развития капитализма. Что касается второго из указанных понятий, то оно, как правило, отождествляется с категорией «капиталистическая модернизация», тогда как в условиях современной эпохи оно, несомненно, должно обозначать те новейшие тенденции общественного прогресса, которые формируются во всемирно-историческом масштабе, а не в рамках мировой капиталистической системы.

Социологические упрощения, допускаемые буржуазной пропагандой и наукой в вопросе о соотношении традиционного и современного, требуют активизации усилий на этом важном поле идеологической борьбы, тем более что отмеченные упрощения касаются реальных

проблем иранской революции. Марксистский анализ, естественно, базируется на классовом подходе к проблемам противоборства и синтеза традиционных и современных элементов в социально-политическом развитии Ирана со времени проникновения в него иностранного капитала.

И в самом деле, еще 20 лет назад Иран — в далеком прошлом могущественная империя, достигшая высот мировой культуры и цивилизации,— был страной, прозябавшей в условиях социального и экономического застоя. С начала 60-х годов в устоявшиеся представления об Иране добавились новые моменты, связанные с казавшимися тогда реальными возможностями преодоления этой страной вековой отсталости и перехода в разряд развитых капиталистических стран. А уже в конце 70-х годов в Иране свершилась глубоко народная революция, в которой своеобразно переплелись буржуазно-демократические устремления и антикапиталистические настроения.

Характер современных событий в Иране при всем их своеобразии свидетельствует о том, что и здесь действуют открытые марксистско-ленинской наукой и применимые ко всем странам общесоциологические законы формационного развития. Но каковы их специфические проявления и конкретный механизм действия? Как воздействовала на них современная эпоха всемирно-исторического перехода от капитализма и докапиталистических отношений к социализму? И наконец, какие особенности исторического развития самого Ирана обусловили своеобразные черты его сегодняшнего дня?

Ответы на эти вопросы предлагаются в настоящей книге на основе целостного историко-социологического обобщения наиболее узловых проблем капиталистической трансформации иранского общества, длящейся уже целое столетие. Естественно поэтому, что читатель не всегда найдет в книге систематическое изложение фактов и событий иранской истории,— они довольно широко освещены в многочисленных монографических работах. Основная задача книги — выявить особенности зарождения, становления и развития тех тенденций общественного прогресса, которые пробивают себе дорогу в современном Иране,— требует, пользуясь словами В. И. Ленина, перехода «от описания (и оценки с точ-

жи зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что обще всем им»¹.

Важнейшим элементом такого анализа является сравнительно-исторический метод с его самой существенной функцией — историко-типологической. Классики марксизма-ленинизма постоянно использовали этот метод, рассматривая его как одно из главных средств выявления взаимной связи и взаимного влияния народов в процессе их исторической эволюции. Известная повторяемость социально-политических явлений, наблюдаемая в обществах, находящихся на одной стадии развития, объясняется действием общих для соответствующей стадии общественных законов. Поэтому применение в данном случае подобного анализа вызывает в первую очередь необходимость установить общесоциологическую родословную процессов капиталистической трансформации, т. е. рассмотреть известные истории типы буржуазной общественной эволюции.

Исторический опыт показывает, что переход от феодализма к капитализму представляет длительную полосу революционных изменений во всей структуре общественно-экономической формации и осуществляется не в результате однократного акта, а в итоге целого ряда политических взрывов и потрясений, между которыми общество переживает периоды экономической эволюции. Суть общесоциологического закона циклического развития буржуазной революции получила отражение в разработанной К. Марксом категории «эпоха социальной революции». Развивая понятие эпохи социальной революции как переворота в системе общественных отношений, В. И. Ленин выдвинул положение о цикле буржуазных революций как цепи революционных «волн». Классический революционный цикл был характерен для Франции, где эпоха буржуазного общественного переворота прошла через последовательный ряд революций — 1789, 1830, 1848 и 1871 гг.

С образованием в Западной Европе с начала XIX в. капиталистической системы государств возникла возможность не революционного, а реформистского перехода к капитализму, которая, однако, могла быть реализована лишь в результате острых классовых битв.

На такой основе в условиях «вторичного» капиталистического развития в странах Центральной и Восточной Европы, а затем и в Японии начал формироваться феномен «революции сверху», характеризующийся по крайней мере следующими двумя основными признаками. Во-первых, в сравнении с частичными реформами, проводимыми в рамках феодальной общественно-экономической формации и не затрагивающими ее качественной целостности, «революция сверху» знаменует проведение таких крупных социально-экономических и политических реформ, которые являются важной вехой в преобразовании феодального общества и государства в капиталистические. Во-вторых, в отличие от революции «снизу», сопровождающейся (в случае победы) переходом власти от одного класса к другому, коренным признаком «революции сверху» является проведение буржуазных реформ небуржуазными по происхождению социально-политическими силами, учитывающими в своей политике уроки предшествующих взрывов классовой борьбы и революционных движений как внутри страны, так и вне ее.

Эти особенности «революции сверху» предопределили мучительный и затяжной, консервативный путь развития капитализма, не способный устранить всю массу пережитков периода загнивающего феодализма, особенно в области политической надстройки, социальное преобразование которой осуществлялось постепенно, отдельными шагами по пути превращения феодальной монархии в буржуазную. «Классическим» примером в этом отношении являлась Германия. Начало эпохи буржуазной революции ознаменовалось в Пруссии реформами 1807—1811 гг., направившими по «прусскому» пути развитие капитализма в сельском хозяйстве, а задачи потерпевшей поражение революции 1848 г. (ликвидация политической раздробленности Германии и создание единого государства) были выполнены «сверху» объединительной политикой Бисмарка после совершенного им в 1866 г. государственного переворота.

Будучи в общем и целом изменением реформистского типа, поскольку политическая власть по-прежнему выражает главным образом интересы старого господствующего класса, «революция сверху» вместе с тем для успешности своей реализации требует применения

элементов революционной политики и революционных методов. Ленин отмечал: «Бисмарку удалось реформы лишь потому, что он вышел из рамок реформизма: он совершил, как известно, ряд „революций сверху“»². (Сходную характеристику деятельности «королевско-прусского революционера» давал и Ф. Энгельс.) Однако указанные элементы отнюдь не изменяли основного содержания и характера «революции сверху». Сам Бисмарк связывал «необходимость прибегнуть в самом крайнем случае... также и к революционным средствам» с борьбой «против возможного превосходства зарубежных сил»³.

Наиболее ярко соотношение реформы и революции проявилось в ходе событий конца 60-х — начала 70-х годов XIX в. в Японии, которые условно именуются в историографии «революцией Мэйдзи», но по своим особенностям вполне укладываются в дефиницию «революция сверху». Началу буржуазных реформ здесь предшествовал вооруженный переворот 1868 г., вернувший узурпированную феодальным родом Токугава государственную власть «законному» императору. Проведенные после переворота реформы уже к 1871 г. довольно радикально решили в основных чертах первоочередную задачу буржуазной социальной революции в Японии — задачу объединения и централизации страны. В отличие от «революции сверху» в Германии «революция Мэйдзи» произошла в условиях незрелости капиталистического уклада и отсутствия сформировавшейся как класс буржуазии. Осуществленная при активном участии класса феодалов, она в данных условиях имела своей целью не приспособление этого класса к уже развитым внутри страны буржуазным отношениям, а поощрение «сверху» капиталистического развития и безболезненное превращение феодалов в буржуазию. Характеризуя внутреннюю структуру событий 1868—1871 гг. в Японии, В. И. Ленин использовал следующую формулу: «Революция и преобразования»⁴.

Однако при всех различиях «революция Мэйдзи» и «революции сверху» в странах Европы XIX в. сохраняют принципиальное типологическое сходство. Ключ же к объяснению этих различий можно найти в ленинском анализе положения в России начала XX в., который показывает возрастающую обязательность применения ре-

волюционных средств для успешности проведения в жизнь реформистского пути решения объективных задач общественного прогресса по мере движения социальной революции с Запада на Восток и соответствующего усложнения потребностей и задач буржуазного развития.

Реформы 60—70-х годов XIX в. в России, проведенные, как и в Германии, помещиками-крепостниками, явились первым шагом по пути превращения феодального самодержавия в буржуазную монархию. Вторым шагом по этому пути были реформы Столыпина, следовавшие вслед за третьениуньским государственным переворотом 1907 г. Но в начале XX в. царизм не смог реализовать возможность «революции сверху», идя, как и во второй половине XIX в., проторенным путем прусских юнкеров, хотя аграрная политика Столыпина была, по словам В. И. Ленина, правильна с точки зрения бисмарковщины. Переход к империализму настолько обострил противоречия между многовековым крепостническим наследием России и высшими для того времени достижениями мирового капитализма, что старые, крепостнические средства решения задач буржуазной социальной революции оказались неэффективными.

Еще большей была разность социально-экономических потенциалов традиционной общественной структуры Японии и пришедшей во взаимодействие с ней современной европейской капиталистической системы. Обусловленная этим глубина противоречия поставила японскую феодально-деспотическую надстройку перед необходимостью встать на путь изменения своей социальной природы для успешного решения «сверху» задач буржуазного общественного переворота. Таким образом, особенности внутренней структуры «революции Мэйдзи», содержания, форм и методов буржуазного преобразования Японии определялись историческими ступенями развития самого феномена «революции сверху» (которые, в свою очередь, были обусловлены ступенями общественного и технико-экономического прогресса).

Не случайно последующее общественно-политическое развитие таких капиталистических стран, как Германия, Япония и Италия, переход которых к капитализму осуществлялся путем «революции сверху», имело целый ряд общих особенностей. Решение задач буржуазного общественного переворота военно-милитаристскими

средствами еще многие десятилетия сказывалось в агрессивных устремлениях монополистической буржуазии этих стран. Наиболее яркое проявление соответствующие устремления нашли в создании фашистских и милитаристских режимов, выступивших застрельщиками империалистических войн.

Общим для упомянутой группы стран является и то, что «революции сверху» лишь отсрочили, но не предотвратили новые вспышки революционной борьбы, даже в рамках собственно буржуазно-демократического развития. Достаточно упомянуть Ноябрьскую революцию 1918 г. в Германии, а также антифашистские и классовые бои в Италии и Японии в конце второй мировой войны.

Еще более показателен опыт царской России, где за реформами 60—70-х годов XIX в. последовала первая народная революция эпохи империализма — революция 1905—1907 гг., а за столыпинскими реформами — Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая революции 1917 г. Эти революции вскрыли не только безуспешность осуществления буржуазно-реформистской программы в революционный период, но и возможность ликвидации объективных предпосылок буржуазно-демократической революции на основе изменения ее социального содержания.

В условиях новой эпохи, открытой Великим Октябрем, и особенно на современном этапе, характеризующемся изменившимся соотношением социально-политических сил на мировой арене, империализм нередко прибегает к превентивному использованию методов «революции сверху» с целью сохранить соответствующие страны в рамках мировой капиталистической системы, предотвратить их переход на более высокую ступень социально-политического развития. Достижение этой цели в современных условиях требует зачастую применения более радикальных средств по сравнению с теми, которые использовались в предшествующую эпоху, что влечет за собой немаловажные изменения и в самом содержании проводимых реформ и преобразований.

Характер мировой исторической эпохи накладывает отпечаток на все стороны конкретной общественно-исторической эволюции. В. И. Ленин указывал, что «только знание основных черт данной эпохи может послужить

базой для учета более детальных особенностей той или иной страны»⁵. Это ленинское положение имеет исключительное значение для понимания специфики буржуазного общественного переворота в условиях, так сказать, «третичного» капиталистического развития в странах Востока, в которых их собственная эпоха буржуазной социальной революции переживается в обстановке качественно иных всемирно-исторических эпох. Так, в Иране буржуазный общественный переворот начался в эпоху империализма, а затем продолжался в условиях всемирно-исторической эпохи перехода к социализму. Такое «наложение» разнотипных (конкретно-страновой и общемировых) эпох социальных революций определило специфику характера, содержания, форм и методов буржуазного переворота в Иране на всех его этапах, начиная с самых ранних.

Обусловленные же этим процессы модификации общих закономерностей формационного развития в полной мере могут быть поняты лишь с учетом исторических особенностей типологически сходных эволюций, для чего необходимо использование сравнительно-исторического метода исследования. К. Маркс указывал: «События поразительно аналогичные, но происходившие в различной исторической среде, приводят к совершенно различным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории»⁶.

Какая же «историческая среда» в Иране, породив явления, «поразительно аналогичные» с европейскими, обусловила вместе с тем «совершенно различные результаты» процесса капиталистического развития этой страны? Какими путями пришел иранский народ к этому важному рубежу своей национальной истории?

Глава I

От мировой державы к полукolonии

Века величия, века бессилия

Иранское плоскогорье, большую часть которого занимает современный Иран, хранит следы поселения человека, насчитывающие 50—100 тыс. лет. С незапамятных времен его территория стала одним из важных маршрутов переселения народов, местом мирного созидательного труда, ареной жестоких военных сражений, расцвета и упадка могущественных государств.

Как и на других территориях земного шара, возникновение первых государственных образований здесь было связано с переходом от первобытнообщинного строя к классовому обществу. В III—II тысячелетиях до н. э. в юго-западной части плоскогорья существовало довольно крупное по тем временам государственное объединение — Элам, в котором уже получили определенное развитие рабовладельческие отношения.

В начале I тысячелетия до н. э. значительная часть территории современного Ирана стала объектом завоеваний со стороны Ассирии и Урарту. В VIII—VII вв. до н. э. усилившееся местное Манейское царство (на юго-востоке от озера Урмия) не только остановило ассирийско-урартскую экспансию, но и само повело наступательные войны против этих государств. Однако вскоре оно пало под ударами Мидии, возникшей в районах Экбатаны (современный Хамадан).

Конец VII и начало VI в. до н. э. были периодом наивысшего могущества Мидийской державы, включавшей помимо территории Ирана с примыкающими районами Средней Азии и Афганистана северо-восточную часть Малой Азии и часть Армянского нагорья.

В середине VI в. до н. э. в результате восстания, возглавленного зависимым от Мидии персидским царем Киром II, Мидийская держава сменилась Ахеменидским государством, за короткий срок превратившимся в крупнейшую мировую державу своего времени. На северо-востоке и востоке она простиралась до бассейнов рек Сырдарья и Инд. На западе Ахемениды завоевали Месопотамию, Сирию, Финикию, Египет, Армению, всю Малую Азию и даже Фракию и Македонию на Балканском полуострове.

В результате этих мировых завоеваний на территории Ирана произошел переход от примитивного патриархального рабства к широкому применению рабского труда в строительстве, сельском хозяйстве и ремесле. Сдвиги в экономическом развитии сопровождались распространением технических новшеств, ростом научных знаний, расцветом древнеперсидской культуры.

Ахеменидская эпоха занимает важное место в истории Ирана и всего Ближнего и Среднего Востока. На огромной территории от Восточного Средиземноморья до границ Индии на протяжении долгого времени был обеспечен мир и созданы благоприятные условия для развития международной торговли, а также взаимовлияния культур многих народов, что сыграло важную роль в развитии культуры античного мира и тем самым европейской культуры в целом.

К 330 г. до н. э. Ахеменидская держава вошла в состав империи Александра Македонского, а после его смерти в 323 г. — эллинистического государства Селевкидов, охватывавшего в период своего расцвета основную часть бывших владений Александра в Азии. После упадка государства Селевкидов в 40-х годах II в. до н. э. территория Ирана вошла в состав Парфянского царства, возникшего первоначально в районах юга Туркменистана и севера Хорасана.

В 20-х годах III в. н. э. в результате восстания, возглавленного вассальным парфянам правителем Парса (бывшего ранее первоначальным центром державы Ахеменидов) Ардеширом из рода Сасана, возникло государство Сасанидов. Ардешир короновался как «шахиншах Ирана», а его преемники после завоевания соседних областей стали носить титул «шахиншахов Ирана и не Ирана», выразивший претензию на всемирную

монархию. Однако в составе Сасанидской державы прочно удерживались только Иран с прилегающими областями на юго-западе Средней Азии и на западе территории современного Афганистана, нижняя и средняя Месопотамия, восточное Закавказье. Длительные войны с Римом и Византией дали сасанидскому Ирану лишь временные завоевания в Армении, верхней Месопотамии, Сирии, Палестине, Йемене, Египте.

Создание Сасанидского государства ознаменовало начало периода разложения рабовладельческого строя и складывания раннефеодального общества на территории Ирана. Обострение классовых противоречий вызвало к жизни развитой бюрократический аппарат, призванный закрепить нарождающиеся феодальные отношения. В VI в. Иран переживал экономический подъем, сказавшийся прежде всего на развитии ирригации и земледелия, а также ремесленного производства. Через порты Персидского залива велась торговля с южной Аравией, Эфиопией, Индией и Цейлоном. Была создана богатая литература на среднеперсидском языке, высокого развития достигли архитектура, оказавшая влияние на зарождение византийского стиля, и скульптура.

В середине VII в. истощенный длительными войнами Иран стал добычей арабских завоевателей, распространивших среди иранского населения ислам. На всем протяжении почти трехвекового господства Арабского халифата в стране непрерывно происходили народные восстания, направленные как против иноземного владычества, так и против растущей феодальной эксплуатации. Большинство из них происходило под идеологической оболочкой различных мусульманских религиозных сект, в особенности разных разветвлений шиизма, широко распространившегося среди «низов» иранского населения как форма оппозиции внешним и внутренним угнетателям.

К началу X в. раннефеодальное общество с сохранявшимися патриархальным и рабовладельческим укладами переросло в Иране в развитое феодальное общество. К этому времени относится и падение владычества Арабского халифата в Иране, на территории которого в последующие три века сменилось несколько государственных образований. Тем не менее возрождение иранской государственности способствовало подъему экономики,

развитию науки и культуры, широкому распространению в поэзии и научной литературе новоперсидского языка — фарси.

С начала XIII в. Иран вновь становится добычей иноземных завоевателей. До 1353 г. он почти целиком входил в состав созданного монгольскими захватчиками государства ильханов Хулагуидов, представлявшего собой внутренне противоречивое соединение монгольской раннефеодальной кочевой государственности с иранскими государственными институтами развитого феодализма. Миграция значительного числа монгольских и тюркских кочевников в Иран, организованные приемы опустошения целых районов и массового уничтожения мирных жителей, налоговая политика завоевателей привели к глубокому экономическому упадку. Междоусобия феодальных владетелей и народные восстания, способствовавшие распаду этого государства, в конце XIV в. были на короткое время приостановлены завоеванием Ирана среднеазиатским эмиром Тимуром, после смерти которого страна оказалась разделенной между несколькими государственными образованиями, созданными тюрко-монгольской кочевой знатю. Народные движения, руководимые религиозными орденами дервишей, сотрясали иранское общество и в XV в.

В 1502 г. на территории Ирана возникло единое Сефевидское государство, в котором официальным исповеданием был объявлен шиизм, утративший с этих пор свой прежний облик идеологии народных масс и превратившийся в опору феодализма. До конца XVI в. руководящая политическая роль в государстве принадлежала тюркской военно-кочевой знати. При шахе Аббасе I Великом (1587—1629) эта роль стала переходить к иранскому оседлому населению, составлявшему основной костяк гражданской бюрократии и духовного сословия. С их помощью и поддержкой Аббасу удалось на время покончить с феодальной раздробленностью и укрепить центральную власть.

При Аббасе I Сефевидское государство достигло наибольшего могущества. Вступив на престол в обстановке экономического и политического упадка, он провел реформы, способствовавшие возрождению экономики, росту ремесел и торговли. Оживленные торговые отношения поддерживались со странами Западной Ев-

ропы, Россией, Индией, Китаем. У бухарских ханов был отвоеван захваченный ими Хорасан, у султанской Турции — Азербайджан, Восточная Грузия, Лурестан, у Португалии — порт Хормоз на одном из островков Персидского залива, у Великих Моголов (Индия) — Кандагар. Иран стал одним из сильнейших в Азии государств.

С конца XVII в. страна вновь вступила в полосу экономического кризиса, за которым последовало и ее политическое ослабление. Этому способствовали рост феодальной эксплуатации и вызванное им обострение классовых противоречий между феодалами и крестьянами, а также резкое сокращение транзитной торговли через Иран в связи с освоением европейцами морского пути в Индию вокруг берегов Африки. Страну раздирали сепаратистские движения феодалов и народно-освободительные восстания покоренных народов. Одно из таких восстаний привело в 1722 г. к захвату шахского трона в Иране афганской племенной знатью. Воспользовавшись этим, Турция оккупировала значительные территории Западного Ирана.

Возрождение иранской государственности было обеспечено всенародной борьбой против турецких и афганских завоевателей, возглавленной энергичным и талантливym полководцем Надир-ханом Афшаром, коронованным в 1736 г. на шахский престол. Надир-шах не только восстановил Иранское государство в прежних границах, но после похода в Индию и захвата Дели присоединил к нему территорию к западу от р. Инд и превратил в своих вассалов бухарского и хивинского ханов. Последующие неудачные походы в Дагестан, Оман и юго-восточную Аравию, легшие тяжелым бременем на и без того разоренную страну, вызвали восстания горожан, крестьян и кочевников как в завоеванных странах, так и в самом Иране.

После смерти Надир-шаха в 1747 г. в Иране начались политический распад, междоусобия и борьба феодальных кланов за власть, длившиеся фактически до конца XVIII в., за исключением периода правления Керим-хана Зенда (1760—1779), которому удалось временно объединить почти всю страну. Последующая междоусобная борьба между Зендами и между Зендами и Каджарами закончилась восшествием на иранский престол в

1796 г. Ага-Мохаммед-хана, ставшего основателем Каджарской династии, правившей страной до 1925 г.

С конца XVIII — начала XIX в. окончательно стала определяться общественно-экономическая отсталость феодального Ирана по сравнению с европейскими государствами, в которых в то время развивались и побеждали капиталистические отношения. Это нашло проявление в ирано-французском договоре 1807 г., предоставившем Франции право на экстерриториальность (неподсудность иранским судам и целый ряд других льгот и преимуществ), и ирано-английском договоре 1814 г., ущемлявшем в некоторой степени внешнеполитическую самостоятельность страны. В результате русско-иранских войн 1804—1813 и 1826—1828 гг. Иран отказался от притязаний на Дагестан, Грузию, Северный Азербайджан, Восточную Армению, лишился права иметь военный флот на Каспийском море, обязался выплатить России контрибуцию в сумме 20 млн. руб. и предоставить русским подданным право экстерриториальности.

Значительно усилилась в Иране и английская активность. Предпринятый Мохаммед-шахом в 1837 г. поход на крепость Герат, который во времена Сефевидов и Надир-шаха входил в состав Ирана, натолкнулся на мощное противодействие Англии, направившей в Персидский залив военную эскадру. Шах был вынужден снять осаду Герата. В 1856 г. иранские войска вновь осадили и захватили крепость, что вызвало англо-иранскую войну, в результате которой Каджары навсегда отказались от своих притязаний на Герат. Это было последнее военное столкновение Ирана с европейской державой, еще раз продемонстрировавшее экономический упадок и политическое ослабление страны.

Со второй четверти XIX в. Иран стал превращаться в рынок сбыта иностранных промышленных товаров. После подписания англо-иранского торгового договора 1841 г., предоставившего английским подданным право экстерриториальности, последовало подписание Ираном целой серии неравноправных договоров с другими европейскими странами и США (1856), по которым они добились аналогичных преимуществ. К середине XIX в. Иран был полностью втянут в орбиту мирового капиталистического рынка и тем самым были созданы условия для его превращения в полуколонию.

Годы «просвещенного деспотизма»

На рубеже 50-х годов XIX в. в Иране было совершено два крупных политических убийства, вызвавших большой общественный резонанс в стране, хотя массовые казни и самые изощренные пытки представляли там в то время обычное явление.

В начале июля 1850 г. в Тебризе по приказу Наср эд-Дин-шаха (1848—1896) после трехлетнего тюремного заключения был расстрелян Баб (настоящее имя — Али-Мохаммед), человек, объявивший себя мусульманским мессией — двенадцатым имамом Мехди, который, по преданию, исчез около тысячи лет назад и должен вновь появиться, чтобы установить на земле новые, справедливые порядки. Настаивая на его казни, садр-азам (премьер-министр) и командующий армией Мохаммед Таги-хан Ферахани в своем докладе Наср эд-Дин-шаху утверждал, что в противном случае выступления последователей Баба выльются во «всеобщую революцию» и приведут к свержению династии.

Спустя некоторое время, в ноябре 1851 г., Таги-хан сам был смещен со своих постов и сослан в Кашан, где его убили в январе 1852 г. по негласному приказу шаха. Выходец из плебейской среды, достигший положения первого лица в государстве после шаха, получивший от него в знак полного доверия титулы Амир-Кабира (великого эмира) и Амир-Низама (эмира войска) и руку его родной сестры, Таги-хан, активно выступавший против революции, был вместе с тем решительным сторонником реформирования различных областей общественной жизни Ирана. Проведением реформ он навлек на себя ненависть высшего духовенства и тех групп феодальной аристократии, которые не желали отказываться даже от части своих привилегий и традиционных методов управления. Им удалось внушить Наср эд-Дин-шаху подозрение, будто Таги-хан стремится к захвату шахского престола...

Политические события в Иране на рубеже 50-х годов XIX в. были следствием социально-экономических процессов, происходивших в иранском обществе в значительной мере под влиянием проникновения иностранного капитала. Пользуясь полученным правом экстерриториальности и другими привилегиями, вытекавшими

из установленного в стране капитуляционного режима, европейские государства, и прежде всего Англия, проводили активную политику превращения Ирана в рынок сбыта своих промышленных товаров и вытеснения иранских купцов из внешней торговли страны. Конкуренция дешевых иностранных товаров фабричного производства оказывала разрушительное воздействие на иранское ремесло и домашнюю промышленность и создавала труднопреодолимые препятствия для развития капиталистических отношений в городе.

Рост товарно-денежных отношений, вызванный вовлечением Ирана в орбиту мирового капиталистического рынка, подрывал феодальные отношения в деревне, способствуя развитию кризиса ленного землевладения. Увеличение потребностей ханов и помещиков в денежных средствах вело к росту феодальных повинностей крестьянства, часть которых теперь взыскивалась в денежной форме, к закладыванию, а иногда и продаже земель. Покупка последних стала для большинства купцов и торговцев практически единственным гарантированным объектом приложения свободных капиталов. Это влекло за собой, с одной стороны, усиление феодальной эксплуатации крестьян, с другой — расширение права частной собственности на землю, которое, однако, еще не вносило значительных изменений в существующие производственные отношения.

Социально-экономические процессы, происходившие в Иране, имели своим следствием резкое ухудшение положения основных производителей — крестьян и ремесленников.

Недовольство охватывало и значительную часть купечества, терпевшего ущерб не только от конкуренции иностранных торговых фирм, но и от феодальных смут и междоусобиц, грабежей на торговых дорогах, внутренних таможенных перегоронок, необеспеченности личности и собственности, самоуправства шахских властей в центре и на местах. Росло возмущение и среди городской бедноты.

В 1848—1852 гг. по отдельным областям и городам Ирана (Мазендеран, Зенджан, Йезд, Нейриз и др.) прокатилась волна восстаний бабидов, именуемых так по названию основанной Бабом религиозной секты, возглавившей выступления крестьян, городской бедноты, ре-

месленников, представителей низшего духовенства, мелких купцов и торговцев.

Религиозная идеология, характерная для средневековых народных движений, скрывала объективно антифеодалную направленность этих восстаний. В учении Баба провозглашались равенство всех людей, в том числе и женщин, и установление «священного царства», отражавшее в своеобразной форме мечты народных масс о ликвидации эксплуатации и гнета. Наряду с предписаниями о защите прав личности, собственности, порядке наследования и т. п. выдвигались конкретные требования, соответствовавшие интересам купцов и торговцев: обязательная уплата долгов, тайна торговой переписки, узаконение ростовщического процента, введение единой денежной системы и т. д. Сам Баба апеллировал в своих проповедях не к народу, а к правящим кругам.

В ходе восстаний, развернувшихся в Иране, народными массами были сделаны попытки претворить в жизнь демократические элементы учения Баба, развитые его последователями,— освобождение от налогов и феодальных повинностей, лишение феодалов их прав и привилегий, отмена частной собственности и установление общности имущества. Последнее требование при всей своей утопичности отражало стремление крестьянства и городской бедноты революционно-демократическим путем уничтожить феодальную собственность и провести уравнительный передел земли и других средств производства. Объективно восстания бабидов были направлены и против закабаления Ирана иностранным капиталом.

Проводя политику жестокой расправы с бабидскими восстаниями, Таги-хан одновременно пытался осуществить целую серию общественно-политических реформ, направленных главным образом на укрепление власти центрального правительства в целях подавления народных выступлений, ликвидацию феодального сепаратизма, сохранение политической и экономической независимости Ирана. Среди проводимых им мероприятий главное место заняли реорганизация армии, строительство в целях ее обслуживания ряда военных и промышленных предприятий, смещение с государственных постов англофильски настроенных лиц, борьба с широко распространенными казнокрадством и взяточничеством, сокращение

численности чиновничества, жалование которому было уменьшено наполовину, поощрение развития внутренней и внешней торговли путем установления порядка в стране, борьба со злоупотреблениями местных властей и грабежами на торговых дорогах, распространение просвещения, ограничение влияния высшего духовенства на государственные дела и т. п.

После смещения Таги-хана большинство его реформаторских начинаний было отменено или приостановлено.

Такова в целом картина событий, происшедших в Иране на рубеже 50-х годов XIX в. под воздействием обострения социально-экономических противоречий феодального строя в результате проникновения в страну иностранного капитала. Только с учетом данного конкретного обстоятельства возможна обоснованная социологическая характеристика этого важного периода новой истории Ирана как определенного этапа в общественно-экономической эволюции иранского общества.

Бабидские восстания в Иране были составной частью той революционной «волны», которая прокатилась в XIX в. по огромным пространствам от Магриба до Китая под влиянием вторжения европейского и американского капитала в страны Востока и насильственного включения их в систему мирового капиталистического рынка.

Прогрессивный характер восстаний определялся их объективно антифеодальным характером. Однако эти восстания происходили в условиях, когда первые признаки разложения феодальных отношений едва еще только начинали себя обнаруживать и были не столько следствием внутреннего социально-экономического развития, сколько результатом внешнего воздействия. При таком положении выступления бабидов по своему характеру, методам борьбы и идеологии не могли выйти за рамки движений средневекового типа. Именно в силу всего этого, объективно подрывая основы феодального строя, они тем не менее не вели к возникновению всей совокупности предпосылок, необходимых для развития буржуазных отношений. В средневековой и даже новой истории стран Востока немало примеров победоносных крестьянских восстаний и создания «справедливых царств» (достаточно вспомнить тайпинское государ-

ство 1851—1864 гг. в Китае), которые заканчивались феодальным перерождением.

В период складывания мирового капиталистического рынка и образования колониальной системы капитализма, создававшейся методами кровавой агрессии, экономической и политической экспансии, переход отставших в своем развитии стран Востока на путь, ведущий к формированию буржуазных отношений, не мог быть результатом исключительно внутреннего, спонтанного развития. Чрезвычайно важное значение приобрели факторы международного порядка, в особенности политика развитых капиталистических держав.

Показателен в данной связи исторический опыт Японии, единственной азиатской страны, которой в конце 60—70-х годах XIX в. удалось встать на путь капиталистического развития. Происходившие здесь в середине XIX в. антифеодальные выступления крестьянства и городской бедноты имели ярко выраженный средневековый характер и не переросли в народную революцию. Буржуазное преобразование Японии было ускорено благодаря политике Англии, позиция которой определялась неблагоприятно сложившейся для нее в тот момент обстановкой на Дальнем Востоке, особенно в Китае, охваченном могучим восстанием тайпинов, и расчетом на то, что за потерю Японии как колонии Запад компенсирует себя ее превращением в военно-морской форпост своих колониальных интересов в этом районе. В этих условиях англичане помогли разработать проведенную затем в жизнь программу реформ, направленных на обуржуазивание японских феодалов.

К антифеодальным восстаниям в Японии, а в еще большей мере — в Иране и других странах Востока приложима характеристика Ф. Энгельсом Крестьянской войны в Германии начала XVI в., которая, по его словам, не вышла «за рамки *слабой и бессознательной попытки преждевременного установления позднейшего буржуазного общества*» (курсив мой.— С. А.)¹. С учетом степени формирования объективных и субъективных предпосылок для развития буржуазных отношений в Иране того времени можно согласиться с мнением, что «поражение бабидов означало потерю Ираном перспективы самостоятельной капиталистической эволюции»².

Без правильного определения уровня развития иран-

ского общества в середине XIX в. невозможна и социологическая оценка реформаторских начинаний Таги-хана, в целом носивших верхушечный характер и не затрагивавших основ социального строя Ирана. Единственным его мероприятием в социально-экономической области было определение размеров повинностей крестьян в пользу помещиков-феодалов, направленное лишь на твердую фиксацию масштабов феодальной эксплуатации с целью устранения некоторых злоупотреблений со стороны землевладельцев. Следует отметить, что мероприятия подобного типа проводились в Иране даже в эпоху средневековья, в частности в конце XIII — начале XIV в. при Газан-хане Хулагуиде. Но это делает еще более необходимой четкую социологическую оценку реформаторской деятельности Таги-хана.

Наиболее подходящий для этого сравнительно-исторический материал дает политика «просвещенного абсолютизма», проводившаяся в отдельные периоды второй половины XVIII в. в центрально- и восточноевропейских странах «второго издания крепостничества», а также в Испании. Абсолютистские формы правления здесь возникли не из их собственного спонтанного развития, а под воздействием внешних факторов. Этим они существенно отличались от классического варианта абсолютизма в Англии и Франции, где соответствующие формы правления сложились в результате социальных сдвигов в базе феодального общества и обострения антагонизма между дворянством и нарождающейся буржуазией, что позволило монархической власти достигнуть известной самостоятельности по отношению к обоим борющимся классам. В рассматриваемых странах государство приобрело такую же самостоятельность действий по отношению к господствующему классу феодалов, однако абсолютистские формы правления насаждались здесь «при полном отсутствии или крайне слабо развитых элементах капитализма» и были наполнены «крепостническим содержанием»³. Политика же «просвещенного абсолютизма», направленная на проведение некоторых реформ, уничтожавших наиболее устаревшие феодальные институты, была лишь маневрированием, имевшим целью приспособление к изменяющимся (в континентальном масштабе) социально-экономическим условиям. Не случайно она весьма быстро сменилась политикой от-

крытой феодальной реакции. В большинстве же случаев провозглашенные реформы, вызвав решительное противодействие феодальных кругов, вообще не проводились в жизнь.

Отмеченные обстоятельства позволяют различать абсолютизм в сущностном и формальном смысле. В этой связи важно указание К. Маркса на то, что «абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы вообще, должна скорее быть отнесена к азиатским формам правления»⁴. Показательно, что, употребляя термин «абсолютизм» в отношении Пруссии, Испании и некоторых других государств конца XVIII в., К. Маркс раскрывал социальную сущность господствовавших в них порядков в иных понятиях. Правительственную систему прусского короля Фридриха II, носителя идей «просвещенного абсолютизма», он квалифицировал как смесь «деспотизма, бюрократизма и феодализма»⁵, а политику, проводившуюся испанской монархией в это время, прямо называл «просвещенным деспотизмом»⁶. Это же понятие Ф. Энгельс применял даже в отношении политики австрийского императора Иосифа II⁷, осуществившего такие крупные преобразования, как отмена крепостного права и сведение прав помещиков на землю, обрабатываемую крестьянами, до налога в размере 17% дохода. В. И. Ленин, характеризуя социальную сущность российской монархии дореформенного периода, определял ее как «крепостническое самодержавие».

Приведенные положения классиков марксизма-ленинизма имеют важное методологическое значение для понимания социально-политических процессов в странах Востока, и в том числе в Иране, в XIX в. При этом недопустимы прямые аналогии с европейским средневековьем, поскольку в азиатских условиях формы государственной власти складывались на несколько иной экономической основе и характеризовались рядом специфических черт.

В отличие от Запада, где абсолютистские государства выросли из сословных монархий, сменивших в свое время раннефеодальные государственные организации, на Востоке периоды феодальной раздробленности постоянно чередовались с периодами укрепления центральной власти. Неизмеримо большее значение политической

централизации определялось здесь необходимостью защиты от вторжений кочевников, создания и поддержания в порядке ирригационных сооружений, без которых не могло существовать земледелие во многих районах, а также другими причинами. В силу этого относительная самостоятельность государства на Востоке всегда была выражена гораздо сильнее, чем на Западе.

Характерной формой государственного устройства в большинстве азиатских стран не только в средние века, но и в последующую эпоху была феодальная деспотия — неограниченная наследственная власть, представлявшая собой политическую надстройку над феодальным экономическим базисом. Достигнутая к рассматриваемому периоду степень политической централизации, следовательно, не являлась результатом генезиса капиталистических отношений. Более того, как отмечал Ф. Энгельс, «восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности»⁸.

Реформаторские движения, явившиеся ответом на экспансию иностранного капитала, и связанное с нею обострение противоречий феодального общества в XIX в. имели место не только в Иране, но и в других странах Востока («танзимат» в Турции, политика «самоусиления» в Китае и др.). Рассматривать эти движения как проявление абсолютистских тенденций в их сущностном значении неправомерно, поскольку к тому времени «местное общество еще не достигло стадии позднего феодализма по уровню общественного разделения труда и образованию национального рынка, формированию капиталистического уклада и элементов буржуазии и пролетариата»⁹. А ведь именно с этими факторами основоположники марксизма связывали возникновение абсолютизма в Англии и Франции.

Еще меньше оснований усматривать абсолютистские по сущности тенденции в реформах Таги-хана в Иране, представлявшем собой в то время одну из наиболее отсталых азиатских стран. Эти реформы, безусловно, соответствовали наиболее насущным материальным интересам нарождающейся новой прослойки землевладель-

цев и связанных с ними купцов, владевших своими землями на правах частной собственности и ориентировавшихся в хозяйственной деятельности на внешний рынок. Однако в условиях начального этапа активной экономической экспансии иностранного капитала в Иране и пока относительно слабо развитых внешнеторговых связей страны эти немногочисленные в то время социальные слои, опиравшиеся на феодальные методы эксплуатации крестьянства, далеко еще не отдифференцировались от господствующего класса феодалов и не стали носителями новых общественных отношений. Да и политическая централизация в Иране в рассматриваемый период была еще весьма относительной: губернаторы провинций и ханы кочевых и полукочевых племен, живших в условиях патриархально-феодалного быта, лишь номинально признавали власть центрального правительства.

Исторически и типологически адекватным обозначением реформаторских начинаний середины XIX в. в Иране может служить понятие «просвещенный деспотизм», использованное К. Марксом и Ф. Энгельсом в отношении Испании и Австрии конца XVIII в. и вполне применимое также и к другим странам Центральной и Восточной Европы этого периода. Характерно, что попытки проведения некоторых реформ подобного рода предпринимались Наср эд-Дин-шахом и позже, в 70—80-х годах, после трех его поездок в Европу. Но в конечном итоге и они свелись к внешней европеизации, не затронувшей основ экономического и политического строя Ирана и лишь облегчившей проникновение иностранного капитала в страну. В целом все реформаторские начинания этого периода были направлены на приспособление феодального строя страны к потребностям, складывающимся в результате вовлечения ее в сферу мирового рынка.

Сказанное отнюдь не означает, что абсолютизм как социально-политическое явление не был характерен для последующего общественного развития азиатских стран. Но в рассматриваемый период он утвердился только в Японии после событий 1867—1868 гг. и, как будет показано далее, с точки зрения формационного развития существенно отличался от классического англо-французского варианта. В Иране же становление абсолютизма

относится к гораздо более позднему периоду и было связано с теми изменениями в экономическом базисе общества, которые начали происходить лишь с конца XIX в. в связи с резким усилением вторжения иностранного капитала в страну и возникновением в ней элементов раннекапиталистических отношений в их своеобразной, однобоко-уродливой азиатской форме.

«Мирное» империалистическое завоевание

Политика территориальных захватов и открытого колониального грабежа, проводившаяся европейскими державами в странах Востока, в своем прямом и непосредственном проявлении не распространилась на Иран. Ему, подобно Турции и Китаю, благодаря соперничеству колониальных держав, прежде всего Англии и царской России, и в силу целого ряда иных причин удалось сохранить свою политическую самостоятельность. Однако начавшийся с 60—70-х годов XIX в. процесс так называемого «мирного» проникновения иностранного капитала в Иран, связанный с перерастанием домонополистического капитализма в высшую стадию — империализм, имел результатом превращение Ирана к началу XX в. в полуколонию, т. е. страну, опутанную сетями экономической и дипломатической зависимости.

Англо-русское проникновение в Иран началось со строительства и эксплуатации телеграфных линий. В 1862—1872 гг. англичане добились от иранского правительства заключения ряда соответствующих конвенций. В 1879 г. русская компания также получила телеграфную концессию. Построенные в основном за счет Ирана, но обслуживаемые и контролируемые иностранными служащими телеграфные линии, станции и посты очень скоро превратились в широко разветвленную сеть шпионажа и вмешательства во внутренние дела этой страны, в орудие укрепления в ней политического влияния Англии и России, получения доступа к эксплуатации ее природных ресурсов.

Уже в 1872 г. английскому подданному барону Рейтеру удалось добиться от Наср эд-Дин-шаха, по существу, беспрецедентного в истории концессионной политики соглашения. Оно включало монопольное право

на строительство железных дорог и трамвайных линий, на эксплуатацию нефтяных источников и других полезных ископаемых, на лесоразработки, проведение ирригационных работ, управление иранскими таможами. Кроме того, Рейтеру были обещаны концессии на организацию банков, строительство шоссейных дорог, телеграфных линий, фабрик, заводов и т. д. Таким образом, в руки английского капитала должен был перейти контроль над всей экономикой страны. Однако в следующем году под давлением России шах аннулировал эту кабальную концессию.

Конкуренция двух держав в большинстве случаев завершалась «полюбовным» разделом концессий. В 1888 г. английская фирма «Братья Линч» получила концессию на организацию судоходства по р. Карун, а затем — на строительство и эксплуатацию шоссейной дороги на юге Ирана. В том же году русский подданный Лианозов добился концессии на эксплуатацию рыбных промыслов в иранских водах Каспийского моря. Спустя два года другой русский подданный, Поляков, получил концессию на организацию страхового и транспортного общества, которое приступило к строительству порта Энзели на Каспии и двух шоссейных дорог на севере Ирана. Дорожные концессии использовались Россией и Англией в стратегических интересах. Исходя из тех же интересов они обязали иранское правительство не строить железные дороги.

Обе державы конкурировали и в других областях. В 1889 г. Наср эд-Дин-шах предоставил Рейтеру в возмещение за аннулирование концессии 1872 г. право на организацию Имперского (Шахиншахского) банка в Иране, выполнявшего в дальнейшем функции иранского государственного банка. Спустя год Поляков добился от шаха концессии на организацию Учетно-ссудного банка. В 1901 г. английский подданный д'Арси получил концессию на монопольную эксплуатацию нефтяных месторождений на $\frac{3}{4}$ территории Ирана, на базе которой затем была создана Англо-персидская нефтяная компания. Все эти концессии стали главным орудием закабаления и ограбления Ирана.

К началу XX в. иранское правительство оказалось в полной финансовой зависимости от Англии и царской России, предоставивших ему ряд крупных займов под

залог доходов с южных и северных таможен Ирана. Перед первой мировой войной английские капиталовложения в стране составили около 200 млн. руб., русские — около 164 млн. руб.

Страна была лишена таможенной независимости — заключенные в 1901 г. Россией и в 1903 г. Англией соглашения с Ираном предусматривали беспошлинный ввоз или крайне низкое обложение товаров, поступающих из этих двух стран. На их долю приходилось свыше 80% внешнеторгового оборота Ирана.

Колониальный характер внешней торговли Ирана, имевшей ежегодно пассивное сальдо, ярко проявился в номенклатуре импорта и экспорта. В страну ввозились главным образом промышленные товары широкого потребления, а вывозились сельскохозяйственные продукты и сырье. При этом следует отметить, что дефицитность внешней торговли Ирана, истощавшая его валютные запасы и подрывавшая экономическую жизнь, была почти полностью результатом торговли с Англией, которая ввозила в страну в 4—5 раз больше, чем вывозила из нее. В то же время Иран всегда имел активное сальдо в торговле с Россией, вывозившей до $\frac{2}{3}$ всех товаров иранского экспорта.

Превращение Ирана в рынок сбыта, источник сырья и сферу приложения иностранных капиталов сопровождалось политическим закабалением страны. При этом Россия и Англия, добиваясь осуществления своих корыстных целей, действовали различными методами и средствами.

Царизм, проводивший свое политическое влияние в Иране через шахское правительство, проявлял заинтересованность в укреплении центральной власти. Важным проводником этого влияния была организованная в 1879 г. по просьбе шаха русскими офицерами казачья бригада, единственная в стране регулярная боеспособная воинская часть, выполнявшая функции шахской гвардии.

Английский империализм, напротив, стремился к ослаблению власти центрального иранского правительства и с этой целью поддерживал и поощрял сепаратизм южных феодальных ханов, получавших от англичан регулярные денежные субсидии и оружие. В Персидском заливе, превращенном в «английское озеро», хозяйничали

британские военно-морские силы. В целях укрепления и усиления своего политического влияния Англия, так же как и Россия, широко использовала завоеванные в стране экономические позиции.

Соперничество двух держав в Иране нашло формальное разрешение в англо-русском соглашении от 31 августа 1907 г., по которому северная часть страны была объявлена сферой влияния России, южная — Англии, а расположенная между ними территория — нейтральной зоной. Протест Ирана, отказавшегося признать это империалистическое соглашение, разумеется, не был принят во внимание.

Таким образом, некогда могущественная мировая держава, подвергшись «мирному» империалистическому завоеванию, превратилась в полуколонию держав.

Глава II

Пробуждение: из средневековья в XX век

Первые ростки капитализма

«Мирное» вторжение иностранного капитала в Иран на рубеже XIX—XX вв. сопровождалось определенными социально-экономическими сдвигами в иранском обществе, положившими начало эпохе буржуазного общественного переворота в стране. Выявление характера этих сдвигов и особенностей первой революционной «волны» эпохи буржуазного переворота — революции 1905—1911 гг. — невозможно без выяснения степени зрелости конфликта между новыми производительными силами и существовавшими в то время общественными отношениями.

Выше уже отмечалось, что начавшееся в середине XIX в. втягивание Ирана в орбиту мирового капиталистического рынка прервало процесс самостоятельного развития страны. В условиях, когда зачатки новых производственных отношений, как и в большинстве других стран Азии, не сложились в капиталистический уклад, превращение Ирана в аграрно-сырьевой придаток более развитых государств стало исходным пунктом процесса колониальной трансформации иранской экономики. Усилившаяся в эпоху империализма внешнеторговая экспансия иностранного капитала вызвала перестройку всего хозяйственного организма страны в интересах буржуазии империалистических государств.

В конце XIX — начале XX в. особенность положения Ирана по сравнению с колониальными странами, в которых переход к империалистическим методам эксплуатации дал толчок развитию капитализма, состояла в том, что иностранный капитал практически не высту-

пал здесь в роли организатора производства. Иностранные инвестиции направлялись лишь в отдельные отрасли инфраструктуры. Соперничающие империалистические державы воздерживались даже от строительства железных дорог, и за Ираном надолго закрепилось название «страны классического бездорожья». Колониальная эксплуатация по-прежнему осуществлялась методами, свойственными домонополистической эпохе, главным образом через каналы внешней торговли.

Конкуренция иностранных товаров губительно сказалась на первых ростках капиталистического предпринимательства. К началу XX в. обанкротились почти все возникавшие время от времени относительно крупные предприятия, принадлежавшие иранскому капиталу.

Промышленность в целом оставалась в рамках простого товарного производства. Традиционное ремесло, ориентированное главным образом не на национальный, а на ограниченный местный рынок, работало на заказ и потому в большинстве случаев обходилось без посредничества скупщика. Предпринимательская деятельность торгового капитала имела незначительное распространение. Низшие формы предпринимательства в виде капиталистической работы на дому (рассеянной мануфактуры) и капиталистической простой кооперации (в редких случаях развивавшейся в централизованную мануфактуру) имели место лишь в нескольких отраслях, работавших на экспорт. Следовательно, преобладающую роль в области промышленности играло мелкое производство в докапиталистических формах, а крупный торговый капитал был занят преимущественно в области внешней торговли и ростовщичестве.

Поскольку колониальная эксплуатация Ирана осуществлялась главным образом через сферу обращения, последняя приобрела чрезмерную самостоятельность по отношению к национальному производству и тем самым превратилась в фактор, тормозивший и уродовавший развитие этого производства. Национальные кредитные предприятия полностью сохраняли свою средневековую специфику и функционировали лишь как организации денежно-торгового капитала.

Таким образом, уровень развития капиталистических отношений в Иране был весьма низким. Ремесленное производство в целом имело, по существу, еще феодаль-

ный характер, а становление капиталистических отношений в нем протекало при преобладании тех переходных форм, при которых длительно консервировались докапиталистические методы эксплуатации. Купец владел наличными формами товарного производства, не изменяя радикально его природы и социальной структуры. Хотя торговый капитал оказывал уже разлагающее влияние на простое товарное производство и феодальные отношения, развитие производительных сил в области промышленности не вышло еще за рамки феодальных производственных отношений.

Важное (и подчас решающее) значение имели процессы, происходившие в области сельскохозяйственного производства. Если в иранском городе влияние иностранного капитала проявлялось в основном в разрушении большинства отраслей местного ремесла и создании почти непреодолимых препятствий для развития национального промышленного предпринимательства, то в иранской деревне это влияние оказывало трансформирующее воздействие на развитие традиционного способа производства.

Все это определяло своеобразие экономических взаимосвязей двух компонентов, составлявших систему «метрополия — колония». В рамках этой системы экономика развитых капиталистических стран выступала по отношению к экономике стран Востока в той роли, которую в «нормальных» условиях Западной Европы играл национальный город. Главным непосредственным носителем элементов капиталистических отношений в сельском хозяйстве стран Востока был местный торгово-ростовщический капитал, являвшийся проводником трансформирующего воздействия мирового капиталистического хозяйства на традиционное общество.

Приспособление сельскохозяйственного производства Ирана к потребностям мирового капиталистического рынка ускоряло разрушение натурального хозяйства и расширение товарно-денежных отношений, содействуя тем самым разложению феодального способа производства. Рост торгового земледелия вел к фактическому господству частной собственности на землю, хотя и в старой, феодальной оболочке. Процесс трансформации земельной собственности был ускорен массовым притоком торгово-ростовщического капитала в землевладение

(что, кстати сказать, становилось новым фактором, препятствовавшим развитию национального промышленного производства). К началу XX в. в руки помещиков нового типа, не происходивших из среды ленников и старой феодальной аристократии, перешло около половины всех земельных владений в стране. Многие феодалы также стали приспосабливать свое хозяйство к потребностям внешнего рынка. Почти полная ликвидация мелкого крестьянского землевладения в условиях колониальной деформации первоначального накопления приводила к воссоединению разоренных крестьян с не принадлежавшими им средствами производства (землей) на кабальной, полуфеодальной основе.

Крестьянское хозяйство и торгово-ростовщический капитал на землях новых помещиков выступают как два главных компонента такого типа производственных отношений, при котором новый эксплуататорский слой, используя феодальные формы эксплуатации, вместе с тем опосредствует связь мелкокрестьянского производства с мировым рынком и, следовательно, с капиталистическим производством. Этот специфический в условиях азиатских стран тип производственных отношений, характеризующийся торгово-ростовщической эксплуатацией на основе мелкокрестьянской аренды, и составляет социально-экономическую суть тех раннекапиталистических отношений, которые в востоковедной литературе принято обозначать термином «полуфеодальные» (или «феодальные пережитки»). В Иране конца XIX — начала XX в. этот тип отношений приобрел весьма широкое распространение, и его вполне можно рассматривать как особый уклад, представленный торговым земледельцем, основанным на кабальных отношениях.

Торговое земледелие полуфеодального типа отнюдь не является «привилегией» Востока. На Западе в позднее средневековье также были распространены, хотя и с иной внутренней структурой, полуфеодальные формы поземельных отношений, но там они представляли собой составную, и притом, как правило, второстепенную, часть относительно развитого капитализма, средоточием которого был национальный пород. Отличительной особенностью Ирана, как и некоторых других стран Востока, являлось то, что полуфеодальные отношения приобретали относительную независимость от национального

городского капитализма и, более того, задерживали развитие зрелых форм капитализма в области промышленности.

Особенности положения полуфеодальных форм земельных отношений в общественной структуре западных и восточных стран в немалой степени повлияли на перспективы развития этих отношений в чисто капиталистические (хотя в обоих случаях они имели переходный, промежуточный характер). Возможность подобной трансформации, как известно, находится в прямой зависимости от общего хода исторического развития той или иной страны, и в частности, по словам К. Маркса, от «общего развития капиталистического производства вне пределов сельского хозяйства»¹. В условиях западных стран, в которых торгово-ростовщическая эксплуатация сыграла роль переходной ступени к капиталистическому способу производства, соответствующий процесс был облегчен их господствующим положением на мировом рынке и наличием зрелых форм капиталистического уклада в национальном городе.

Иное положение сложилось в странах Востока, развитие которых происходило в условиях их подчиненного, зависимого положения на мировом рынке и при решающем влиянии не национального, а «мирового города». Присущая сельскохозяйственному производству вообще опосредованность трансформации феодальных категорий в капиталистические категориями товарного хозяйства в этих условиях еще более усугубляется. Полуфеодальные отношения в сельском хозяйстве стран Востока оставались в целом категорией феодального способа производства, хотя и обладали отдельными чертами, присущими капиталистическому способу. Замедленные темпы их трансформации зависели от общих особенностей развития застойных общественных форм стран Востока, в которых процессы разложения феодальных производственных отношений и формирования капиталистических оказались разобщенными во времени. Это своеобразие являлось также отражением той свойственной колониальному миру общей закономерности, которая определялась деятельностью иностранного капитала, с одной стороны, ускорившего разложение старых, феодальных, а с другой — препятствовавшего развитию новых, капиталистических отношений.

Непосредственное подчинение сельскохозяйственного производства стран Востока торгово-ростовщическому капиталу привело к тому, что переходные к капитализму отношения оказались законсервированными в наиболее отсталых, полуфеодальных формах. К этому типу генезиса капитализма в сельском хозяйстве правомерно применить положение К. Маркса о том консервативном пути развития мануфактуры и капитализма вообще, когда «купец непосредственно подчиняет себе производство. Как ни велико историческое значение последнего пути в качестве переходной ступени... все же этот путь сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, так как он скорее консервирует и удерживает его как свою предпосылку... Подобные отношения повсюду стоят на пути действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития. Не совершая переворота в способе производства, они только ухудшают положение непосредственных производителей... и присвоение их прибавочного труда совершается здесь на основе старого способа производства»².

Таким образом, развитие капиталистических отношений и в промышленности, и в сельском хозяйстве Ирана происходило примерно одинаковым, консервативным путем. Однако в области сельского хозяйства, более тесно связанного с мировым капиталистическим рынком, эти отношения приобрели большую устойчивость и динамичность, достигли такого объема и удельного веса в экономике страны, что проявляли способность преобразовывать по своему образу и подобию весь аграрный и политический строй общества.

Особенности разложения феодальных и формирования капиталистических отношений, определявшиеся не интересами национального экономического развития, а потребностями мирового хозяйства, обусловили чрезвычайную замедленность процессов классовой дифференциации и сохранение социальной структуры, в целом соответствовавшей докапиталистическому обществу. Ввиду этого понятия, выработанные на основе категорий зрелого капиталистического строя, могут быть приняты для обозначения классов и слоев иранского общества того периода лишь условно.

Для характеристики, например, низших и средних «этажей» классовой структуры Ирана понятия «рабочий

класс», «мелкая буржуазия» и т. д. не могут быть использованы в своем подлинном смысле. В условиях отсутствия сложившегося капиталистического сектора — в виде фабрично-заводской промышленности — наемной рабочей силой, не превратившейся еще в капиталистическую категорию (и, кстати сказать, опутанной феодальной, цеховой и религиозной идеологией), был феодальный предпролетариат. Ремесленники далеко еще не успели превратиться из докапиталистического сословия в промежуточный социальный слой мелких товаропроизводителей. В среде крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения страны и являвшегося наиболее отсталым и забытым классом-сословием иранского общества, процесс имущественного расслоения еще только намечился. Конечно, нельзя упускать из виду и образование под влиянием разложения традиционных отношений маргинальных слоев, стоявших между этими сословными группами.

Показательно, что В. И. Ленин даже в 1920 г. в замечаниях на доклад иранского коммуниста А. С. Султан-Заде, представленный II конгрессу Коминтерна, отмечал, что в Иране (как и вообще на Востоке) большая часть населения — крестьяне, подвергающиеся средневековой эксплуатации, а в промышленности — не рабочий класс, а лишь мелкие ремесленники. Тогда же В. И. Ленин указывал на господство в странах Востока феодальных и полуфеодальных отношений, подчеркивал важную роль купеческого капитала в этих докапиталистических обществах³.

Начавшийся в стране процесс развития капиталистических отношений, подчиненный интересам колониальных держав, осуществлявших ограбление полуколониального Ирана через каналы внешней торговли, выдвинул на ведущие позиции в экономической и общественной жизни представителей торгового капитала, опиравшихся на связанное с внешним рынком полуфеодальное хозяйство.

В его генезисе важную роль играли процессы превращения торговцев средневекового типа в более или менее современных (по условиям стран Востока) купцов-помещиков и трансформации феодальных помещиков в полуфеодальных помещиков-купцов. Но, конечно, при этом в стране сохранялось много купцов, не

владельцев земель, и помещиков, опиравшихся на натуральное хозяйство.

В условиях тесной смычки значительной части купечества, связанной с феодальным землевладением, и многих феодалов, перешедших к ведению товарного хозяйства, существовавшие между ними противоречия не носили антагонистического характера. В силу своего положения и те и другие были заинтересованы в сохранении феодальных основ эксплуатации крестьянства, дававшей и без значительных затрат сравнительно высокие доходы. Учитывая характер этой эксплуатации и однотипность их экономических и социальных функций, можно констатировать, что иранский торгово-ростовщический капитал был представлен так называемыми полуфеодальными помещиками и купечеством, т. е. общественными слоями, не переросшими пока социальную структуру докапиталистического общества.

Ввиду этого применение по отношению к соответствующим, еще неотдифференцировавшимся социальным общностям таких понятий, как «буржуазия», «помещичье-буржуазные круги», без всех необходимых разъяснений не может дать достаточно четкое представление о стадии и уровне их развития. Термин же «торговый капитал» более точно выражает характер деятельности полуфеодальных помещиков и купечества, использовавших торгово-ростовщические методы эксплуатации крестьянства.

Конкретный анализ уровня развития и соотношения классовых сил в Иране исключает необходимость не только применения к иранскому купечеству термина «буржуазия», но и противопоставления его так называемой национальной и компрадорской частям. Понятие «национальная буржуазия», являющееся в значительной мере умозрительной теоретической конструкцией, фактически не имеет реального аналога в какой-либо устойчиво развивавшейся и качественно определенной иранской социально-политической общности. Если под «национальной буржуазией» понимать связанную с внутренним рынком торговую и зарождающуюся промышленную буржуазию, то такое понимание не очень-то сообразуется с условиями иранского общества конца XIX — начала XX в.

Как отмечалось выше, капиталистическое предпри-

нимательство практически еще не затронуло сферу промышленности, а развитие товарных отношений в Иране происходило в условиях чрезвычайно ограниченного внутреннего рынка и определялось преимущественно интересами мирового хозяйства. При таком положении представителей иранского торгового капитала, связанных с внешним рынком, еще можно квалифицировать как торговую буржуазию ввиду их смычки с иностранным капиталистическим производством вне страны. Но купцы, связанные с внутренним рынком и местной промышленностью, в целом находившейся в рамках простого товарного производства, являлись, по существу, всего лишь скупщиками и раздатчиками, т. е. агентами того же торгового капитала, а отнюдь не капиталистическими предпринимателями рассеянной мануфактуры. Находясь еще в самом начале длительного процесса «переплавки» в социальную категорию капиталистического типа, они создавали те консервативные формы производственной деятельности, которые, повторяя уже приводившееся выше высказывание К. Маркса, «повсюду стоят на пути действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития». Компрадорство, консервативное по самой своей природе, в условиях зависимого развития — такая же исторически обусловленная и необходимая ступень становления национального капиталистического предпринимательства, но в то же время и главное орудие накопления национального капитала⁴.

Характерно, что политические требования почти всех слоев иранского купечества в принципе мало чем различались между собой. Практически все иранские просветители конца XIX — начала XX в. выдвигали однотипные (хотя и с различной степенью радикализма) требования: создание конституционной монархии, обеспечение неприкосновенности частной собственности, ликвидация феодальной анархии, фактическое уравнивание прав национальных предпринимателей с иностранными и т. д. При этом и такие передовые иранские просветители, как Мальком-хан и А. Талыбов, не только не выступали с идеями установления республики и демократического решения аграрного вопроса, но и подчас проявляли даже благожелательное отношение к политике империализма.

В умеренности отмеченных выше требований отра-

зился достигнутый уровень социально-экономического развития страны и реальных общественных противоречий. Вместе с тем отдельные иранские просветители, проживавшие за границей, проявляли относительный радикализм в своей общетеоретической концепции и некоторых конкретных лозунгах. Но это может быть объяснено не отражением интересов «национальной буржуазии», противостоящей «реакционному» компрадорству, а влиянием внешних факторов на развитие общественной мысли Ирана. Показательно, что их радикализм не находил внутри страны адекватной базы. Это предопределило политические метаморфозы и Мальком-хана и А. Талыбова, которые, вступив на поприще политической деятельности, довольно быстро перешли на позиции конформизма и ярой вражды к революционному движению.

Оценивая в целом характер и особенности идеологии иранского просветительства конца XIX — начала XX в., можно сказать, что, будучи буржуазно-национальной в плане исторической перспективы, она выражала в данной конкретно-исторической ситуации интересы не буржуазии («национальной» или же компрадорской), а различных политических течений разнородного по источникам формирования и отдельным требованиям торгового капитала, т. е. социальных групп эксплуататоров, бывших носителями отношений, переходных к капиталистическому способу производства. Наиболее полно политические позиции этих групп выявились в период иранской революции 1905—1911 гг.

«Конституционная революция»

Революция 1905—1911 гг. в Иране являлась неотъемлемой частью той волны буржуазных революций и национально-освободительных движений начала XX в., которую В. И. Ленин характеризовал как начавшийся под непосредственным влиянием русской революции 1905—1907 гг. процесс «пробуждения Азии». Другими характерными звеньями этого процесса были, как известно, младотурецкая революция 1908—1909 гг. (Турция) и Синьхайская революция 1911—1913 гг. (Китай).

Всеобщие демонстрации и забастовки в 1905—1906 гг., открытие в октябре 1906 г. первого в Иране меджлиса

(парламента), разработка и утверждение в декабре того же года Основного закона, неудавшаяся попытка контрреволюции перейти в наступление в январе — феврале 1907 г., принятие в октябре того же года Дополнительный к Основному закону, явившихся наиболее важной частью иранской конституции, новая и опять же неудавшаяся попытка контрреволюционного переворота в декабре 1907 г., бомбардировка и разгром меджлиса в июне 1908 г. казачьей бригадой во главе с русским полковником Ляховым, Тебризское восстание 1908—1909 гг. (самое значительное явление иранской революции), свержение Мохаммед Али-шаха и возведение на престол его малолетнего сына Ахмеда в июле 1909 г. (в результате похода на Тегеран революционеров северной провинции Гилян и отрядов южных бахтиарских племен), открытие в ноябре 1909 г. меджлиса II созыва, провалившаяся попытка Мохаммед Али захватить шахский престол в июле 1911 г., интервенция царских войск на севере и английских — на юге страны, разоружение революционных сил и контрреволюционный переворот в декабре 1911 г.—таковы основные события иранской революции.

Читатель вправе поставить вопрос: чем же объяснить такой размах и динамизм революции, всколыхнувшей широкие народные массы, да и вообще само ее возникновение, если, как отмечалось выше, в Иране к тому времени еще далеко не сложился капиталистический уклад, а процесс формирования буржуазии находился на самом начальном этапе своего развития и, следовательно, конфликт между новыми производительными силами и существующими общественными отношениями не мог достичь достаточной степени зрелости?

Этот вопрос был бы вполне резонным, и не только в отношении иранской, но и однотипных с ней младотурецкой и Синьхайской революций. Особенности первой из них побудили, например, видного советского ирановеда В. П. Осетрова (Ирандуст) в 1927 г. сделать необоснованный вывод, что она не имела значения «подлинной революции»⁵. В послевоенные десятилетия своеобразие Синьхайской и иранской революций нередко изучалось в рамках обсуждения антиномии — «буржуазная» и «буржуазно-демократическая». При этом подобные характеристики-антитезы обычно использовались

для определения форм революционного процесса, состава движущих сил революции и применяемых в ней средств борьбы. Но в данном качестве такие определения не всегда прямо отражают внутренние процессы, обуславливающие глубинные основы революционного движения.

В настоящее время в литературе общепризнаны, с одной стороны, социально-экономическая отсталость тогдашнего Ирана по сравнению не только с Китаем, но даже и с Турцией, а с другой стороны, тот факт, что только в Иране революция проявила высокую степень демократизма. Эта особенность справедливо объясняется наиболее непосредственным влиянием русской революции на Иран. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что при более высокой степени демократизма иранской революции по сравнению с Синьхайской требования демократического течения в Иране были менее радикальны, чем в Китае. Ввиду этого демократизм революции не может рассматриваться как прямой показатель зрелости внутренних социальных антагонизмов.

Однако и распространенное ныне определение характера иранской революции как буржуазной, антифеодальной и антиимпериалистической не поддерживается полностью частью историков-иранистов. Некоторые из них ограничиваются двумя последними частями упомянутого трехчленного определения, а другие — настойчиво употребляют заимствованные из иранской историографии термины «конституционное движение», «конституционная революция», в которых отразились лишь некоторые специфические черты революции.

В современной прогрессивной иранской социологии выдвигается мнение, что к началу революции 1905—1911 гг. необходимый для качественного скачка в историческом процессе минимум социально-экономических предпосылок в Иране еще не вполне сложился. Отмечая неразвитость капиталистического уклада, некоторые из иранских социологов считают возможным делать вывод о незрелости объективных предпосылок революции. Но как тогда объяснить факт перерастания возникшей все же революционной ситуации в революцию, если, по их мнению, к тому времени не сложились и те общественные силы, которые были бы в состоянии разрушить старый общественный строй?

Постановка вопроса о незрелости объективных предпосылок революции не представляется достаточно обоснованной, поскольку революция, сама по себе отражающая возможность качественного скачка в историческом процессе, возникает лишь тогда, когда минимум социально-экономических предпосылок для соответствующего скачка уже сложился. Вопрос лишь в характере того нового качества, которое призвано заменить старое, ибо даже решение только промежуточных задач в границах одной общественно-экономической формации может быть качественным скачком в развитии общества. Недостаточно учитывается при такой постановке вопроса и национально-освободительный характер революций эпохи «пробуждения Азии».

Анализ этих однотипных по своей социальной сущности революций требует учета многообразных факторов, важнейшими из которых являются стадия генезиса капиталистических отношений в данной стране и уровень развития мировой капиталистической системы. Разработанная в марксистской историографии типология буржуазных революций, как «ранних» (XVI—XVIII вв.), так и более «поздних», в том числе эпохи империализма (XIX—XX вв.), как раз и основана на учете всех этих факторов. В эпоху «ранних» буржуазных революций в Западной Европе, происходивших при отсутствии влияния со стороны уже сложившихся развитых форм капитализма в других странах, большое значение имели локальные факторы, прежде всего зрелость капиталистических отношений в соответствующей стране. При более «поздних» буржуазных революциях, происходивших в условиях сложившейся и развитой системы капиталистических стран, локально-региональные особенности приобрели подчиненный характер и выступали либо как частные, либо как деформированные модификации действующих общих закономерностей системы.

Для понимания предпосылок буржуазных революций в специфических условиях стран Востока международный аспект проблемы приобретает еще большее значение. Глубинная причина иранской революции, определяемая в марксистской ирановедческой литературе как конфликт между растущими новыми производительными силами и феодальными производственными отношениями, в полной мере может быть понята в аспекте между-

народных экономических связей, в сфере которых названный конфликт проявился с особой силой в результате взаимодействия отсталой феодальной общественно-экономической структуры с высоко развитым капиталистическим производством. Кстати сказать, необходимость учета международных экономических связей как важной сферы проявления противоречия между развитием производительных сил и старыми производственными отношениями отмечена историками даже в отношении такой относительно развитой страны, как предреволюционная Россия.

Что касается другой коренной причины иранской революции — противоречия между потребностями развития национальной экономики и господством иностранного капитала, то она вовсе не предполагает максимальную степень зрелости конфликта между производительными силами и производственными отношениями в масштабе национальной экономики.

Применение разработанной в марксистской историографии типологии буржуазных революций к азиатским революциям начала XX в. требует учета специфических условий восточных стран. Если дофабричная и отчасти даже домануфактурная стадия развития национального капитализма, на которой произошли революции в Азии, позволяет сближать их с «ранними» буржуазными революциями в странах Западной Европы, то общие международные условия, характеризовавшиеся победой в результате промышленного переворота фабричной стадии развития мирового капитализма, — с революциями 1848—1849 гг. в странах Центральной и Восточной Европы. Значительное своеобразие придал им и переход развитых капиталистических держав-метрополий в стадию империализма.

Почти все «ранние» западноевропейские революции, так же как и революции эпохи «пробуждения Азии», произошли в условиях незрелости капиталистического уклада. Реформация и Крестьянская война в Германии первой четверти XVI в., оцениваемые как первая попытка буржуазной революции, нидерландская революция второй половины XVI в. и отчасти английская революция середины XVII в. не только показали в своем последовательном развитии основные стадии генезиса самого типа буржуазной революции, но и обнаружили

некоторые общие черты, «воспроизведенные» позже в азиатских условиях на совершенно иной общеисторической основе. Например, в Германии попытка революции имела место при отсутствии сложившейся в класс буржуазии, а поражение крестьянского движения привело к укреплению господства феодальных отношений. Первая победоносная революция в Европе — нидерландская, ускоряющим импульсом для которой явилось иноземное владычество, происходила в условиях мелкотоварного уклада и выросшего на его базе торгового капитала, наложивших отпечаток на всю общественную структуру, и привела к установлению господства торгового капитала, не заинтересованного в решительной «чистке» феодализма и выступавшего в союзе с дворянством. Хотя в Англии аграрный переворот имел радикальный характер, то обстоятельство, что значительная часть импульсов революции исходила из деревни, обусловило руководящую роль «нового дворянства» и компромиссный, половинчатый исход самой революции. И только французская революция конца XVIII в., олицетворявшая собой собирательный, синтетический тип «ранних» революций, приобрела законченные, классические формы.

Вместе с тем в формах и ходе революций эпохи «пробуждения Азии» можно отметить много сходного с революциями 1848 г. в странах Центральной и Восточной Европы. Имевшиеся существенные различия обусловлены тем, что общие закономерности мировой капиталистической системы проявились в этих странах не в той деформированной модификации, как впоследствии на колониальной периферии империализма, а в том частном видоизменении, которое уже действовало в результате утверждения на мировой арене экономического господства буржуазии. То же следует сказать о Японии, избежавшей участи превращения в аграрно-сырьевой придаток промышленных стран Запада.

Определение революций эпохи «пробуждения Азии» как буржуазных по своему социальному содержанию отнюдь не означает, что главные объективные задачи таких революций — коренная ломка феодального способа производства и соответствующего ему политического строя — следует рассматривать как реально осуществимые в ходе данной революционной «волны». Поскольку же лидеры иранской революции (так же как младо-

турецкой и Синьхайской) пытались разрешить (да и то лишь частично) только вторую из этих задач, то некоторые иранские социологи считают возможным представлять это как еще одно доказательство недостаточной зрелости предпосылок революции. Но дело, очевидно, в недостаточной зрелости предпосылок не революции, а именно коренной ломки феодального способа производства, каковая задача, по словам К. Маркса, «возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления»⁶.

Под «материальными условиями» основоположники марксизма понимали вполне определенное взаимодействие объективных и субъективных факторов. Ф. Энгельс отмечал, что старый способ производства теряет своих приверженцев даже среди угнетенных классов лишь тогда, «когда условия его существования в значительной мере исчезли и его преемник уже стучится в дверь»⁷. В Иране, где «условия существования» феодального способа производства оказались законсервированными торгово-ростовщическими методами эксплуатации непосредственных производителей, в начале XX в. «стучится в дверь» еще не зрелый капиталистический уклад, а лишь консервативный тип раннекапиталистических отношений, что и определило ограниченность выдвигаемых задач. Аналогичное явление в целом было характерно также для Китая и Турции.

Объективный критерий зрелости общества для коренной ломки феодального аграрного строя определяется зрелостью социальных категорий, среди которых первое место занимает сам революционный класс, призванный выступить в роли гегемона революции. Но в то же время «организация революционных элементов как класса предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества»⁸.

Эти и другие указания основоположников марксизма на непосредственную взаимосвязь между общим уровнем социально-экономического развития страны и политическим осознанием возникающих противоречий дают ключ к оценке положения в странах Востока, где достигнутая стадия развития раннекапиталистических отношений выдвинула в качестве гегемона революций на-

чала XX в. тесно связанных с землевладением представителей торгового капитала.

Осуществлявшие руководство революционным движением в Иране полуфеодалные помещики и верхушка купечества, добиваясь сохранения и укрепления полуфеодалной помещичьей собственности, ограничивались в социальной области требованиями обеспечения неприкосновенности личности и гарантии частной собственности, в том числе на землю. В целом их требования были направлены на создание политического режима, способного закрепить новые формы земельной собственности в деревне и создать элементарные условия для развития буржуазного предпринимательства в городе. Но и лозунги демократического течения, представлявшего широкие народные массы, отличались лишь степенью радикализма в рамках общих для всех участников революции требований изменения политического строя, создания основ демократического правопорядка и централизации страны, раздираемой феодальными усобицами.

Отсутствие в требованиях даже демократического течения лозунгов радикального разрешения аграрного вопроса определялось, несомненно, реальным уровнем развития раннекапиталистических отношений, тем, что проблема коренной ломки феодального аграрного строя еще не была поставлена на повестку дня внутренним развитием иранского общества. В этих условиях именно реорганизация деспотической системы власти составляла коренной вопрос начального этапа эпохи буржуазной социальной революции. И дело в данном случае не в политической непоследовательности, а в социальной сущности руководивших революцией сил, не в отставании их сознания от бытия (идея революции всегда означает опережение бытия), а в особенностях проявления основного противоречия.

Одна из этих особенностей определяется спецификой государственных форм на Востоке вообще. Если в условиях стран классического развития капитализма вызревание буржуазных отношений и их формирование в уклад происходили в рамках феодально-абсолютистского государства, то феодально-монархическая восточная деспотия всегда была несовместима, как отмечалось выше со ссылкой на слова Ф. Энгельса, с капиталистическим строем.

Другая особенность вытекает из полуколониального положения рассматриваемой группы стран. Важно в этой связи указание К. Маркса на то, что в колониальной Индии, например, где англичане немедленно применили свою непосредственную экономическую и политическую власть как получатели земельной ренты и правители, разложение традиционных общинных и иных институтов происходило гораздо быстрее, чем «в Китае, где непосредственная политическая власть не приходит на помощь»⁹.

Именно эти особенности обусловили то, что в отсталых полуколониях революции произошли раньше, чем в относительно более развитых колониях. Они же определили и формы проявления в специфических условиях полуколониальных стран противоречия между развитием производительных сил и характером производственных отношений, существовавшего в «чистом» виде лишь в сфере международных экономических связей. Внутри полуколониальных обществ данное противоречие наиболее ярко могло проявиться как несоответствие между уже происшедшими частичными сдвигами в их социально-экономическом строе, которым объективно содействовала деятельность иностранного капитала, и сохранением архаической государственной организации и политической власти, которые империализм всемерно поддерживал как основное условие своего господства. Утверждающаяся экономическая власть местного торговоростовщического капитала требовала создания адекватной условиям его развития политической надстройки.

Специфика ближайших задач революций эпохи «пробуждения Азии» наложила отпечаток и на своеобразные формы проявления национально-освободительного характера этих революций. То обстоятельство, что ни в одной из рассматриваемых стран не была выдвинута четкая антиимпериалистическая программа, объясняется отнюдь не недостаточно ясным представлением о том, что именно империализм является главным оплотом внутренней феодальной реакции. Преобладавшая в тот период тенденция к союзу с иностранным капиталом определялась в первую очередь самими условиями экономического существования местного торгового капитала, который, пользуясь уже приводившимся выражением К. Маркса, «консервирует и удерживает его как свою

предпосылку». Именно поэтому не только либеральные, но и демократические круги Ирана были склонны удовлетвориться поверхностными в общем изменениями существовавшего политического строя, поддерживаемого империализмом. В этом заключалось одно из глубочайших внутренних противоречий полуколониальной (если можно так выразиться) революции, отражавшее общую двойственность политики империализма в соответствующих странах.

Марксизму-ленинизму чужд подход к задачам революций в той или иной стране с абстрактных позиций, вне учета стадии и особых условий ее развития. Раскрывая объективное содержание «буржуазно-демократических национальных движений» эпохи «пробуждения Азии», В. И. Ленин отмечал наличие «стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств», писал о «борьбе за азбучные права человека»¹⁰.

Разумеется, нет и фатальной предопределенности того, чтобы революция ограничилась решением ближайших задач. В. И. Ленин указывал, что успех азиатских революций могло обеспечить лишь мощное народное движение, поднятое на борьбу антифеодальными лозунгами. Главный путь к победе кигайской революции он видел «в развитии наибольшей самостоятельности, решительности и смелости крестьянских масс в деле политических и аграрных реформ»¹¹. Но вместе с тем В. И. Ленин высказывал сомнения в способности крестьянства («при отсутствии или полном бессилии пролетариата») «удержать свою демократическую позицию *против* либералов»¹², поскольку «простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»¹³. В конкретных исторических условиях Ирана проблема заключалась не только в отсутствии такого руководства, но и в том, что и крестьянство, как указывалось выше, еще не представляло собой мелкобуржуазную массу.

Признание буржуазного характера революций эпохи

«пробуждения Азии» обуславливается отнюдь не объективной задачей уничтожения феодального аграрного строя. «Возможна буржуазная революция в стране с значительным крестьянским населением и, однако, такая революция, которая отнюдь не является крестьянской революцией, т. е. такая, которая не революционизирует специально касающихся крестьянства поземельных отношений и не выдвигает крестьянства в числе сколько-нибудь активных общественных сил, творящих революцию»¹⁴. Особенности первоочередных задач рассматриваемых революций отражены в самой сущности ленинского термина «пробуждение Азии», означавшего, что «в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году»¹⁵.

Показательно развитие событий в Турции, единственной стране, где руководившие революцией политические силы добились доступа к государственной власти. Внутренняя политика младотурок, в частности в аграрном вопросе, способствовала расширению полуфеодального помещичьего землевладения и закреплению торгово-ростовщических методов эксплуатации. Она же предопределила мучительный, консервативно-помещичий путь эволюции капиталистических отношений в сельском хозяйстве Турции, затянувшийся на многие десятилетия.

Весьма показательны и те политические перспективы, которые обнаружили в иранской революции. Наивысший «пик» ее начального этапа характеризовался тенденцией установления политического преобладания господствующего в экономической жизни торгово-ростовщического капитала в лице полуфеодальных помещиков и купечества, получивших большинство мест в меджлисе I созыва. Рост активности трудящихся масс на последних этапах революции мало что изменил в тенденциях и перспективах ее развития, поскольку они не смогли удержать свою демократическую позицию против либералов. После решающих успехов трудящихся к власти пришло правительство, включавшее и феодальных аристократов, влияние которых в правящих кругах впоследствии увеличилось. Меджлис II созыва отличался от I гораздо более умеренным характером.

Основная особенность иранской революции 1905—1911 гг. состоит в том, что ее объективным содержанием

ем являлось еще только создание условий для перехода к буржуазному развитию, а в качестве гегемона и движущих сил выступили классы и слои, не переросшие социальную структуру докапиталистического общества. Преобладающая тенденция ее развития вела к вступлению страны в ту стадию общественно-экономической эволюции, которую можно характеризовать как переходную от феодализма к капитализму. Подобно другим революциям в странах Азии, иранская революция была «ранней» буржуазной, национально-освободительной революцией эпохи империализма, свершившейся на том уровне развития в недрах феодального общества капиталистических отношений, пределы и качественные черты которого определялись интересами иностранного капитала.

Воздействие последнего на экономическое развитие Ирана еще не приняло такого масштаба, чтобы оно могло способствовать сколько-нибудь рельефной социальной дифференциации общества. Рост товарно-денежных отношений и расширение товарного хозяйства происходили еще в рамках тех значительных торговых традиций, которые отличали восточные страны на протяжении всего средневековья. Все это обусловило не только отсутствие прямых антиимпериалистических выступлений в ходе иранской революции, но и ее более широкий общенациональный характер в сравнении с европейскими буржуазными революциями.

И действительно, основное объективное социальное содержание революции 1905—1911 гг. в Иране, определявшееся интересами верхушечных слоев торгового капитала, не затрагивало непосредственно и в достаточно сильной степени важнейшие социально-экономические позиции других привилегированных слоев иранского общества. Не случайно поэтому важное место в руководстве движением принадлежало и высшему мусульманскому (шиитскому) духовенству, заинтересованному в ослаблении светской власти и сохранении своего влияния на государственную политику. Значительное участие в политических событиях приняла также сепаратистски настроенная феодально-племенная верхушка, стремившаяся к ограничению прерогатив центрального правительства и расширению собственных прав и привилегий. Определенная общность интересов, объединяв-

шая эти разнородные по своим устремлениям социально-политические силы, нашла концентрированное выражение в основном лозунге революции — требовании конституции, направленном на реорганизацию деспотической системы правления династии Каджаров. Требование конституции получило широкую популярность и среди демократических слоев населения — ремесленников, мелких торговцев, городского пролетариата, крестьянства и т. д., видевших в его реализации возможность свободного развития и кардинального изменения материальных условий своей жизни.

Более полно особенности иранской революции, равно как и характер используемого в иранской историографии термина «конституционная революция», могут быть поняты при рассмотрении хода революции и послереволюционного развития страны под углом зрения проявившихся в них соотношения и синтеза традиционных и современных элементов.

Традиции и современность

Революция 1905—1911 гг. в Иране осталась незавершенной даже в рамках тех ограниченных требований, которые выдвигались ее участниками. В стране сохранилось политическое преобладание реакционной феодальной верхушки во главе с Каджарской династией, учитывавшей интересы помещиков нового типа и торговцев лишь в самых ограниченных пределах. Основные привилегии феодалов и ханов племен как в экономической, так и в политической областях остались в неприкосновенности. Не была ликвидирована и феодальная раздробленность страны.

Важнейшими завоеваниями революции были принятие конституции и создание представительного учреждения — меджлиса. Собственно, борьба за эти два требования, осуществление которых было призвано в то время изменить характер деспотического режима, составляла основное политическое содержание иранской революции (как и других революций эпохи «пробуждения Азии»), что и нашло отражение в принятых в иранской историографии терминах «конституционное движение», «конституционная революция».

Однако было бы необоснованно делать вывод о достижении в этой области целей революции. В послереволюционный период главные положения конституции фактически не были проведены в жизнь. Меджлис же в условиях сохранения феодальной государственной организации, когда основная масса избирателей — крестьянство голосовало или считалось голосующим за своих господ, стал орудием борьбы за власть не только представителей торгового капитала, но и феодально-клерикальных кругов. Последние, как отмечал В. П. Осетров, кроме прежних форм власти получили возможность отстаивать свои классовые интересы под видом депутатов народа в меджлисе и на конституционных министерских постах. Упомянувшийся выше иранский коммунист А. С. Султан-Заде также писал о приспособлении меджлиса феодальной кликой для служения своим классовым интересам и о наивности либералов, надеявшихся укрепиться у власти через парламент и ответственных министров. Действительно, в последующие за революцией годы феодально-клерикальная клика, захватившая большинство в меджлисе, прикрывалась в борьбе за сохранение своей власти лозунгами защиты «конституционной законности».

Специфика политической жизни полуфеодального Ирана в условиях существования в стране таких атрибутов буржуазной демократии, как конституция и парламент, была вскрыта еще ирановедами 20-х годов (хотя они не всегда учитывали при этом сдвиги в базисе иранского общества). Так, В. П. Осетров отмечал, что эти политические институты не выросли органически из экономического строя и социальных отношений в Иране, а появились будто бы только в порядке внешнего заимствования у более передовых государств. Превращение страны в начале XX в. «в конституционную монархию с основными законами, заимствованными из европейских конституций, но совершенно не отвечающими реальному соотношению в ней классовых сил», создало «ряд политических парадоксов, основанных на том, что ее буржуазно-демократическая конституция механически приставлена сверху к феодально организованной стране». При чрезмерной категоричности приведенного суждения В. П. Осетров в целом дал верную оценку общественной жизни Ирана, представляющей собой

сочетание «пережитков средневековья с методами политической борьбы, заимствованными из политического арсенала современных капиталистических стран» и дающими возможность феодалам использовать «новые условия и методы парламентско-конституционной борьбы... для маскировки старых форм феодально-патриархальных отношений»¹⁶.

Проявившийся в данном случае своеобразный синтез традиционных и современных элементов был характерной чертой отставших в своем развитии стран Востока. Если, например, в России в начале XX в. переход к представительным учреждениям национального масштаба, как отмечал В. И. Ленин, стал необходимостью под влиянием роста капитализма, усиления буржуазии и т. д. и совершился на основе уже имевшегося относительно длительного опыта земских и иных выборных комитетов дворян и купцов, то в Иране, как и в других странах Востока, соответствующие условия еще не сложились в достаточной степени. Борьба за конституцию здесь с самого начала, как отмечалось выше, использовалась феодалами и примыкающим к ним духовенством и в целях укрепления своих экономических и политических позиций.

Возможность наполнения новых, буржуазно-демократических форм политической жизни старым, феодальным содержанием обуславливалась в Иране и прямым влиянием русской контрреволюции, представленной при шахском дворе. Характерно, что черты сходства событий, предшествовавших контрреволюционному перевороту 1908 г. в Иране и третьиюньскому перевороту 1907 г. в России, уже тогда были отмечены в прокламации участников иранской революции: «Когда реакционное русское правительство возымело намерение распустить Думу, т. е. русский меджлис, то оно распространило среди населения воззвание, точный сколок с коего в буквальном переводе появился [теперь] в Тегеране»¹⁷. О перевороте 1908 г. В. И. Ленин писал: «В Персии произошла контрреволюция, своеобразно соединившая российский разгон первой Думы с российским восстанием конца 1905 г.»¹⁸. Опыт зарубежных стран заимствовали, таким образом, не только силы революции, но и контрреволюции.

Говоря о возможности наполнения современных форм

традиционным содержанием, нельзя не учитывать и сам характер требования конституции. Отмечая реформистскую в своей основе суть этого требования, В. И. Ленин показал, что революционное содержание оно принимает только в результате борьбы широких трудящихся масс. «Конституция,— писал он,— есть сделка между историческими силами (дворянского, крепостнического, феодального, абсолютистского) общества и либеральной буржуазией. Реальные условия этой сделки, размер уступок старого или побед либеральной буржуазии, определяются успехами побед демократии, широких народных масс (и рабочих в первую голову) над силами старого»¹⁹.

Иранский торговый капитал проявил такие же реформистские, а затем и контрреволюционные устремления, как либеральная буржуазия в России. «Азиатские революции,— писал В. И. Ленин,— показали нам ту же бесхарактерность и подлость либерализма»²⁰. Но если реформизм русской буржуазии был обусловлен главным образом страхом перед растущей мощью и организованностью пролетариата, то иранского торгового капитала — его неразвитостью, неотдифференцированностью от класса феодалов.

В этих условиях начавшееся в Иране в 1905 г. конституционное движение приобрело революционный характер лишь благодаря вовлечению в него широких трудящихся масс, способствовавших расширению, углублению и радикализации борьбы за конституцию. Под влиянием революционного движения российского пролетариата традиционные формы борьбы стали наполняться новым содержанием. Показательно, что повсеместно возникшие в Иране демократические организации зарождающегося пролетариата, ремесленников и мелких торговцев (энджумены) во многом строились по принципу рабочих и крестьянских Советов в России. Стихийные, разрозненные «старые китайские бунты» (В. И. Ленин) повсюду приобретали все более сознательный характер, начинали перерастать в массовое революционное движение национального масштаба. Традиционный метод пассивного сопротивления (бест), основанный на использовании права неприкосновенности в мечетях и других «святых» местах, превращался в активное, революционное средство борьбы (нечто вроде сидячих забастовок).

Получили распространение специфически пролетарские методы и формы борьбы — массовые стачки, перерастающие в вооруженное восстание. Возникшие впервые в Иране профсоюзы начали уже играть известную роль в политической жизни.

Однако не следует и переоценивать значение новых, современных элементов в организации и деятельности демократических сил. В большинстве энджуменов руководящая роль принадлежала представителям торгового капитала. Их влияние явно ощущалось и там, где доминировали выходцы из демократических слоев населения. В профсоюзах, возникавших главным образом на базе цеховых организаций ремесленников, еще господствовала средневековая идеология. Не подготовленные к самостоятельным выступлениям, они были в основном «попутчиками» либеральных кругов в борьбе за конституцию. Что касается крестьянского движения, то оно и вовсе не вышло за рамки выступлений традиционного типа. Торговцы прибегали к забастовкам не только в политических, но и в личных, корыстных целях. А участие феодально-племенных ополчений в походе на Тегеран и свержении Мохаммед Али-шаха прямо диктовалось намерением использовать конституцию и парламентско-демократический режим для укрепления и расширения феодальной вольницы.

Преобладающее значение в общественной жизни Ирана традиционных элементов особенно наглядно выявляется при рассмотрении партийной деятельности, получившей в этот период относительно широкое распространение. В условиях чрезвычайной пестроты классовой структуры общества, незавершенности процесса его социальной дифференциации и отсутствия в стране традиций партийной деятельности выраставшие как грибы после дождя и так же быстро распадавшиеся партии отличались аморфным характером и крайней расплывчатостью своих программных установок. Образовавшаяся в период работы меджлиса II созыва так называемая Демократическая партия, основное ядро которой составляла соответствующая фракция в меджлисе, включала в свой состав наряду с представителями торгового капитала и многих феодалов. Другая фракция, «этедалиюн» («умеренные»), состоявшая из самых правых депутатов, также называла себя партией, хотя, по существу,

вне пределов межджлиса не имела действительно широкой организации.

Интересно отметить, что орган Демократической партии газета «Иране ноу» («Новый Иран») на своих страницах довольно часто публиковала статьи о научном социализме, переводы выдержек из произведений основоположников марксизма. Конечно, этот факт можно рассматривать как показатель проникновения марксистских идей в Иран, однако, оценивая субъективный аспект данного явления, нельзя не вспомнить деятельность «легального марксизма» в России в 90-х годах XIX в. Будучи идейным течением еще не выработавшей собственного мировоззрения либеральной буржуазии, оно представляло собой, по характеристике В. И. Ленина, вульгаризированное отражение марксизма в буржуазной литературе и имело целью использовать его для обоснования развития капитализма в России. Эта оценка, с учетом специфики социально-экономического развития Ирана и общественно-политических устремлений иранского торгового капитала, вполне применима и к деятельности газеты «Иране ноу».

Показательно письмо ее издателя и редактора М. Э. Расул-заде известному русскому социал-демократу М. П. Павловичу от 16 апреля 1910 г. Он, в частности, писал, что «Иране ноу» — первая в стране газета, «которая начала издаваться по европейскому образцу», — «не боится социалистических теорий»²¹. Не менее характерна и сама личность М. Э. Расул-заде. В 1911 г. он стал одним из создателей и руководителей азербайджанской контрреволюционной буржуазно-националистической партии «Мусават» («Равенство»), а до этого, в 1904—1905 гг., был членом азербайджанской социал-демократической группы «Гуммет» («Энергия») при Бакинском комитете РСДРП и членом ЦК иранской организации «Эджтемаюне амиюн» («Социал-демократ»).

Деятельность революционно-демократических организаций Ирана — массового военизированного общества «Моджахед» («Борец за святое дело») и упомянутой «социал-демократической» организации — представляет особый интерес с точки зрения соотношения и синтеза традиционных и современных элементов.

Обществу «Моджахед», например, были присущи не-

которые атрибуты партий современного типа — членские взносы и билеты, зафиксированные программа и устав, наличие единого руководящего центра и т. п. Характерно, что принятая в 1907 г. в Мешхеде программа прямо указывала на необходимость заимствования опыта цивилизованных стран Европы и Азии. Однако эти атрибуты имели чисто внешний характер. Общество, по существу, не имело единой общей программы, которой бы строго придерживались все организации. Более того, самостоятельное принятие каждой организацией собственной программы подчас даже поощрялось. При отсутствии обязательных для всех организаций программных и уставных положений вряд ли можно предполагать и действительное признание ими единого руководящего центра, хотя заверения в этом имеются в их документах.

В целом общество «Моджахед» не вышло за рамки организации традиционного типа. Внешние атрибуты современных партий оно своеобразно сочетало с превалировавшими в нем характерными чертами средневековых сект — иерархическая структура организации, построенная на беспрекословном повиновении низших органов высшим, многоступенчатая система конспирации (районные группы, общее собрание, особое собрание, центральное управление, связь между которыми осуществлялась через посредников), специальные суды и тайные тюрьмы для наказания провинившихся членов (от выговора, бойкота, высылки, денежного штрафа и ареста до смертной казни), тактика заговорщичества и индивидуального террора и т. п. Интерпретация этих черт средневековых сект как проявлений мелкобуржуазности означала бы чрезмерную переоценку уровня и степени развития традиционных и маргинальных слоев и групп, составлявших основную массовую базу общества.

Программные требования общества были нацелены в основном на реформирование феодально-деспотической системы власти и политической структуры. Лозунги по аграрному вопросу сводились главным образом к требованию передачи крестьянам государственных земель, которое выдвигала, кстати сказать, и упоминавшаяся выше Демократическая партия. Зафиксированное в мешхедской программе требование отчуждения за выкуп излишков помещичьих земель не имело практического

значения, поскольку руководители общества, опиравшиеся преимущественно на городское население, не претворяли его в жизнь даже там, где имели для этого возможность. Программные документы общества не посягали никогда и на монархический строй.

Умеренность социальных лозунгов организации привлекала к ней представителей торгового капитала. В целях укрепления своего влияния последние использовали и допускаемые уставом организации добровольные пожертвования, составлявшие, кстати сказать, значительную часть ее финансовых средств. Характерна и установленная в мешхедском уставе тысячекратная амплитуда ежемесячных членских взносов — от 1 крана до 100 туманов.

Общество подобного типа могло появиться только в условиях отсутствия сколько-нибудь ярко выраженных социальных антагонизмов в рядах иранского «третьего сословия». Возникавшие в Иране пролетарские элементы, переживавшие самый начальный период зарождения «класса в себе», еще далеко не выделились из общедемократического движения. Что касается непролетарских традиционных и маргинальных слоев, которые могут быть обозначены общим термином «мелкобуржуазная масса» разве что в плане исторической перспективы, то и они были крайне далеки от действительного политического размежевания с представителями торгового капитала.

В плане организационной структуры и программных требований мало чем отличались от общества «Моджахед» и возникшие с началом революции в Иране «социал-демократические» группы, объединяемые общим названием «Эджтемаюне амиюн». В этой связи небезынтересно отметить, что создатели и руководители самой передовой тебризской группы «Эджтемаюне амиюн» — Али Мосье, Али Давафоруш и Расуль Садекияни — были выходцами из торгово-помещичьих кругов и еще в конце XIX в. предпринимали попытки создания тайных обществ. Из иранских источников известно, что первоначально группа состояла из 14 членов.

В центральных и даже некоторых относительно развитых в социально-экономическом отношении северных провинциях Ирана в силу низкого уровня политического сознания трудящихся масс организаторы «Эджтемаю-

не амиюн» прямо блокировались с представителями торгово-помещичьих кругов. Так, созданная одним из будущих основателей Иранской коммунистической партии, Гейдар-ханом Аму-оглы, в Тегеране группа из семи человек с самого начала сотрудничала с Национальным революционным комитетом, состоявшим из видных националистов типа Хасана Таги-заде. После свержения Мохаммед Али-шаха группа влилась в ряды Демократической партии, среди основателей которой наряду с Таги-заде и другими видное место занимал и Гейдар-хан.

Группа «Эджтемаюне амиюн» в г. Реште (центр Гиляна) накануне похода революционных сил на Тегеран установила тесное сотрудничество с крупным феодалом Сепехдаром. После свержения Мохаммед Али-шаха торгово-помещичьи элементы группы, составлявшие большинство ее членов, вошли не только в Демократическую партию, но и в реакционную организацию крупных земельных собственников — «этедалиюн».

Восстановление на этом этапе революции конституции и меджлиса (их формальный характер выявился позже) лишило и программу «Эджтемаюне амиюн» ее наиболее реальных лозунгов. Все это не могло не способствовать внутреннему разложению и распаду ее организаций.

Характерно, что уже в то время некоторые иранские интеллигенты, вставшие на марксистские позиции, не считали «Эджтемаюне амиюн» социал-демократической организацией и активно отмежевывались от нее. Однако безуспешность попыток созданной ими в Тебризе группы проводить «чисто» социал-демократическую деятельность по-своему, так сказать методом от противного, показала отсутствие в Иране в тот момент соответствующих объективных возможностей. В. И. Ленин отмечал, что судьбу и значение лозунгов, тактики или вообще направления той или иной партии или группы определяют не их намерения, а объективная, от них независимая обстановка.

Упомянутая группа состояла главным образом из интеллигентов, многие из которых учились в России и там под влиянием социалистических идей и русской революции начали становиться на марксистские позиции. В первые годы иранской революции они были тесно свя-

заны с армянскими националистическими организациями «Дашнакцутюн» и «Гнчак» и только с конца 1908 г. под влиянием членов РСДРП, влившись в состав группы, стали участвовать в революционной борьбе иранского народа. До этого большинство из них полагало, что, имея своей главной целью борьбу против иностранного капитала и, следовательно, европейской культуры, иранская революция является реакционным движением, поскольку иностранный капитал является единственным фактором, способствующим развитию экономической жизни в стране. Меньшинство же считало, что революция — прогрессивное движение, направленное против феодальных порядков и иностранного капитала.

Внутри группы шла борьба и по вопросу о задачах и характере социал-демократической организации в Иране. Резолюция, принятая большинством в 28 голосов на организационном собрании группы 16 октября 1908 г., гласила: «Организовать чисто соц[иал]-дем[ократическую] группу, привлечь в нее более активных и сознательных рабочих и интеллигентов Персии для ведения классовой борьбы путем агитации, пропаганды и организации рабочих масс». Меньшинство (2 человека) выступало с совершенно противоположной точкой зрения: «Оставить покамест чисто соц[иал]-демократическую работу, войти в ряды демократии, очистить ее от реакционных тенденций, содействовать ее организации, действуя в ней, конечно, как самый радикальный элемент, который видит за этим движением классовую борьбу и который готов работать на этой, т. е. социалистической, почве, когда уже условия будут созревшие»²². Система аргументации спорящих сторон (как и их практическая деятельность) показывает, что каждая из них впадала в определенную крайность, создававшую потенциальную опасность возникновения того или иного уклона внутри группы.

Сердцевину платформы меньшинства составляла, несомненно, правоуклонистская по своим историческим тенденциям идея организационного слияния с общедемократическим движением, хотя оно исходило из реальных социально-экономических и политических условий страны: отсутствие машинного производства и капитализма («в строгом смысле слова»), упадок мануфактурного производства ввиду конкуренции иностранной фабричной продукции, господство торгово-денежного капита-

ла, зависимого от иностранных банков, остатки цехового строя, преобладание в городе пауперов и люмпен-пролетариев при отсутствии сформировавшегося современного пролетариата, сохранение феодальных отношений в деревне, кризис в земледелии, деспотизм, анархия и произвол, засилье духовенства в области просвещения и юстиции и т. д. Тогдашнее рабочее движение меньшинство не считало реальной основой социал-демократической деятельности, способной дать положительные результаты, поскольку «не созрели еще те объективные и субъективные условия, при которых возможна была бы организация и соединение пролетариата». В платформе меньшинства была и другая рациональная основа, выражавшаяся в предложении «избрать временную тактику — организацию демократических элементов против деспотизма и феодализма». Исходя из всего этого, оно выступало за широкие демократические требования, отвечающие специфическим условиям текущего момента.

В позиции большинства обращает на себя внимание противоречивость и эклектичность взглядов на современное положение Ирана. С одной стороны, утверждалось, что Иран уже вступил в стадию индустриального капиталистического производства, способствовавшего появлению наряду с мелкими ремесленниками и пролетариата, с другой стороны, что «индустриального производства нет в Персии, значит, нет и индустриального пролетариата». Тем не менее делался вывод о возникновении почвы для социалистической работы, без проведения которой пролетариат «может сделаться орудием для укрепления господства буржуазии». Во всем остальном большинство исходило не столько из конкретных условий Ирана, сколько из общих марксистских положений об обязанности социалистов «содействовать каждому революционному движению... но главным образом защищать интересы революционного народа, в особенности интересы его неимущих слоев». При этом на Иран механически переносились схемы развития буржуазно-демократических революций в развитых странах. В резолюции большинства говорилось, что «собрать всех революционеров вокруг лозунгов буржуазии это означает: а) защищать фактически этот класс и б) замедлять процесс революции»; что «социалист мо-

жет участвовать в буржуазной революции более удачно, если он стоит на классовой точке зрения пролетариата». Исходя из этого большинство стремилось к организации пролетариата «в классовую партию против деспотизма, феодализма и буржуазии». Такая позиция в условиях Ирана таила в себе опасность возникновения левоуклонистской тенденции, хотя предложение о создании самостоятельной социал-демократической организации являлось, безусловно, правильным и обоснованным.

Вместе с тем большинство до крайности сужало понятие «чисто» социал-демократической работы. Говоря о необходимости выступлений «в пользу экономического и социального прогресса, чем и будут защищены полностью интересы демократии», резолюция большинства раскрывала суть этой работы как борьбу за повышение заработной платы, поскольку низкая зарплата «препятствует введению индустриального производства в стране». Такое содержание «чисто» социал-демократической работы в условиях вооруженной обороны Тебриза грозило отрывом от широких демократических масс. Выдвинутые большинством общедемократические требования подчас были умереннее лозунгов руководителей тебризского восстания.

В условиях вооруженной обороны Тебриза группа все еще дебатировала такие насущные вопросы, как целесообразность борьбы с иностранным капиталом, отношение к протекционистской политике и даже необходимость создания народной милиции, которое было поручено ей руководством восстания. Большинство опасалось, что буржуазия обратит эту милицию после своей победы в постоянное войско и социал-демократия, таким образом, сослужит «будущему росту пролетариата обратную службу». В то же время оно выступало за немедленное создание экономических организаций пролетариата, считая, что «это будет большой плюс для персидского рабочего класса, ибо по окончании революции он будет организован, а его враг (буржуазия) не организован. И таким образом, те завоевания революционного периода, которые останутся в руках пролетариата, он сможет легче отстаивать от наступления буржуазии». Но события сложились так, что уже в апреле 1909 г. тебризское восстание потерпело поражение,

что сказалося на судьбе революции во всей стране и деятельности самой группы.

Можно предполагать, что проведение «чисто» социал-демократической работы некоторые члены группы рассматривали как продолжение в других формах тактики отказа от непосредственного участия в революционной борьбе. В этих условиях позиция меньшинства выглядит как закономерная реакция на общую платформу большинства. В резолюции, отклоненной собранием 16 октября 1908 г., говорилось, «что при таких обстоятельствах (имеется в виду отсутствие пролетариата. — С. А.) и особенно в настоящий момент социал-демократическая деятельность, не дав никакого результата, может иметь вредные последствия для революции и экономического развития страны, обездолив демократию от своих радикальных элементов, бросив ее в объятия реакции в такой момент, когда она должна укрепляться на своих позициях и необходимыми демократическими требованиями обеспечить исполнение своей исторической миссии», «что удача такого рода дела, как буржуазная революция в Персии, которая совершается в специфических условиях, требует солидарной и совместной деятельности всех недовольных и протестующих элементов».

Ключом к оценке споров внутри тебризской группы могут служить следующие высказывания классиков марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс, например, писал, что весной 1848 г. он и К. Маркс «примкнули к демократической партии, потому что это было единственно возможным средством привлечь внимание рабочего класса; мы были самым передовым крылом этой партии, но все же ее крылом»²³. Вместе с тем, отмечал далее Ф. Энгельс, коммунисты не скрывали собственную политическую позицию и сохранили свою организацию. В этой связи небезынтересно отметить и такое немаловажное обстоятельство, что определенное время К. Маркс и Ф. Энгельс, считаясь с монархическими иллюзиями огромного большинства германских трудящихся, не выдвигали лозунга республики как непосредственного лозунга действия. В. И. Ленин даже в 1920 г. писал: «Важнейшей характерной чертой этих стран (Азии.— С. А.) является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения, и поэтому там не мо-

жет быть и речи о чисто пролетарском движении»²⁴. В конспекте «Социализм в Китае» В. И. Ленин записал: «Была и „Китайская социалистическая партия“ — и „чистая... социалистическая партия“»²⁵.

Возникновение «социал-демократических» групп в период «пробуждения Азии» явилось результатом взаимодействия традиционными политическими организациями современных средств борьбы и восприятия ими новейших идеологических течений. Сохраняющееся преобладание традиционных элементов над современными, обусловленное общим уровнем социально-экономического развития, создавало видимость «правооппортунистического» перерождения этих групп, видимость, поскольку речь идет о еще не оформившемся идейно-политическом движении.

Вместе с тем уже в этот период возникли элементы «детской болезни левизны», получившие более полное развитие в коммунистическом движении стран Востока в 20—30-х годах. Эта «болезнь» явилась отражением того момента перехода прогрессивных сил от национальной революционности к пролетарской, которому соответствовали попытки насаждения современных форм на традиционную основу без учета достигнутого уровня ее модернизации.

Хотя «социал-демократическое» движение в Иране в 1905—1911 гг. не преодолело конституционно-реформистские устремления торгового капитала, историческое значение иранской революции было огромно. Провозглашение первой в азиатских странах демократической конституции, явившееся одним из важнейших событий эпохи «пробуждения Азии», наложило отпечаток на всю последующую жизнь страны. «Добившись замены деспотической власти монарха конституционной монархией, революция скорее поставила, чем решила, целую совокупность задач, которые были направлены на превращение страны в буржуазную монархию»²⁶.

Следующим шагом на пути движения Ирана из средневековья в XX в. стали революционные события и реформы послеоктябрьского периода, развитие которых определялось борьбой иранского народа за решение основных социально-политических задач незавершенной революции 1905—1911 гг.

Глава III

К национальной государственности

«Гилянская революция» и «переворот 3 хута»

В период первой мировой войны 1914—1918 гг. территория Ирана, несмотря на объявленный иранским правительством нейтралитет, была превращена в арену военных действий между державами Антанты (Англия и Россия) и поддерживаемой Германией Турцией. В 1915 г. В. И. Ленин писал, что Иран на $\frac{9}{10}$ уже превращен в колонию.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала исключительное влияние на международное положение Ирана. Молодая Советская республика заявила об отмене всех навязанных Ирану царизмом неравноправных договоров, аннулировала все платежи Ирана по обязательствам царской России, отказалась от капитуляционных привилегий и всех концессий, принадлежавших русским подданным. Перед страной открылась перспектива независимого, самостоятельного развития.

Однако Англия, воспользовавшись выводом русских войск, к концу первой мировой войны фактически оккупировала весь Иран. В августе 1919 г. между Англией и Ираном было заключено Соглашение о британской помощи для содействия прогрессу Персии, на основе которого Великобритания стремилась подчинить себе государственный аппарат, экономику и армию Ирана.

Политика английского империализма вызвала взрыв всенародного возмущения в стране. Повсюду происходили демонстрации и митинги, на которых выдвигались антианглийские и антиправительственные лозунги.

Весной 1920 г. под влиянием успешной борьбы советского народа против контрреволюции в Закавказье раз-

рожденные антианглийские и антиправительственные выступления в Северном Иране переросли в национально-освободительное движение. Наиболее крупный размах оно приобрело в провинции Гилян, где была провозглашена республика и создано Временное революционное правительство во главе с Кучек-ханом. В ирановедческой литературе 20-х годов это движение получило название «Гилянская революция».

Основную движущую силу освободительной борьбы составляли городская беднота, ремесленники, зарождающиеся пролетарские элементы, мелкие торговцы и отчасти крестьянство. Во главе движения стояли средние и мелкие помещики, купечество, интеллигенция. Главными лозунгами восставших были изгнание англичан, ликвидация англо-иранского соглашения 1919 г., установление дипломатических и торговых отношений с Советской Россией, создание сильной центральной власти, способной вести борьбу с империализмом и феодальной анархией, ограничение прав шаха и феодальной аристократии, реформирование в демократическом духе политического строя, ликвидация экономической разрухи и проведение ряда демократических реформ в области просвещения, здравоохранения и т. д.

Таким образом, в целом программа руководителей движения не выходила за рамки лозунгов, выдвигавшихся в годы революции 1905—1911 гг. Вопрос об аграрных преобразованиях либо вообще не ставился, либо ограничивался требованием мер по некоторому облегчению положения крестьян. Правда, Кучек-хан, представлявший революционно-демократическую тенденцию гиланского движения, не раз высказывался, и в частности в письмах к В. И. Ленину, в том духе, что его идеалом являются социалистические преобразования, которые, однако, в Иране могут быть осуществлены лишь после последовательного, поэтапного решения задач антианглийской и антифеодальной борьбы. На данном, национально-освободительном этапе движения он считал необходимым объединение всех классов и слоев иранского общества, за исключением реакционной феодальной верхушки. Показательно при этом, что многие деятели центрального правительства относились благожелательно к Кучек-хану, считая его политику умеренной и реформистской.

Иной точки зрения придерживались левосектантски настроенные члены ЦК Иранской коммунистической партии (ИКП), образовавшейся в июне 1920 г. и представленной во Временном революционном правительстве Гиляна. Под влиянием тогдашнего руководителя ИКП А. С. Султан-Заде они в явном противоречии с уровнем социально-экономического развития Ирана утверждали, что одновременное решение задач антианглийской и антифеодальной борьбы дает возможность немедленно перевести революционное движение от национально-освободительного к социалистическому этапу. Ввиду этого они выступали против участия в едином антиимпериалистическом фронте не только полуфеодальных помещиков, но даже крупного и среднего купечества.

Преобладание в те годы в ИКП левацких настроений определялось ее социальным составом: подавляющее большинство членов партии были представителями традиционных и маргинальных слоев. Левосектантские взгляды в руководстве ИКП, по существу, являлись экстремистскими рецидивами антиимпериалистического национализма, через который шли к теории научного социализма первые коммунисты Востока, являвшиеся ранее в своем большинстве национальными революционерами. Именно груз национальной революционности, равно как и искреннее желание добиться немедленного и национального и социального освобождения трудящихся, обуславливал их попытки скопировать Октябрьскую революцию на восточной почве.

Расхождения между Кучек-ханом и ЦК ИКП довольно скоро вылились в открытую конфронтацию. Через три месяца после начала гилянского движения, в ночь на 31 июля 1920 г., «левые» коммунисты совершили военный переворот и свергли правительство Кучек-хана. Этот переворот был объявлен началом социалистической революции. В соответствии с этим в Гиляне стали проводиться конфискации земли и имущества, необоснованные реквизиции. Была запрещена частная торговля, закрыты базары. Меры нового правительства, сопровождавшиеся открытой антирелигиозной пропагандой, вызвали резкое недовольство населения. От движения стали отходить помещики и купечество.

Негативные тенденции в развитии национально-освободительного движения в Гиляне, вызванные расколом

в рядах революционных сил и начавшейся затем вооруженной борьбой между сторонниками Кучек-хана и ИКП, привели к внутреннему разложению движения. Попытки созданного в конце 1920 г. нового состава ЦК ИКП во главе с Гейдар-ханом Аму-оглы исправить допущенные «левыми» коммунистами ошибки и восстановить единый антиимпериалистический фронт в Гиляне в целом не дали необходимых результатов, так как партии, переживавшей тяжелый внутренний кризис, не удалось до конца преодолеть груз левосектантских настроений.

Тем не менее «Гилянская революция» оказала исключительное влияние на развитие политической ситуации в Иране. Напуганное ростом национально-освободительного движения и возможностью его перерастания в общий революционный взрыв, иранское правительство приостановило меры по претворению в жизнь соглашения 1919 г. с Англией и одновременно вступило в переговоры с Советским правительством о восстановлении отношений между двумя странами. В декабре 1920 г. был уже разработан проект советско-иранского договора. Однако из-за страха перед Англией иранское правительство не решалось ни аннулировать англо-иранское соглашение, ни подписать договор с Советским государством.

В этих условиях Англия взяла курс на расчленение Ирана и превращение его южной части в британскую колонию. Для достижения своих целей она стала не только разжигать феодальный сепаратизм на юге страны, но и предпринимать попытки окончательно изменить революционный и демократический характер освободительных выступлений в Северном Иране, свернуть их на путь сепаратистской борьбы против центрального правительства. Поощряя гражданскую войну на севере Ирана, англичане стремились втянуть в нее и Советское государство.

В целях противодействия английским планам состоявшийся 26 января 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) под руководством В. И. Ленина принял решение твердо ориентироваться на договор о дружбе с иранским правительством и содействовать прекращению гражданской войны в Гиляне. Выработанный при участии В. И. Ленина политический курс Советского правительства был на-

правлен на укрепление единства и территориальной целостности Ирана, достижение им национальной независимости. Показательно, что Кучек-хан проявил понимание того, что продолжение «Гилянской революции» наносит ущерб делу самостоятельности Ирана, усиливает влияние английского империализма и сепаратистские тенденции ханов и феодалов.

В такой обстановке, когда благодаря английской политике на карту было поставлено само существование иранской государственности, 21 февраля 1921 г. (по иранскому календарю — 3 хута 1299 г.) в Тегеране силами иранской казачьей дивизии был совершен государственный переворот. Руководитель заговорщиков журналист и дипломат Сеид Зия эд-Дин стал премьер-министром, а полковник Реза-хан, возглавлявший поход казаков на столицу, — командующим дивизией, а затем и военным министром.

Созданное после «переворота 3 хута», как принято называть в иранской литературе февральские события 1921 г., новое правительство объявило о своей независимости во всех внешних и внутренних делах. 26 февраля оно заявило о денонсации англо-иранского соглашения 1919 г. и в тот же день подписало договор с Советским государством, явившийся первым равноправным договором Ирана с великой державой. (Этими актами Сеид Зия эд-Дин стремился предотвратить возможный революционный взрыв и ослабить национально-освободительное движение в стране.) Одновременно премьер заявил британскому посланнику в Тегеране Герману Норману, что, добиваясь превращения Ирана в независимое государство в его нынешних границах, будет проводить в целях сотрудничества всех националистических элементов «политику интернационализации» Ирана, а именно привлечения специалистов и капиталов из различных стран, но при сохранении важнейших интересов Великобритании в стране.

В области внутренней политики новое правительство поставило своей важнейшей задачей подавить народное движение. Но «Гилянская революция», по существу, окончилась сама ввиду внутреннего развала, окончательной утраты ею своего демократического характера в результате усиления гражданской войны в рядах ее участников. 29 сентября сторонники Кучек-хана подожгли

дом, в котором происходило заседание Революционного комитета. Выбежавший из огня Гейдар-хан Аму-оглы был тяжело ранен, а затем схвачен и убит. Самого Кучек-хана в конце ноября настигли в горах Талыша бывшие революционеры, перешедшие на сторону правительства. Его отрубленная голова была доставлена в столицу...

«Гилянская революция» освещена в исторической литературе полнее и глубже, чем «переворот 3 хута», организацию и осуществление которого в Иране в те годы связывали с деятельностью англичан. Изучение этого вопроса затруднялось, в частности, узостью источниковедческой базы. Из английских источников в распоряжении исследователей до последнего времени имелись лишь материалы вышедшей в свет в 1963 г. официальной публикации документов британской внешней политики, хронологически ограниченной периодом до 31 марта 1921 г. Автору этих строк довелось в 1978 г. изучить в британском Государственном архиве неопубликованные материалы министерства иностранных дел (Форин офис)¹ и военного министерства² Великобритании, позволяющие восполнить многие пробелы в исследовании этого вопроса.

Из опубликованных документов британской внешней политики было известно, что действия Сеид Зия эд-Дина поначалу вызвали резко отрицательную реакцию английского правительства. Форин офис, возглавляемый лордом Джорджем Керзоном, был вынужден примириться с ними лишь спустя месяц после переворота в результате настойчивых усилий британской дипломатической миссии в Тегеране, с первого же дня поддержавшей заговорщиков. Но, как выяснилось из неопубликованных документов Форин офиса, английское правительство и в дальнейшем отказывалось от какой-либо реальной поддержки «космополитической политики» Сеид Зия эд-Дина, которого Г. Норман, напротив, считал благожелательно настроенным к Англии деятелем, предпринявшим «единственную после Мохаммед Таги-хана... попытку спасти Персию путем проведения административных, финансовых и военных реформ».

Благожелательное отношение Г. Нормана к политике Сеид Зия эд-Дина весьма ярко вырисовывалось и из опубликованных документов Форин офиса. Это да-

вало основание предполагать, что английский посланник, если и не являлся активным участником заговора по организации переворота, то по крайней мере был посвящен в него. К такому предположению подводило и то обстоятельство, что, судя по публикации британских внешнеполитических материалов, первое (и притом весьма скупое) сообщение о перевороте Г. Норман послал в Форин офис лишь в день вступления казаков в Тегеран, 21 февраля 1921 г., хотя их продвижение из Казвина к столице началось за три дня до этого и не могло не быть ему известно; затем он фактически не возвращался к вопросу об организации переворота, несмотря на то что, несомненно, мог иметь вполне определенные сведения, в частности от полковника Г. Смита, английского инструктора иранских казачьих частей в Казвине. Правда, в сборнике документов британской внешней политики имелось упоминание о телеграмме № 107 от 16 февраля 1921 г. (опущенной составителями), позволявшее предполагать, что именно в ней Г. Норман сообщил Дж. Керзону о возможности переворота. Однако ознакомление с текстом телеграммы в архиве не подтвердило это предположение.

Подробное изложение событий, предшествовавших перевороту и способствовавших его осуществлению, содержится в другом архивном документе — пространным письме Г. Нормана Дж. Керзону от 1 марта 1921 г. Об этих событиях имеются отрывочные и к тому же противоречивые сведения и в работах отдельных английских и иранских мемуаристов. Материалы же письма Г. Нормана в полной мере объясняют как степень действительной осведомленности британского посланника о заговоре, так и причины того, почему он не сообщил в Форин офис о возможности переворота сразу же после начавшегося продвижения казаков на Тегеран. В изложении Г. Нормана события развивались следующим образом.

8 февраля Г. Норман имел встречу с полковником Г. Смитом, приехавшим в Тегеран из Казвина для обсуждения с военным министром ряда вопросов, касающихся казачьей дивизии. Посланник просил Г. Смита добиться замены расквартированных в столице 600 казаков равночисленным, но более дисциплинированным казачьим отрядом из Казвина. Причиной низкой дис-

циплины были действия командующего казачьей дивизией Сардара Хумаюна, постоянно присваивавшего причитающееся казакам жалованье, ввиду чего Г. Норман еще ранее просил премьер-министра о его смещении. В ходе беседы Г. Смит обещал добиться согласия Сардара Хумаюна на замену казаков и прислать в Тегеран «Реза-хана, одного из своих лучших офицеров». В письме Дж. Керзону посланник отмечал, что после этого он не виделся с Г. Смитом, который 10 февраля вернулся в Казвин, и ничего не слышал больше обо всем этом до 18 февраля.

18 февраля личный секретарь шаха Муин оль-Мольк заявил Г. Норману, что Сардар Хумаюн вызвал из Казвина телеграфным приказом все тегеранские и хамаданские части казачьей дивизии (всего 2200 человек), а в объяснение своих действий сослался на предложение Г. Смита. Шах, удивленный переброской столь крупного контингента, запрашивал, не будет ли английский посланник иметь возражений, если он даст инструкцию Сардару Хумаюну отменить приказ. Г. Норман рассказал Муин оль-Мольку о своей беседе с Г. Смитом, выразив при этом уверенность в том, что последний никогда не сделал бы того, что ему приписывает Сардар Хумаюн. Г. Норман не возражал против контрприказа, но вопрос о замене 600 казаков не снял. Затем в присутствии Муин оль-Молька он послал телеграмму командованию английских войск в Казвине с просьбой выяснить у Г. Смита действительное содержание его беседы с Сардаром Хумаюном.

На следующий день, 19 февраля, Муин оль-Мольк сообщил Г. Норману, что, несмотря на контрприказ, казаки продолжают двигаться по направлению к Тегерану. В этой связи шах запрашивал, не будет ли английский посланник иметь возражений, если он пошлет самого Сардара Хумаюна навстречу к казакам с целью заставить их вернуться в Казвин. Г. Норман выразил свое согласие на это.

В тот же день он получил ответ на свою телеграмму, в котором отмечалось, что Г. Смит говорил с Сардаром Хумаюном только в духе его, Г. Нормана, предложения и что командующий дивизией совершенно самостоятельно издал приказ, в составление которого Г. Смит не имел права вмешиваться. Норман сообщил

об этом шаху и вновь поставил перед премьером вопрос об отставке Сардара Хумаюна.

Между тем последний выехал навстречу казакам и, встретив их возле Кереджа, получил обещание, как он сообщил, что они вернутся в Казвин, а сам на автомобиле приехал в Тегеран. Однако казаки продолжали двигаться к столице.

В письме Дж. Керзону Г. Норман писал: «Роль, которую сыграл в этом деле Сардар Хумаюн, несколько загадочна. Он, очевидно, благосклонно относился к движению, по крайней мере на его начальных стадиях, ибо, если бы это было не так, трудно понять, что заставило его по собственной инициативе вызвать в Тегеран телеграммой целых два отряда казаков... В последующем лидеры движения утверждали, что, хотя Сардар Хумаюн повиновался шахской инструкции телеграфировать контрприказ, который был своевременно получен, но не выполнен, он потом отправил и третью телеграмму, отменяющую предыдущую. Поскольку же, однако, Сардар Хумаюн не отличается ни умом, ни сдержанностью, организаторы движения вряд ли рискнули бы преждевременно раскрыть свои планы, доверившись ему. Наиболее вероятным объяснением его действий может быть поэтому то, что он являлся лишь бессознательным орудием заговорщиков и был побужден послать телеграммы кем-либо из окружавших его офицеров, не понимая всего значения содеянного им... Сейчас шах отстранил его от должности».

Все это дало возможность заговорщикам относительно свободно вывести казачьи части из Казвина и подойти к Тегерану. Встретившие казаков вечером 20 февраля в окрестностях столицы представители шаха, правительства и англичан в течение часовой беседы не смогли отговорить руководителей заговора от вступления в город. Ввиду отсутствия военных сил в Тегеране Г. Норман рекомендовал шаху удовлетворить все их требования.

Что касается позиции английского командования в отношении переворота, то она оставалась совершенно неясной ввиду отсутствия возможностей изучения секретных документов военного министерства Великобритании, открытых для пользования только в 1972 г. Из соответствующих документов выяснилось, что ко-

мандующий английскими войсками в Казвине генерал Э. Айронсайд в это время вообще не был в Иране. Будучи вызван по служебным делам в Каир, он еще 19 февраля прибыл в Керманшах (на ирано-иракской границе), а 21 февраля (в день совершения переворота в Тегеране) отбыл оттуда в Багдад. Назначенный на время его отсутствия командующим английскими войсками генерал Кори прибыл в Казвин только 1 марта 1921 г. Заговорщики, таким образом, могли использовать в своих целях и возникшее «междоусобие», о возможности которого, вероятно, были осведомлены.

В главном штабе английских войск, расположенном в Багдаде, первые сведения о перевороте были получены 21 февраля 1921 г. Ввиду их неясности (которая затем была объяснена отсутствием достаточной информации) в Тегеран тут же был направлен запрос следующего содержания: «Не понятна ваша сегодняшняя телеграмма за № С.4/1. Пожалуйста, дайте разъяснения по следующим пунктам.

Против кого направлен переворот?

К какому классу или партии принадлежат арестованные (заговорщиками в тот же день иранские деятели.— С. А.)?

Какова нынешняя ситуация в отношении британского влияния?»

Полученный главным штабом на следующий день ответ содержал сведения, не выходящие за рамки того, что сообщил Г. Норман в Форин офис в телеграмме от 21 февраля. 23 февраля главный штаб в Багдаде направил генеральному штабу в Дели телеграмму следующего содержания: «Относительно действий казаков смотрите телеграмму Г. Нормана в Форин офис по этому вопросу.

Ситуация подытожена следующим образом генералом Айронсайдом (который сегодня был проездом в Багдаде).

Поначалу казаки выступили на Тегеран по требованию Его Величества шаха и с ведома британского посланника с целью ареста нескольких персидских офицеров казачьей дивизии, создававших беспокойство в Тегеране.

Они, по-видимому, вышли за рамки первоначальной идеи, но движение, по всей вероятности, умеренное, по-

сколько оно абсолютно антибольшевистское и вполне пробританское». Как видно, Э. Айронсайд был недостаточно осведомлен об использованном заговорщиками предлоге для похода на столицу, но достаточно точно высказался об основных тенденциях внешнеполитической ориентации нового премьера.

Эти тенденции внешней политики Сеид Зия эд-Дина и способствовали возникновению в Иране версии об организации переворота Англией. В цитированном выше письме Дж. Керзону от 1 марта 1921 г. Г. Норман отмечал «всеобщее среди персов и весьма распространенное среди европейцев убеждение в том, что движение было организовано и поддержано нашей миссией и британскими военными властями в Казвине. Ни опровержения, ни протесты с моей стороны до сих пор не смогли ни в малейшей степени развеять это убеждение, конечно же, совершенно необоснованное, как явствует из всего хода событий, которые привели к нынешней ситуации. Казаки, к несчастью, сами усиливали распространенное мнение, хвастаясь тем, что имели английскую поддержку. Это я могу объяснить только предположением, что их лидеры, должно быть, сказали им так с целью поощрить их на дело чувством уверенности, что за ними сила, готовая помочь им в случае необходимости».

Последнее обстоятельство отмечалось и в телеграмме от 21 февраля 1921 г., посланной из Тегерана чиновником британского Индо-европейского телеграфного департамента в свое ведомство в Лондоне. Вместе с тем в телеграмме опровергались как «совершенно неверные» слухи об инспирировании переворота англичанами.

Версия об организации февральского переворота 1921 г. Англией, являвшаяся объективным выражением всеобщего возмущения британской политикой в стране, распространялась в Иране еще долгое время. В конфиденциальном письме Дж. Керзону от 7 мая 1922 г. английский посланник отмечал: «Взгляд персов на этот вопрос, как и на многие другие, безнадежно искажен... По-видимому, ничто не сможет искоренить убеждение, что Англия не только была посвящена в переворот, но и спровоцировала его».

Этой версии, циркулировавшей и за рубежом, в Форт-Риффине не придавали в общем-то серьезного значения. Донесение американского посланника в Тегеране

Дж. Колдуэлл в госдепартамент США об ответственности англичан за переворот в Иране (сведения о донесении в британском внешнеполитическом ведомстве получили через «секретные источники») там считали по меньшей мере недостоверным. На выпады французской прессы («оскорбительные и вводящие в заблуждения») Форин офис официально практически не отвечал, усматривая в них происки военного атташе Франции в Иране Г. Дюкрока, пытавшегося, как доносил Г. Норман еще 14 февраля 1921 г., создать в Тегеране движение в пользу реорганизации иранской армии французскими офицерами. Но английский посол в Брюсселе прямо заявил представителю бельгийского правительства, что «дипломатическая миссия Его Величества в Тегеране не сделала ничего для смены там (в Иране.— С. А.) правительства».

Определенное значение для выяснения вопроса об организации переворота имеет и дело генерала У. Диксона, служившего в годы первой мировой войны генеральным инспектором коммуникаций в Иране, а в конце 1919 г. занявшего в Тегеране пост главы англо-иранской военной комиссии, созданной для реорганизации иранской армии по условиям соглашения 1919 г. Иранские мемуаристы, отмечая возникновение разногласий среди английских представителей в Иране по вопросу о поддержке заговорщиков, упоминают его как активного противника переворота.

Из документов Форин офиса видно, что трения между генералом У. Диксоном и другими британскими служащими в Иране возникли задолго до переворота и были связаны главным образом с некоторыми личными чертами его характера, хотя он сам был склонен объяснять эти трения своим несогласием с общим курсом политики британской дипломатической миссии. Вопрос об отзыве У. Диксона из страны ставился генералом Э. Айронсайдом и английским военным атташе еще с октября 1920 г. Соответствующий приказ поступил в Иран за месяц до переворота, 19 января 1921 г., но ввиду снежных заносов на дорогах У. Диксон оставался в Тегеране до 3 марта. Накануне выезда он сообщил американскому посланнику в Иране Дж. Колдуэллу, с семьей которого был в дружеских отношениях, что переворот был организован Э. Айронсайдом и Г. Норманом.

Однако генерал У. Диксон не был осведомлен ни об организации переворота, ни об обстоятельствах, использованных заговорщиками для движения на Тегеран. Первые сведения об этих обстоятельствах он получил во время проезда через Казвин, где, как он заявил ответственному чиновнику Форин офиса Л. Олифанту 5 мая 1921 г., полковник Г. Смит «дал ему ясно понять, что дипломатическая миссия была посвящена в поход Реза-хана и казаков на Тегеран». В письме Дж. Керзону от 14 мая он писал, что «не знал об участии полковника Смита в перевороте до тех пор, пока не покинул Тегеран и не узнал об этом от самого полковника Смита».

Но, как видно, генерал У. Диксон вкладывал в полученные сведения более глубокий смысл, чем тот, который имел в виду его информатор. В мае 1921 г. разговор на эту тему с Г. Смитом имел другой английский служащий в Иране — полковник У. Грей. В ответ на вопрос последнего, «не думает ли он, что его участие в политическом движении в стране было несколько странным», Г. Смит сказал: «Меня просили дать военный совет, и как инструктор я его дал»³.

Есть основания полагать, что генерал У. Диксон вольно или невольно способствовал распространению версии об организации переворота Англией, хотя в письме Дж. Керзону от 14 мая 1921 г. он пытался отрицать даже возможность подобной постановки вопроса. В том же письме он сообщал, что сам находился некоторое время под подозрением среди персов и что только предъявленное ему требование немедленно покинуть Тегеран развеяло убеждение в его причастности к «черному предательству». Заключение в кавычки выражение У. Диксон, вероятно, широко использовал и в самом Иране с целью отгородить себя от других английских служащих. Во всяком случае, иранские мемуаристы впоследствии приводили именно это его выражение в качестве одного из аргументов для обоснования версии об организации переворота Англией.

Но самым важным доводом в Иране и за его пределами в пользу данной версии считалось то, что большая казачья сила без ведома англичан не могла бы покинуть Казвин и внезапно появиться у Тегерана. В первые дни после переворота некоторые иранцы приводи-

ли этот довод и У. Диксону, который, не зная, что казаки вышли из Казвина как раз с ведома англичан и появились у Тегерана совсем не внезапно, считал его весьма «реальным». Узнав же позже об осведомленности британской дипломатической миссии и командования английских войск относительно движения казаков к столице, он воспринял это как явное свидетельство их участия в заговоре.

Однако в последующем генерал У. Диксон постепенно изменял свое мнение об организации переворота. Услышав в ходе беседы с Л. Олифантом 5 мая 1921 г., что «Норман категорически заверил нас в своей полной непричастности ко всему этому», генерал сказал, что, «по его личному мнению, персонал миссии держал посланника в неведении», и в качестве главного английского соучастника переворота назвал восточного секретаря британской дипломатической миссии в Тегеране Смарта. 8 октября 1921 г. в письме в военное министерство У. Диксон писал: «Я не хочу сказать, что переворот был организован Норманом или же британским Форин офисом, но я полагаю, что он воплощал идеи и определенно получил симпатию, если не больше, тех, кто защищал взгляды, противоположные моим». Эта новая точка зрения генерала, несмотря на преувеличение им своей личной роли в иранских политических делах, гораздо больше соответствовала реальному положению вещей, чем все предыдущие его высказывания.

Весьма показательны и следующие обстоятельства. В октябре 1921 г. У. Диксон обратился в правительственные ведомства с запросом о возможности написания и публикации им книги об Иране. В меморандуме от 22 ноября Л. Олифант, напоминая о его «экстраординарной манере» поведения с американским посланником в Тегеране, писал, что, учитывая «бесспорно искаженные взгляды» генерала У. Диксона на иранские дела, следует предполагать возможность неточного освещения событий. Однако Дж. Керзон не счел необходимым отговаривать У. Диксона от публикации и просил лишь представить в Форин офис доказательства по той части книги, в которой будут освещаться события периода его службы в Тегеране. Книга У. Диксона⁴ вышла в свет в 1924 г. Описанные же в ней события охватывают только дотегеранский период службы автора в Иране.

Завершая краткое изложение неопубликованных документов британского Государственного архива, следует сказать, что при всей своей важности вопрос об организации переворота, причастности или непричастности к нему англичан никоим образом не может повлиять на общую оценку его места и значения в общественном развитии Ирана.

Становление полуфеодального абсолютизма

«Гилянская революция» и «переворот 3 хута» были выражением острого политического кризиса, в основе которого лежало основное противоречие иранского общества, не разрешенное революцией 1905—1911 гг., — несоответствие феодальной государственной организации и значительно возросшей с тех пор полуколониальной зависимости страны потребностям самостоятельного экономического развития. Но ни национально-освободительное движение в Гиляне, ни февральский переворот в Тегеране по своим непосредственным, ближайшим результатам не привели Иран к выходу из политического кризиса.

Будучи крупнейшим проявлением национально-освободительной борьбы иранского народа после первой мировой войны, гилянское движение осталось локальным, изолированным от других провинций Ирана. Вместе с тем искусственное форсирование его социального содержания (что, собственно, и отражает название «Гилянская революция»), обусловленное лишь субъективными намерениями отдельных руководителей и не имевшее реальной объективной основы, так далеко вывело движение за рамки осуществимых целей, что «откат» этой второй в Иране революционной «волны» эпохи буржуазного общественного переворота чуть ли не на ее исходные рубежи стал неизбежен. Тем не менее «Гилянская революция» стимулировала те преобразования, для которых в стране уже была вполне созревшая почва, хотя в то же время предопределила в какой-то мере и своеобразные формы их проведения.

«Переворот 3 хута» объективно отражал интересы тех слоев иранского торгового капитала, которые под влиянием гилянских событий стремились перевести ан-

тианглийскую и антифеодальную борьбу из русла революционных действий в русло реформ. Приняв с этих пор форму противодействия «сверху» империалистической экспансии и сепаратистским устремлениям феодалов и ханов племен, эта борьба вместе с тем приобрела общегосударственный характер.

Оценивая значение «переворота 3 хута», нельзя связывать его только с деятельностью замаскированного англофила Сеид Зия эд-Дина, который спустя три месяца был отстранен от власти собственным военным министром и выдворен за пределы страны. Уход с политической арены Сеид Зия эд-Дина явился не завершением переворота, а его дальнейшим углублением. Это сразу же отразилось на внешней политике страны.

Сообщая Дж. Керзону в телеграмме от 25 мая 1921 г. об антиправительственной деятельности Реза-хана, Г. Норман писал, что все усилия отговорить последнего «от этих губительных интриг потерпели неудачу ввиду того факта, что со времени вывода наших войск (весной 1921 г.— С. А.) военный министр больше не боится нас... Русский посланник (Ф. А. Ротштейн.— С. А.), как говорят, играл активную роль в движении и предложил военному министру снаряжение и финансовые средства для армии без всяких условий... Военный министр, по моему, искренний антибольшевик, но будущее тем не менее вызывает у меня серьезные опасения». В тот же день лондонское руководство английского Шахиншахского банка довело до сведения Форин офиса сообщение своих представителей из Тегерана о том, что Резахан «флиртует с большевиками и выражает недовольство британскими советниками и офицерами».

Это была не первая и далеко не последняя попытка английской дипломатии объяснять свои неудачи в Иране (как и в других странах Востока) «происками большевиков». Отказавшись в свое время поддержать выдвинутую кабинетом Сеид Зия эд-Дина «схему интернационализации» и спекулируя на нуждах иранского правительства в иностранной финансовой и технической помощи, Форин офис, однако, не учел возникшего в результате Великой Октябрьской социалистической революции нового фактора международной жизни — появления Советского государства, руководствующегося в своей политике в отношении угнетенных стран Востока ле-

линским принципом поддержки их национальных стремлений, оказания им бескорыстной материальной и политической помощи в борьбе за освобождение от гнета империализма.

В этих условиях переход правящих кругов Ирана от открыто проанглийской политики к «схеме интернационализации», а затем и к самостоятельному внешнеполитическому курсу был вполне закономерным. В письме Дж. Керзону от 6 июня 1921 г. Г. Норман отмечал, что отказ Реза-хана от поддержки Сеид Зия эд-Дина «был вызван решимостью последнего предоставить британским офицерам административную власть. Военный министр объявил это эквивалентным продаже иностранцам „души нации“, которой является армия». После смещения Сеид Зия эд-Дина, писал Г. Норман в телеграмме от 1 июля, Реза-хан уволил большинство английских офицеров, находившихся на службе иранского правительства, а новый кабинет, составленный из ярых англофобов, приступил к ликвидации и ряда других британских позиций. «Военный министр, — добавлял Г. Норман, — находится в тесной и постоянной связи с русским посланником». 7 июля 1921 г. Форин офис выразил иранской дипломатической миссии в Лондоне недовольство отношением правительства Ирана к Англии, которое «в последнее время стало почти невыносимым».

Рост англофобии среди широких масс Ирана, небывалый за полувековую историю британской империалистической политики в этой стране, явился тем внутриполитическим фактором, который вынуждал все последующие иранские кабинеты, независимо от социального происхождения и прошлой внешнеполитической ориентации их членов, с большей или меньшей решительностью проводить в той или иной форме антианглийские мероприятия. При этом активно использовалась подчас и дружественная поддержка Советского государства.

В результате уже вскоре после «переворота 3 хута» был восстановлен государственный суверенитет Ирана, ликвидированы позиции, завоеванные Англией в годы мировой войны и первые послевоенные годы, значительно ослаблено политическое влияние Великобритании и ее вмешательство во внутренние дела Ирана, фактически признанного западными державами независимым.

Параллельно с этим происходили важные политические изменения в иранском обществе. «Переворот 3 хута», лидеры которого ставили своей целью предотвратить возможный революционный взрыв, ликвидировать хаос и анархию в государстве, сорвать взятый Англией курс на расчленение Ирана, выдвинул на авансцену политической жизни армию. В условиях национально-освободительного движения на севере страны, осложненного разгоревшейся среди его участников гражданской войной, усиления феодального сепаратизма в Южном Иране и окончательного разложения правительственного аппарата в центре казачья дивизия оставалась единственным организованным и устойчивым институтом государственного механизма. Усилия Реза-хана по созданию национальной армии обеспечили складывающемуся в Иране новому режиму ту независимость от феодально-патриархальной племенной организации, отсутствие которой лишало Қаджаров резервов социального самообновления.

Претворение в жизнь программы обеспечения «порядка» и «безопасности» в стране, равно как стремление удовлетворить потребности армии в финансовых средствах, поставило военные власти перед необходимостью ликвидации политических привилегий феодальной аристократии. Предпринятые в этом направлении шаги, так же как и антианглийские мероприятия, обеспечили военным властям широкую поддержку не только всех слоев торгового капитала, но и значительной части революционно-демократических элементов иранского общества. Постепенно сосредоточивший в своих руках всю власть в стране Реза-хан вел решительную борьбу с феодальным сепаратизмом за создание современного централизованного государства, способного противостоять империалистической экспансии, и введение основ буржуазного правопорядка. Старый феодальный административный аппарат повсеместно заменялся военно-бюрократическим аппаратом. Одновременно проводились реформы, направленные на развитие экономики, просвещения и культуры.

В октябре 1923 г. Реза-хан был назначен премьер-министром. С конца этого года в Иране развернулась кампания за ликвидацию монархии и установление республиканского режима, которую премьер стремился ис-

пользовать для свержения династии Каджаров и своего избрания президентом. Однако кампания натолкнулась на резкое сопротивление мусульманского духовенства и феодальной реакции. В то же время, по некоторым данным, она получила поддержку Англии, вероятно стремившейся таким путем усилить свое влияние на Реза-хана. Кроме того, установление республиканского режима в условиях незавершенности процесса классовой дифференциации неизбежно бы повлекло за собой относительную децентрализацию государственной власти, а это дало бы англичанам больше возможностей для восстановления их пошатнувшихся позиций. В. И. Ленин отмечал: «Возможно, что республиканское движение в одной из стран является лишь орудием клерикальной или финансово-монархической интриги других стран,— тогда мы должны *не* поддерживать это данное, конкретное движение»⁵. В марте 1924 г. Реза-хан отказался от «республиканских» планов установления своей власти.

Спустя год Реза-хан добился передачи ему полномочий верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами, которые согласно иранской конституции являлись исключительной прерогативой шаха. 31 октября 1925 г. меджлис вынес решение о низложении династии Каджаров, передаче временного правления страной Реза-хану и созыве Учредительного собрания для окончательного определения формы правления. 12 декабря того же года Учредительное собрание объявило Реза-хана шахом Ирана. На престоле утвердилась новая династия — Пехлеви.

Династический переворот 1925 г. положил конец политическому кризису в Иране, явился важной вехой в начавшемся ранее процессе ломки феодальной государственной организации и укрепления политической независимости страны. Проведенные в последующие годы новой монархией экономические и политические реформы претворили наконец в жизнь многие провозглашенные в период революции 1905—1911 гг. преобразования. Таким образом, создание монархии Пехлеви явилось своеобразной формой разрешения существовавшего в Иране противоречия между изменившимся экономическим базисом и характером политической надстройки. Страна вступила в переходную от феодализма к капитализму стадию общественно-экономического развития.

События первой половины 20-х годов в Иране по своей внутренней структуре обнаруживают заметное типологическое сходство с событиями конца 60-х — начала 70-х годов XIX в. в Японии. В обоих случаях подавление революционного движения «снизу» сопровождалось верхушечными по форме государственными переворотами, результатом которых явились свержение старой феодально-деспотической власти и начало проведения общественных преобразований в буржуазном духе. Контрреволюционные по отношению к массовому народному движению, эти перевороты, таким образом, не ликвидировали антифеодальную борьбу, а лишь перевели ее из русла революционных действий в русло реформ.

В обоих случаях «революции сверху» были осуществлены при руководящей роли помещичьих кругов и в первую очередь в их интересах. Так, в Иране эти круги (вместе с крупным купечеством, связанным с землевладением) занимали ведущее место среди тех социально-политических сил, которые поддерживали основные мероприятия Реза-хана. Именно из их среды в дальнейшем формировались высший офицерский состав армии и верхушка бюрократического аппарата. Аграрное законодательство Реза-шаха, юридически оформив право частной собственности на землю взамен прежнего ленного держания, вместе с тем укрепило полуфеодальное хозяйство в деревне.

Обусловленное этим конкретное соотношение революции и реформы проявилось в Японии и Иране в рамках того типологически определенного вида «дворянской революционности», который в Европе отчетливо проявился в русском, польском и испанском освободительных движениях XIX в. Особенно характерен пример феодально-католической Испании, государственный строй которой, как уже отмечалось со ссылкой на К. Маркса, имел лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы и по своей сущности был гораздо ближе к деспотическим азиатским формам правления.

В условиях преобладания «дворянской революционности» и в силу ряда исторических и культурных традиций борьба двух общественных систем приняла в Испании, как показал К. Маркс, форму столкновения противоположных династических интересов и средневеко-

вых гражданских войн. Марксов анализ событий в Испании показывает, что контрреволюционность является неотъемлемым атрибутом «дворянской революционности». Однако суть сложного и внутренне противоречивого единства «дворянской революционности» состоит в том, что контрреволюционные меры используются ее носителями не в целях сохранения основ феодализма, а в интересах реформистского решения назревших задач буржуазного общественного переворота. Даже в России, где «дворянская революционность» в силу ряда причин приобрела весьма радикальный характер, декабристы своим выступлением стремились предотвратить «ужасы» народной революции.

Общественно-историческая проблема использования революционных средств для проведения в жизнь реформистского в целом способа решения задач общественного прогресса нашла выражение в Иране (так же как и в Японии), в частности, в весьма решительных, военно-милитаристских методах подавления сепаратистских устремлений окраинных феодалов и ханов племен. «До тех пор, — отмечала Р. Люксембург, — пока существовали страны, где нужно было преодолеть их внутреннее раздробление или замкнутость — продукт их натурального хозяйства, милитаризм играл революционную роль в капиталистическом смысле»⁶. Но главное заключалось в той радикальности сдвига в области политической надстройки, которая дала В. И. Ленину основание характеризовать переворот 1868 г. в Японии как революцию. При этом, если в Японии этот сдвиг имел место в рамках исторически сложившегося в стране двоецетрия власти, то в Иране он сопровождался сменой одной монархии другой.

Государственный переворот 1921 г. заменил в правительстве старую феодальную бюрократию представителями средних слоев чиновничества и интеллигенции. По свидетельству английского посланника, Сеид Зия эд-Дин, добываясь от шаха присвоения себе титула «диктатор», сознательно сформировал кабинет из незнатных и не имеющих политического опыта лиц. Реза-хана, происходившего из мелких землевладельцев, Г. Норман характеризовал как «невежественного, но хитрого крестьянина, который выдвинулся из рядовых в офицеры». Правда, после отстранения Сеид Зия эд-Дина от

власти старые феодально-бюрократические круги в немалой мере восстановили свою прежнюю роль в правительстве, однако они были вынуждены изменить свою социальную ориентацию, приняв сторону верхушечных слоев торгового капитала.

Существование в полуфеодальном Иране таких атрибутов буржуазной демократии, как конституция и парламент, чрезвычайно осложняло борьбу нового режима с феодальной аристократией. Последняя, сохраняя прочное большинство в меджлисе, имела возможность выставлять себя сторонницей конституции и законности, а действия Реза-хана квалифицировать как деспотизм, узурпаторство, нарушение гражданских свобод. В этих условиях стремление верхушечных слоев торгового капитала к авторитарным методам правления становилось неизбежным. Многие представители этих слоев все больше склонялись к мысли, что могут добиться осуществления своих целей лишь путем установления диктаторской власти в стране, направленной своим острием против правой реакции и революционных сил. В конечном счете выход из политического кризиса был найден на путях замены легитимистской феодальной монархии Каджаров плебисцитарной полуфеодальной монархией Пехлеви.

Новая монархия, будучи весьма далекой по политическим тенденциям от демократических форм правления, и в дальнейшем стремилась упрочить свое положение не путем ликвидации меджлиса, а путем полного его подчинения, чтобы, как отмечал тогдашний английский посланник в Иране, «скомбинировать выгоды конституционного правления с выгодами автократического контроля». В результате конституция и меджлис были превращены в «фиговые листки» режима, все больше приобретающего черты абсолютистского типа, и на этот раз не только в формальном, но и в сущностном значении соответствующего понятия.

Конечно, особенности нового иранского режима были обусловлены своеобразием формирования экономического базиса, социальной структуры и политической надстройки полуфеодального Ирана. Но эти особенности можно рассматривать и как следующую ступень процесса исторической эволюции классового содержания абсолютизма, наметившейся после падения его последней

классической формы во Франции, когда в обстановке обнаженного наполеоновскими войнами острого кризиса крепостнического строя к востоку от Эльбы сложившиеся здесь ранее абсолютистские формы правления стали наполняться новым содержанием.

По своим внешним проявлениям абсолютизм в Центральной, а затем и в Восточной Европе практически мало чем отличался от абсолютизма классического типа в дореволюционной Франции. И здесь абсолютные монархии были вынуждены считаться с наиболее насущными материальными нуждами буржуазии во имя защиты коренных интересов дворянства, хотя оно лишилось прямого политического господства. Однако в условиях относительно более высокого уровня развития капиталистических отношений, в частности в сельском хозяйстве, и вызванного этим ускорения процесса превращения феодальных землевладельцев в полуфеодальных помещиков изменился сам характер коренных интересов дворянства. Они состояли теперь не в увековечении его социального статус-кво, а в постепенном, органическом приспособлении к буржуазным отношениям. Это предопределяло возрастание регулирующей роли абсолютных монархий, содействовавших развитию капитализма с полным сознанием результатов своей политики (в отличие от абсолютных монархий в Англии и Франции). Германские государства 20—30-х годов и российское самодержавие 60—70-х годов XIX в. классики марксизма-ленинизма квалифицировали как полуфеодальные монархии.

Наметившееся изменение роли и места абсолютизма как стадии общественного развития обуславливалось уже начавшимся действием системных закономерностей капитализма. Если классические «образцы» абсолютной монархии обрамляли последнюю фазу феодализма и стали объектом первой же революционной «волны» буржуазного переворота, то их «вторичные» проявления во многом были следствием реформ, призванных решить некоторые насущные задачи буржуазной социальной революции, и тем самым становились политической надстройкой начальной фазы капитализма. Не случайно в дальнейшем в странах Центральной Европы, а также в России возникла отсутствовавшая в странах классического капитализма возможность непрерывной (хотя и

через промежуточную ступень) эволюции абсолютизма в буржуазно-конституционную монархию.

Подобного рода изменения в классовом содержании абсолютизма и его места в общественном развитии еще более явственно проявились в Японии, где сложившийся в результате «революции Мэйдзи» полуфеодальный абсолютизм явился политической формой диктатуры полуфеодальных помещиков и зарождавшейся буржуазии. Переход от феодальной деспотии к полуфеодальному абсолютизму решил здесь важнейшую, первоочередную задачу буржуазного преобразования политической надстройки. В отличие от классического абсолютизма, заключительной стадии развития феодализма, японский полуфеодальный абсолютизм открыл собой переходный этап в формировании буржуазно-конституционной монархии и начальную стадию развития буржуазного социального переворота.

Собственно говоря, задача перехода от феодально-деспотических форм правления к буржуазным нигде в странах Азии и в последующем не была решена однократным актом. Ярким примером в этом отношении является Иран. После поражения революции 1905—1911 гг. здесь возобладали «тенденции абсолютизма персидского торгового капитала, как бы выглянувшие из европейского средневековья»⁷, своеобразие которых, однако, состояло в том, что эти застарелые тенденции были порождены новейшей политикой империализма. Интересно в данной связи следующее высказывание К. Маркса: «Тот факт, что в Германии абсолютная монархия возникла позднее и держится дольше, объясняется лишь уродливым развитием класса немецкой буржуазии. Решение загадки такого развития можно найти в истории торговли и промышленности»⁸.

Еще более уродливое формирование иранской буржуазии, обусловленное превращением страны в аграрно-сырьевой придаток империализма, обрекло полуфеодальную абсолютную монархию в Иране на балансирование и лавирование между верхушечными слоями торгового капитала, связанными с полуфеодальным землевладением, ориентированными на внешний рынок, с одной стороны, и его низшими слоями, опиравшимися на растущее в связи с развитием внутреннего рынка мелкое городское предпринимательство, сохранявшее, однако,

докапиталистические формы, — с другой. В целях укрепления своих позиций новая монархия использовала и традиционные настроения широких трудящихся масс — зарождающегося пролетариата и особенно крестьянства.

Защищая коренные интересы полуфеодалных землевладельцев и купцов, новый режим создавал условия для их постепенного и безболезненного обуржуазивания. Проводимая им политика госкапитализма способствовала развитию буржуазного предпринимательства в городе, что было невозможно в условиях засилья империализма и господства династии Каджаров. Имевшиеся в Иране еще в начале века зачатки новых производственных отношений в дальнейшем, в 30-х годах, оформились в капиталистический уклад. О темпах его развития можно в определенной степени судить по следующим данным: с 1926 по 1940 г. удельный вес депутатов-помещиков в меджлисе возрос с 52 до 57,14%, а представителей торгово-предпринимательских кругов — с 7,2 до 17,91%. При этом, разумеется, следует учитывать относительность этих данных ввиду тесного взаимопроникновения соответствующих социальных прослоек.

Вместе с тем новый иранский режим довольно часто приходил в столкновения с антинациональными устремлениями верхушечных слоев торгового капитала. Во многих случаях правительство вынуждено было жертвовать их узкокорыстными интересами во имя общенациональных (точнее — государственных) интересов, в результате чего общий курс экономической политики режима соответствовал и наиболее насущным материальным нуждам торгово-ремесленных кругов, заинтересованных в ослаблении империалистической экспансии и в этом смысле олицетворявших долговременные национальные интересы страны.

Однако отношения государственной власти с этими низшими слоями торгового капитала, составлявшими средние «этажи» классовой структуры полуфеодалного Ирана, отличались известной сложностью. Будучи связаны с традиционными формами торгово-предпринимательской деятельности, они проявляли недовольство растущим вмешательством государства в экономическую жизнь, что находило выражение в их выступлениях против военно-полицейского гнета. Требуя демократизации общественно-политической жизни, соблюдения конститу-

ции и законности, они выступали под лозунгами революции 1905—1911 г., но за антидемократическими методами действий режима не видели ответа на некоторые из задач, не решенных этой революцией. Причудливо сочетая либерализм с консерватизмом, они иногда становились на сторону левых, революционных сил, нередко действовали в одном строю с правой, феодальной реакцией, а в целом оставались в рамках своеобразной «опозиции его величества».

Противоречивый характер имела и внешняя политика новой монархии. Встав по необходимости на путь активного и сознательного поощрения буржуазного предпринимательства в городе, которому с давних пор с такой же активностью препятствовал иностранный капитал, новый иранский режим вел борьбу с империализмом в рамках того союза, который и ранее определялся общими условиями существования и развития местного торгового капитала.

Исторические судьбы иранского полуфеодального политического режима, его возвышение и упадок, особенности внешней и внутренней политики новой монархии нашли отражение в жизни и деятельности тех иранских лидеров 20—30-х годов, которые были зачинателями и проводниками всех реформаторских начинаний этого периода.

Взлет и падение триумvirата

«Это молодой человек, весьма мужественный, интеллигентный и с большим даром красноречия, но мот, пьяница, распутник и игрок, не оплачивающий свои проигрыши, и совершенно безответственный и ненадежный. Он получил образование в России (царской.— С. А.), и его отношение к жизни сходно поведению тех менее достойных молодых офицеров, чье общество он часто посещал там». Так характеризовал в июле 1921 г. английский посланник в Тегеране «первого среди равных» в триумvirате, о котором пойдет далее речь,— Абдул-Хусейн-хана Теймурташа (Сардар Моаззам Хорасани), человека, с головокружительной быстротой (уступающей разве что карьере его патрона — Реза-шаха Пехлеви) возвысившегося до второго лица в госу-

дарстве и менее чем через десять лет окончившего свою жизнь в каменных казематах Касре Каджара, иранской Бастилии, которую он самолично торжественно открыл незадолго до этого.

По свидетельству современников, Теймурташ имел яркую, незаурядную индивидуальность, обладал кипучей энергией, неистощимым остроумием, был чрезвычайно обаятельной и широкой натурой, свободной от всяких предрассудков, но и не знающей чувства меры. Государственный склад ума, богатый интеллект и внешний снобизм, манеры западного аристократа и замашки восточного деспота, щедрость к друзьям и жестокость к врагам (особенно классовым), глубокая преданность делу и использование служебного положения в личных целях сочетались в нем самым удивительным образом. Его влияние на шаха и широкий эпикурейский образ жизни вызывали зависть одних, ненависть других и обывательский шепоток со всех сторон. Западные наблюдатели политической карьеры Теймурташа называли его «фаворитом», «временщиком» и т. п.—привычные определения, в применении к Теймурташу звучащие несколько поверхностно.

Первые страницы политической жизни Теймурташа мало чем отличаются от биографий других представителей иранской элиты. Выходец из семьи крупного землевладельца, он получил первоклассное по тем временам образование в офицерских классах Пажеского корпуса в Петербурге. Вернувшись в Иран, был назначен командующим войсками провинции Хорасан. В 1919 г. в качестве губернатора Решта ведет борьбу с повстанцами Кучек-хана. В 1920 г., приехав в Тегеран, устанавливает дружеские отношения с Сеид Зия эд-Дином, который, став премьером, одним из первых арестует своего нового друга. После краткого (как и 90-дневное премьерство Сеид Зия эд-Дина) тюремного заключения Теймурташ возобновляет старую дружбу с ревностным врагом Сеид Зия эд-Дина — Носретом од-Доуле, с которым его теперь связывает и общая тюремная отсидка. В открывшемся в июне 1921 г. меджлисе IV созыва, депутатом которого Теймурташ стал от Хорасана, они действуют совместно с лидером феодально-клерикальных кругов Хасаном Модарресом. В 1922 г. Теймурташ занимает несколько месяцев пост министра юстиции, а

затем назначается генерал-губернатором провинции Керман, где и пробудет весь период республиканской кампании в столице. В 1924 г. Теймурташ возвращается в Тегеран в качестве депутата меджлиса V созыва и при посредничестве Носрета од-Доуле сближается с Реза-ханом. Поддержав в июле Реза-хана против интерpellации своего вчерашнего союзника Модарреса, Теймурташ в августе получает портфель министра общественных работ. Вместе с Али Акбаром Давером он активно способствует низложению династии Каджаров и возведению на престол Реза-шаха Пехлеви.

С этого времени Теймурташ бессменно занимает пост министра двора, учрежденный специально для него новым шахом в целях прямого контроля над правительством. Сам министр двора не был членом кабинета, но садр-азамы в прошлом не обладали его могуществом. Будучи связующим звеном между шахом и всеми министрами, в том числе и премьером, Теймурташ сосредоточивает в своих руках фактическое руководство всеми государственными делами. Газета «Таймс» в номере от 9 января 1933 г. назвала его «мозгом персидских министров».

Исключительно велика была роль Теймурташа во внешней политике Ирана. Иностранные миссии в Тегеране все важные дела, относящиеся к компетенции министра иностранных дел, решали непосредственно с министром двора. Пост же министра иностранных дел в иранских кабинетах в течение многих лет оставался вакантным, а текущую деловую переписку с иностранными представителями вел управляющий министерства иностранных дел. Мохаммед Али-хан Фарзин, занимавший одно время этот пост, признал в меджлисе, что является не больше чем писцом министра двора. Даже во время многочисленных поездок Теймурташа за границу иностранные дипломаты предпочитали обращаться именно к нему, а не к тегеранским властям. В самых сложных международных переговорах, требовавших большого дипломатического искусства, Реза-шах неизменно использовал своего министра двора.

Ближайшими сподвижниками Теймурташа становятся министр финансов Фируз Мирза (Носрет од-Доуле) и министр юстиции Али Акбар Давер, различные по происхождению, наклонностям и темпераменту люди.

Фируз Мирза — бывший принц, отпрыск свергнутой Каджарской династии, один из инициаторов заключения англо-иранского соглашения 1919 г., ставший после переворота 1921 г., по свидетельству английских представителей в Иране, «ярким англофобом», «самым активным и коварным врагом» Англии и даже «лидером антибританской партии в Персии». В 1927 г. английский посланник отзываясь о нем как о человеке, обладающем «недюжинным умом и пониманием западного образа мышления»⁹.

Давер в противоположность Теймурташу и Фирузу Мирзе уравновешен и больше склонен к восточному образу жизни. Иранский автор А. Банани пишет: «Человек больших способностей и такта, Давер происходил из средних классов, окончил Женевский университет с ученой степенью правоведа... Он должен быть назван главным членом „мозгового треста“ резашаховского режима»¹⁰. Будучи одним из создателей современного иранского права, Давер в 1927—1928 гг. сыграл активную роль в подготовке формально-юридических предпосылок для ликвидации в Иране капитуляционного режима.

Проведение реформ, призванных открыть перед страной путь независимого развития,— такова была самая общая, кардинальная цель, объединявшая членов триумvirата. Наряду с отменой позорного режима капитуляций, способствовавшей полному восстановлению политической самостоятельности Ирана, был проведен и ряд других мер, содействовавших резкому ограничению возможностей вмешательства империализма во внутренние дела страны и подведению определенной материальной базы под ее государственный суверенитет.

В период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. иранское правительство, опираясь на дружескую поддержку СССР, добилось дальнейшего ослабления влияния империалистических держав в стране. Лишение Шахиншахского банка функций государственного банка, национализация иранского участка Индо-европейской телеграфной системы, введение монополии внешней торговли, равно как и другие экономические и политические меры, привели к общему ограничению возможностей империализма влиять на экономику и политику Ирана. Был сделан также ряд первых важных шагов

на пути освобождения страны от экономической зависимости (укрепление национальной торговли, создание собственной, главным образом государственной, промышленности, введение льгот национальному капиталу и т. д.).

В Англии Теймурташа несколько преувеличенно считали «англофобом, симпатизирующим России». На деле же правящие круги Ирана, связанные общими объективными условиями и интересами представляемых ими социальных сил, добивались не полной ликвидации, а лишь ограничения позиций Великобритании, ослабления ее политического влияния. Следствием этого являлись неперенные уступки ей и другим западным державам в обмен за признание ими всякой крупной антиимпериалистической акции. Понимая значение Советского государства для независимости Ирана, Теймурташ проводил политику активного сотрудничества с СССР, но и в этом проявлял двойственность и непоследовательность. В сущности, руководимая им внешняя политика Ирана сводилась к балансированию и лавированию между Великобританией и СССР, сопровождавшимся опорой на «третью», «нейтральную» силу — Германию и США.

Последним крупным актом иранской политики в период правления Реза-шаха вообще и с участием Теймурташа в частности было аннулирование концессии всемогущей Англо-иранской нефтяной компании, завершившееся в конечном счете лишь некоторым ограничением ее политических прав и увеличением доли прибылей Ирана от эксплуатации нефтяных богатств.

С целью ослабить позиции компании Теймурташ еще в августе 1928 г. поставил перед ее правлением вопрос о незаконности старого концессионного соглашения и необходимости его замены новым. После многолетних переговоров компания согласилась лишь на частичный пересмотр концессии. В конце 1931 г. Теймурташ был вынужден заключить в Лондоне прелиминарное соглашение о новом порядке исчисления прибылей, предусматривавшее некоторые изменения в пользу Ирана. В феврале 1932 г. это соглашение было утверждено иранским правительством.

Злые языки утверждали, будто министр двора проявил необычную заинтересованность в заключении соглашения. Завистники Теймурташа еще вели свои не-

сложные расчеты — какую сумму он получит от компании в виде «комиссионных», если в свое время передача строительства Трансиранской железной дороги германо-американскому консорциуму, как говорили, принесла ему около четверти миллиона долларов, когда в ноябре 1932 г. шах с целью заставить компанию согласиться на пересмотр всего соглашения аннулировал концессию и министр двора горячо поддержал эту акцию.

В начавшемся конфликте с Англией Теймурташ использует свою обычную тактику игры на противоречиях великих держав. Он демонстративно поддерживает тесный контакт с германской дипломатической миссией в Тегеране. По словам тогдашнего премьер-министра Ирана Мехди Голи-хана Хедайата, смелость и резкость составленного Теймурташем ответа на ноту Великобритании вызвала похвалу германского посланника. Еще до начавшегося обострения ирано-английских отношений Теймурташ на пути из Лондона в Иран задержался в Москве с целью, как пишет Хедайат, «напугать Англию»¹¹. Эта дипломатическая игра оказалась для него роковой. В лондонской прессе появляются сообщения о якобы имевшем место сговоре между Теймурташем и советскими руководителями. По Тегерану поползли слухи, что он собирается свергнуть шаха и стать президентом республики. К слову вспоминают о российском происхождении его жены. Завистники Теймурташа, и в первую очередь начальник полицейского управления Мохаммед Хосейн-хан Айром (впоследствии бежавший в фашистскую Германию и поступивший на службу в гестапо), делают все возможное, чтобы эти слухи, в значительной мере подогреваемые ими же, дошли до шаха в самом преувеличенном виде.

В этих условиях прежние сообщения о почестях, оказанных Теймурташу в Англии и Франции, о теплом приеме в СССР, Италии и Турции приобрели для шаха новый смысл. Началом конца Теймурташа стала фраза, брошенная шахом в присутствии многих государственных деятелей, созванных министром двора для назначения главы правительства: «Премьером можешь назначить любого, кроме себя... поскольку я в тебе сильно нуждаюсь, ты должен всегда быть около меня...» Попытки Теймурташа выйти в отставку и под предлогом болезни бежать из Ирана не удались. В самом конце

1932 г. он был отстранен от должности, а затем арестован и предан суду. Его неизменное «отеческое» наставление — «не инкриминируйте влиятельному лицу политических преступлений... обвините его в воровстве»¹² — было теперь применено к нему самому.

Весной и летом 1933 г. на основании подготовленного начальником полицейского управления досье над Теймурташем состоялись два судебных процесса по обвинению во взяточничестве, хищениях и расстройстве дел Национального банка. Суд приговорил его к уплате около 16 тыс. ф. ст. и к 10 годам тюремного заключения. Еще до этого все имущество Теймурташа было конфисковано: движимая часть отправлена в Саадабадский дворец шаха, а остатки промотанных недвижимостей переданы в уплату долгов осмелевшим кредиторам.

Последние дни Теймурташа прошли в тегеранской тюрьме, большей частью — в одиночной камере. Мало кто видел его в эти дни. Во время одной из прогулок группа заключенных слышала сказанные им в полуневменяемом состоянии (он страдал сердечными приступами) слова, что если бы он еще несколько месяцев оставался на свободе, то определил бы внешнюю политику Ирана на 300 лет вперед. Что он хотел этим сказать, заключенные не поняли¹³. Его честолюбивые замыслы были навсегда похоронены в застенках Касре Каджара.

Вечером 4 октября 1933 г. стены тюрьмы сотрясли нечеловеческие крики. Видавшие виды заключенные были удивлены лишь тем, что его убивают в столь необычный час, когда покров ночной темноты еще не мог окутать преступления. Приказ полицейского управления требовал от тюремного начальства закончить «дело» как можно быстрее. Смертнику подсыпали в пищу яд. Почувствовав неладное, Теймурташ не стал есть и тем самым усугубил себе предсмертные муки. Между полицейским управлением и начальством тюрьмы через каждые пять минут повторялся краткий телефонный диалог: «Мертв он или нет?» — «Нет». Тогда в камеру ввалились тюремщики. Он сопротивлялся изо всех сил, но бесполезно. Останки еще год назад всемогущего министра двора были тайно погребены на соседнем кладбище. Спустя несколько дней газеты опубликовали официальное сообщение о кончине Теймурташа от «обострения грудной болезни и сердечного припадка».

Аналогичная судьба постигла еще в 1929 г. Фируза Мирзу, а затем и военного министра Сардара Асада Бахтиари, занявшего его место в триумvirате. Давер ненадолго пережил своих друзей. Отдавая все силы новой для себя работе в министерстве финансов, он всячески старался угодить своему неуравновешенному властелину.

В один из февральских дней 1936 г., недовольный подготовленным Давером проектом государственного бюджета, тот неожиданно вспылил: «Иди — умри!» И Давер понял, что это фигуральное словосочетание, выражающее обычно в персидском языке крайнюю степень презрения и гнева, на сей раз следует воспринять в буквальном смысле. Крепкий раствор опиума, по словам иранского мемуариста, помог ему избежать позорной смерти в тюрьме¹⁴.

Физическое уничтожение «мозгового треста» символизировало окончание важного этапа межвоенной политики Ирана, в которой с этого времени под влиянием определенных социально-экономических и политических причин усилились реакционные черты. Лондонский журнал в некрологе на смерть Теймурташа метко заметил: «Его взлет и падение были характерными особенностями нынешнего режима в Персии»¹⁵.

Объективная основа происходивших в иранском обществе изменений определялась сложностью и противоречивостью исторического развития Ирана, все еще остававшегося аграрно-сырьевым придатком империализма, на долгое время «запрограммировавшего» путь страны к капитализму через консервацию полуфеодальных отношений. Внешняя торговля и финансы Ирана по-прежнему служили связующим звеном между иранской и мировой капиталистической экономикой.

Достижение Ираном политической независимости и ликвидация многих традиционных надстроечных институтов создали определенные предпосылки для преодоления консервативных сторон раннекапиталистического развития. Однако в условиях аграрной, экономически зависимой страны и обусловленного ими соотношения классовых сил господствующий режим, будучи политическим аппаратом торгового капитала, в своей реформаторской деятельности в конечном счете не смог выйти за рамки социальных устремлений его наиболее раз-

витых слоев — крупных полуфеодалных помещиков и верхушки купечества.

Возникшее в Иране частное промышленное предпринимательство лишь дополняло торгово-ростовщическую деятельность персонифицирующих его слоев, не только неспособных по-капиталистически трансформировать общественную структуру, но и тормозивших широкое и свободное развитие капитализма «снизу». В результате торговый капитал сохранил и даже расширил свои позиции в качестве самостоятельной формы капитала, господствующего над производством.

Интересы укрепления политической и достижения экономической самостоятельности требовали ускоренного развития производительных сил путем радикальной ломки старых производственных отношений, расширения и углубления реформ, направленных на дальнейшее ослабление империалистических позиций в стране. Но крупные помещики и купцы противились любой реформе, которая хоть в малейшей степени могла задеть интересы полуфеодалного хозяйства и торгово-ростовщической эксплуатации основной массы производителей. И если господствующий режим обеспечил в конечном счете «благоприятные возможности для предпринимательской деятельности этих слоев в формах, не выходящих в целом за рамки их социально-экономической природы»¹⁶, то это было не столько следствием субъективной направленности, сколько объективным результатом его реформаторской деятельности. В сложившихся в Иране социально-экономических и политических условиях полуфеодалные помещики и крупные купцы, пользовавшиеся огромным влиянием в высших законодательных и исполнительных органах страны и выступавшие непосредственными проводниками государственной политики, искажали на практике основную сущность реформаторской деятельности правительства, зачастую предопределяя тем самым ее противоположные результаты.

Государство же, не решаясь порвать со своей главной социальной опорой и будучи не в силах противостоять ее растущим домогательствам, встало на путь свертывания реформаторских начинаний. Внешнеэкономическая политика правительства, которая в предшествующий период обладала чертами независимой государственной политики и позволила ослабить пагубные по-

следствия мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и проникновение иностранного капитала в экономику страны, оказалась подчиненной верхушечным, антинациональным по своим устремлениям слоям торгового капитала. Основной экономической функцией государства становится регулирование хозяйственной деятельности в их интересах. Особенно ярко это проявилось в эволюции монополии внешней торговли.

Законы о монополии внешней торговли были прогрессивным актом правительства, направленным на ограничение свободы торгового и ростовщического капитала, внедрение в экономическую жизнь страны государственного контроля, создание условий, благоприятствующих развитию национальной промышленности. Столкнувшись с оппозицией крупного купечества, правительство стало бороться с ней, в частности, таким средством, как организация монопольных торговых обществ — ширкетов и предоставление им начиная с 1934 г. монопольных прав на ввоз и вывоз основных товаров, на распределение импортных и закупку экспортных товаров на внутреннем рынке. Пытаясь сломить таким путем сопротивление крупного купечества режиму монополии внешней торговли и одновременно централизовать торговый капитал и использовать его для проведения внешнеторговых операций под непосредственным государственным контролем, иранское правительство фактически шло на уступки домогательствам крупных купцов.

Переход к политике аккумуляции частного капитала в монопольных обществах способствовал и укреплению полуфеодального хозяйства в деревне. Финансируемые государством сельскохозяйственные ширкеты, получив право на оптовую заготовку сельскохозяйственных продуктов, стали гегемонами на внутреннем рынке иранского сырья и сбыта промышленных товаров. Пользуясь правом установления закупочных и продажных цен, организованный в сельскохозяйственные ширкеты торговый капитал использовал старые, ростовщические методы эксплуатации крестьянства, наживая огромные прибыли.

Таким образом, в условиях полуфеодального режима монополия внешней торговли превратилась в государственную помощь господствующей верхушке. Проведение

правительством в интересах крупного купечества политики снижения закупочных и повышения продажных цен на внутреннем рынке привело к тому, что монополия внешней торговли стала, в сущности, средством обложения высоким налогом основных производителей экспортного сырья и потребителей импортных изделий, т. е. широких народных масс. Организованное слияние внутренней и внешней торговли превращало ширкеты, осуществлявшие внешнеторговую монополию, в действительных гегемонов и на внешнем рынке Ирана. Своим паевым участием в них и кредитованием их на средства казны (опять же за счет налогового обложения народных масс) правительство способствовало сращиванию государственного капитала с частным.

Протекционистские мероприятия по развитию национальной промышленности, в которых иранское правительство видело еще одно средство борьбы с оппозицией крупного купечества режиму монополии внешней торговли, создавали благоприятные условия для перелива частного капитала из сферы торговли в сферу промышленности. Но, все явственнее приобретая характер государственной помощи частному сектору, эта политика также приводила к тесному сращиванию государственного капитала с частным и становилась своеобразной модификацией процесса частнокапиталистического накопления.

Такого рода социально-экономические последствия государственного вмешательства в хозяйственную жизнь страны определялись общеэкономической отсталостью, сохранением полуфеодальных отношений в деревне и соответствующей всему этому слабостью развития капитализма «снизу» — из крестьянской и ремесленной верхушки. Подобная среда позволяла небольшой кучке плутократов занимать монопольное положение в экономике, сдерживать «нормальное» капиталистическое развитие, душить мелкое предпринимательство. В этом ярко проявилась тупиковость социально-экономической эволюции Ирана.

Укрепление экономических и политических позиций полуфеодальных помещиков и верхушки купечества сопровождалось подчинением их интересам аппарата государственной власти, всей его внутренней политики, предопределило затухание и спад реформаторской дея-

тельности, обусловило усиление реакционных тенденций абсолютистского режима. Его единственной политической функцией по мере подавления феодально-сепаратистских элементов стала борьба с демократическим движением. В стране установилась гнетущая атмосфера полицейского разгула и произвола.

Немалые изменения произошли и во внешней политике Ирана. Активное вмешательство государства в экономическую жизнь страны, имевшее вначале определенную антиимпериалистическую направленность, теперь закладывало социально-экономические и политические основы последующего усиления зависимости Ирана от империалистических держав, поскольку укрепляло позиции помещиков и купцов, связанных с мировым капиталистическим хозяйством.

Изменения социально-экономического и политического характера, происходившие в 30-х годах в иранском обществе, облегчали империалистическим державам осуществление экспансионистских планов в Иране. Особую активность накануне второй мировой войны проявляла в стране гитлеровская Германия, стремившаяся использовать ее экономические ресурсы и военно-стратегические возможности в своих антисоветских и антибританских целях.

Таким образом, укрепление политической и достижение экономической независимости оставались главной проблемой страны, определявшейся несоответствием господствующих в иранской деревне полуфеодальных форм производства потребностям самостоятельного экономического развития. Решение внешненациональных задач общественной эволюции оказалось в тесной связи и взаимозависимости с проведением внутренних социально-экономических преобразований. Это двуединое противоречие составляло основу всех политических кризисов, пережитых иранским обществом в последующие два десятилетия.

Глава IV

Новые встречи с Западом

Из кризиса в кризис

В сентябре 1941 г. из иранского порта Бендер-Аббас на побережье Персидского залива в Индию отплыло британское судно, на борту которого находилась коронованная особа. В Бомбее английские власти не разрешили знатному пассажиру сойти на берег, а командование судна, отказавшись удовлетворить его просьбу плыть к Японии, взяло курс к о-ву Св. Маврикия. Весной 1942 г., тяжелобольной, он переехал в Южную Африку, в Йоганнесбург, где и скончался 26 июля 1944 г. в возрасте 66 лет. Останки его были перевезены в Иран, а в 1949 г. меджлис присвоил ему титул «Великого».

Так окончилось шестнадцатилетнее правление Реза-шаха Пехлеви, отрекшегося от престола в пользу своего старшего сына Мохаммеда Реза Пехлеви 16 сентября 1941 г. в условиях вступления в страну английских и советских войск. Эта акция союзников по антигитлеровской коалиции была предпринята по инициативе правительства Великобритании в целях пресечения в Иране подрывной деятельности фашистской агентуры. Однако если Советское правительство, опираясь на права, предоставленные ему советско-иранским договором 1921 г., стремилось обезопасить южные границы СССР, то англичане, не имевшие соответствующих прав, руководствовались в своих действиях не столько интересами ведения антифашистской войны, сколько соображениями защиты, укрепления и расширения собственных позиций в Иране, ослабленных в период правления Реза-шаха.

С целью замаскировать экспансионистские планы в

отношении Ирана и оправдать фактическое интернирование шаха английский Форин офис в ноябре 1941 г. передал по радиостанции Би-Би-Си обращение к иранскому народу, в котором давалась пропагандистская интерпретация истории англо-иранских отношений после первой мировой войны. В обращении утверждалось, что, столкнувшись с недовольством иранского народа соглашением 1919 г., англичане будто бы сами аннулировали его и «взамен этого стали оказывать иранскому правительству помощь и поддержку в установлении порядка, безопасности и спокойствия в своей стране», якобы благодаря чему Реза-шах сумел провести прогрессивные реформы. Вместе с тем в обращении отрицались слухи о том, что шах действовал по указаниям Англии, ибо «он не прислушивался к чужим советам», а английская политика будто бы основывалась на невмешательстве во внутренние дела Ирана. Далее в целях самореабилитации говорилось, будто Англия оказалась вынужденной ввести войска в страну («против своего желания») только ввиду несговорчивости Реза-шаха, отказавшегося пресечь деятельность фашистской агентуры в стране¹.

Экспансионистские планы в отношении Ирана вынашивали и США, которые по договоренности с Англией и с согласия иранского правительства Ахмеда Кавама (Кавам ос-Салтане) в конце 1942 г. ввели в страну войска под предлогом обеспечения доставки военных грузов в СССР. Возможность проникновения в Иран в госдепартаменте Соединенных Штатов, так же как и в английском Форин офисе, связывали «с исчезновением авторитарного режима Реза Пехлеви, который был чрезвычайно националистическим и имел сильный элемент ксенофобии»². Американские советники, опираясь на внешнеторговую экспансию монополий США и предоставляемую Ирану финансовую и техническую «помощь», заняли многие ключевые посты в иранском правительственном аппарате, армии и полиции. Нефтяные монополии США принялись к иранской нефти, надеясь прибрать к рукам месторождения в Северном Иране и потеснить Англо-иранскую нефтяную компанию на юге страны.

Англо-американские империалисты сразу же приступили к созданию своей агентурной сети в Иране. Установленные Реза-шахом строжайшие ограничения на сно-

шения с иностранными служащими и дипломатическими миссиями фактически были ликвидированы. Оживилась антиправительственная деятельность племенных вождей, которые не без помощи англичан вновь стали создавать вооруженные отряды и требовать восстановления других своих привилегий. В конечном счете племенам была объявлена всеобщая амнистия.

Вновь укрепило свои позиции в общественно-политической жизни страны духовенство, утратившее при Реза-шахе часть земельных владений, судебную власть и — отчасти — влияние в области образования.

Подняли голову и заявили о своих политических правах полуфеодальные помещики и крупное купечество, лишенные Реза-шахом прямого политического господства. Еще в последние дни его правления они стали открыто выражать недовольство абсолютистским режимом. Когда последний премьер Реза-шаха Мохаммед Али Форуги по его приказу предложил меджлису принять декларацию протеста против англо-индийских радиопередач, в которых шах назывался «диктатором», «деспотом» и т. д., группа депутатов отказалась подписать декларацию, заявив, что в передачах говорится только правда. Через три дня после отречения Реза-шаха от престола меджлис объявил о возможности пересмотра законов о монополии внешней торговли, что позволило бы верхушечным слоям иранского торгового капитала заключать сделки с империалистическими компаниями, минуя государственные органы. Правда, полная ликвидация этих законов произошла лишь в 50-х годах.

В годы войны значительно изменился баланс сил между шахским двором и меджлисом в пользу последнего. Уже в конце 1941 г., как и в 1924 г., многие депутаты меджлиса стали высказываться за установление в стране республиканского режима, который в существующих условиях мог стать удобным орудием защиты частных интересов отдельных групп и слоев разнородного по социально-политическим устремлениям и организационно распыленного торгового капитала. Но депутаты очень скоро удовлетволялись тем, что меджлис добился права выдвигать премьера и формировать удобные себе правительства. Молодой, 22-летний шах, вынужденный в противоположность автократическим по-

вадкам своего отца придерживаться либеральных методов правления, по существу, не играл сколько-нибудь серьезной роли в определении важнейших направлений правительственной политики. Впоследствии он не раз говорил, что до 1949 г. почти не имел реальной власти и мог утверждать премьера лишь из кандидатов, представляемых ему меджлисом, действовавшим, в свою очередь, по его словам, в соответствии с желаниями иностранцев.

Англо-американское влияние на большинство депутатов меджлиса и тем самым на всю правительственную политику Ирана было действительно огромным, и не только в годы войны, но и после вывода союзных войск. Можно предполагать, что республиканские настроения в меджлисе в немалой мере подогревались Англией и США. Во всяком случае, в течение 40—50-х годов многие американские деятели, высказываясь против абсолютистских методов правления, неоднократно предлагали шаху способствовать децентрализации власти якобы в целях более эффективного экономического и социального развития страны. Конечно, националистически настроенные элементы меджлиса рассчитывали использовать республиканскую форму правления в целях противодействия империалистической экспансии. Собственно говоря, выдвижение лозунгов конституции и меджлиса в годы революции 1905—1911 гг. субъективно имело целью установление такого контроля над неограниченной шахской деспотией, который бы положил конец единоличному руководству внешней политикой Ирана каджарскими шахами, распродававшими иностранцам оптом и в розницу национальные богатства страны. Однако объективным результатом укрепления позиций меджлиса в послевоенный период стало превращение этого представительного органа, так же как и формируемых им правительств, в фактическую креатуру западных держав.

Возможность использования империализмом иранского меджлиса в целях укрепления своих позиций в стране была обусловлена, как отмечалось выше, приспособлением заимствованных у значительно более развитых стран буржуазно-демократических институтов к полуфеодальным условиям. В 40-х (и даже 50-х) годах, несмотря на определенные сдвиги в общественно-эко-

номическом развитии Ирана, социальная структура политической власти в стране, по существу, продолжала сохранять свой полуфеодальный характер. Об этом достаточно убедительно свидетельствует состав меджлиса XIV—XV созывов, действовавших в 1944—1949 гг. На основе имеющихся приблизительных данных общая для них картина может быть представлена следующими средними цифрами: помещики — 55%, торгово-промышленные слои — 20, духовенство — 10, чиновники и лица «свободных профессий» — 15%. Таким образом, полуфеодальные помещики по-прежнему удерживали лидерство в меджлисе. Некоторый рост представительства торгово-промышленных слоев в эти годы произошел за счет новой коммерческо-предпринимательской прослойки, разбогатевшей на подрядных работах по перевозке союзных военных грузов.

Обращает на себя внимание укрепление в меджлисе позиций лиц «свободных профессий» (адвокатов, редакторов газет и др.), выражавших интересы не только служилой («новой») части так называемых средних городских слоев, но — в немалой мере — и их торгово-предпринимательской части. Основу последней и в условиях капиталистической модернизации иранской экономики составляли низшие прослойки торгового капитала. Происходивший после второй мировой войны значительный рост «средних слоев» имел место, с одной стороны, за счет разбухания (при одновременном размывании) средних «этажей» традиционной социальной структуры, а с другой — благодаря возросшим общественным потребностям во врачах, учителях, научно-технической интеллигенции, служащих государственных, частных и иностранных предприятий, а также в связи с увеличением прослойки студенчества и учащихся средних школ. При существовавшей в Иране антидемократической системе выборов представительство в меджлисе далеко не отражало реальных позиций в общественно-политической жизни страны «средних городских слоев», ставших в послевоенный период важным резервом национально-демократического движения.

В происходивших в это время политических событиях в Иране в полной мере выявились присущие мелкобуржуазной природе «средних слоев» двойственность и противоречивость, их непоследовательность и колеба-

ния в борьбе за демократические требования. К политическим представителям этих слоев в известной мере применимо ленинское высказывание о том, что «образованные люди, вообще „интеллигенция“ не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой революционный и оппозиционный пыл за казенное жалование или за участие в прибылях или дивидендах»³. Это объясняет усиление в рассматриваемый период борьбы различных политических сил Ирана за привлечение на свою сторону «средних слоев».

Наибольших успехов в этой борьбе в 40-х годах добились прогрессивные силы, объединившиеся в созданной в октябре 1941 г. Народной партии Ирана (НПИ). Образованная по инициативе вернувшихся из ссылки активистов Иранской коммунистической партии, разгромленной резашахскими властями в 30-х годах, и других участников демократического движения, она вскоре превратилась в самую массовую политическую партию Ирана. Большинство ее членов были выходцами из значительно возросшего к этому времени рабочего класса, ремесленников, демократической интеллигенции, крестьян. Лозунги партии, направленные на демократизацию и укрепление национальной независимости страны, пользовались немалой популярностью у «средних слоев». К ней примыкали созданный в 1944 г. Центральный объединенный совет профсоюзов Ирана, охватывавший около 300 тыс. рабочих и служащих, многие крестьянские союзы, творческие организации интеллигенции и различные массовые общества студентов, женщин и других слоев населения. В меджлисе XIV созыва НПИ получила 8 мест.

Господствовавшие в экономической и политической жизни Ирана полуфеодалы-помещики и крупное купечество в борьбе за привлечение на свою сторону «средних слоев» использовали вернувшегося в 1943 г. в Иран Сеид Зия эд-Дина. Однако его усилия в этом направлении в целом оказались безуспешными. Созданная им организация «Ватан» («Родина») выдвинула требования «освобождения» от влияния европейской культу-

ры, восстановления ношения женщинами чадры и вообще возврата к «национальным традициям» и староисламским формам жизни и быта. Спустя год организация изменила свое название на «Эрадейе мелли» («Национальная воля») и выступила с лозунгами борьбы против религиозных суеверий, за демократические преобразования и использование новейших достижений науки и техники. Такой резкий поворот в деятельности Сеид Зия эд-Дина объясняется той большой разъяснительной работой, которую вела среди «средних слоев» НПИ, считавшаяся с религиозностью широких народных масс Ирана. Но сам характер этого поворота свидетельствует о том, что и господствующие круги учитывали двойственную природу «средних слоев».

Присущее «средним слоям» сочетание относительно прогрессивных взглядов с религиозным фанатизмом пыталось использовать в целях восстановления своих позиций и высшее мусульманское духовенство. Его деятельность в этом направлении облегчалась общностью социального положения и образа жизни многочисленного в Иране среднего и низшего духовенства с городскими «средними слоями». Сосредоточенные на тегеранском и других городских базарах большие массы ремесленников и мелких торговцев стали основной опорой духовенства. В 1944 г. в Тегеране молодым муллой-аскетом Наввабом Сафави была создана нелегальная террористическая организация клерикально-националистического толка — «Федаяне ислам» («Смертники ислама»). Организация ставила своей целью борьбу с противниками ислама и с влиянием иностранных держав в Иране.

С фанатическими религиозными и шовинистическими проповедями выступали и такие черносотенные организации, как Партия национал-социалистических рабочих (СУМКА), образовавшаяся в 1949 г., и Партия иранской нации, созданная в 1952 г. Обе они в той или иной степени сочетали определенные антиимпериалистические, а подчас и антикапиталистические взгляды с защитой конституционно-монархического строя.

Предпринимались попытки создания и самостоятельных организаций «средних городских слоев». Образованный в первые годы войны союз инженеров, состоящих на государственной службе, в конце войны фактически пре-

зратился в союз государственных служащих (в его состав вошли учителя, юристы, преподаватели университета и чиновники) и объявил себя партией «Иран». Программа организации, либерально-национальная по своему содержанию, выдвигала требования укрепления государственной независимости, реформирования и демократизации общественно-политического строя, развития отечественной промышленности и т. п. Вместе с тем организация занимала воинствующие антикоммунистические позиции. С примерно аналогичными лозунгами выступили и созданные в самом начале 50-х годов Партия трудящихся Ирана и «Третья сила», представлявшие собой националистические организации социал-реформистского толка.

Усиление значения «средних слоев» в общественном развитии, их антиимпериалистических настроений, характерное для большинства стран Востока в годы войны и особенно в послевоенные годы, сказалось в Иране относительно рано в связи с резко возросшей экспансией США и Англии. Активизация империалистической политики обуславливалась острой заинтересованностью в иранской нефти и военно-стратегическими целями, характерными для времен развязанной Западом «холодной войны» против крепнущей социалистической системы во главе с СССР. В этих условиях дружественная позиция Советского Союза по отношению к Ирану явилась важнейшим внешним фактором сохранения независимости и территориальной целостности страны перед лицом колониалистских происков англо-американского империализма. Эта позиция, исходившая из интересов укрепления национальных сил Ирана в борьбе против империалистических домогательств западных держав, встречала активную поддержку демократических кругов иранского общества. Осенью 1944 г. в целом ряде городов проходили митинги и демонстрации против политики подчинения империализму, в которых участвовало более полумиллиона человек. Правительство обрушило на демократические силы жесточайшие репрессии, сопровождавшиеся антисоветской кампанией.

Возрождение антиимпериалистического национально-демократического движения началось в Иране, по существу, уже с 1941 г. В конце войны под воздействием экспансионистской политики США и Англии и репрес-

сивных действий иранских властей оно приняло особенно глубокий характер в Иранском Азербайджане. В середине 1945 г. здесь была основана Демократическая партия Азербайджана, основную массу членов которой составили крестьяне, рабочие и городские «средние слои». Созданное в конце того же года автономное правительство Иранского Азербайджана наряду с мероприятиями национального характера приступило к бесплатному распределению между крестьянами государственных земель и владений тех помещиков, которые бежали из провинции. Были приняты законы об увеличении доли крестьян при разделе урожая между ними и помещиками, сокращении косвенных налогов, установлении 8-часового рабочего дня.

Не имея прочной базы для борьбы с демократическим движением, правительство, возглавляемое Кавамом, встало на путь маневрирования в области внешней и внутренней политики. В результате переговоров с Советским правительством в апреле 1946 г. было подписано соглашение о создании советско-иранского общества по разведке и эксплуатации нефтяных месторождений в Северном Иране. Спустя некоторое время кабинет Кавама подписал соглашение и с азербайджанскими демократами, признавшее проведенные ими преобразования. Были опубликованы общегосударственные циркуляры о разделе государственных земель среди крестьян и об увеличении на 15% доли крестьян в урожае за счет помещиков, а также принят закон о труде, устанавливающий 48-часовую рабочую неделю.

Усыпив таким путем бдительность общественности и втайне готовясь к подавлению демократического движения, Кавам создал так называемую Демократическую партию, провозгласившую своей целью обеспечение суверенитета и независимости страны и выдвинувшую обширную программу внутренних реформ. С помощью демагогической пропаганды ему удалось вовлечь в нее большое число прогрессивно настроенных представителей «средних городских слоев» (и даже всю организацию «Иран»). В правительство были включены три члена ЦК НПИ. Однако вскоре они были удалены из кабинета, а введенные в Азербайджан войска установили там режим военно-полицейского террора. Одновременно начались репрессии против участников демократического

движения по всей стране. Все провозглашенные правительством прогрессивные мероприятия были отменены, а в октябре 1947 г. меджлис по докладу Кавама объявил недействительным и советско-иранское соглашение. Вместе с тем проамерикански настроенный премьер не препятствовал постановке в меджлисе вопроса о пересмотре концессионного соглашения с Англо-иранской нефтяной компанией (АИНК).

Победу над демократическим движением Кавам решил использовать для дальнейшего ограничения прав и полномочий шаха и, по свидетельству последнего, даже вынашивал план замены его на троне другим представителем династии. Однако в результате сильного противодействия шахского двора и связанной с ним бюрократической и военной элиты, опиравшихся на армию, эти намерения не были осуществлены.

К тому же в условиях дальнейшего нарастания экономических затруднений, вызванных дезорганизацией экономики Ирана в результате расширения империалистической экспансии, национально-демократическое движение в стране стало быстро возрождаться. В демократическую антиимпериалистическую борьбу включались все новые слои рабочих и крестьян, а также ремесленников и мелких предпринимателей, разорявшихся в результате ввоза в Иран по демпинговым ценам американских товаров. Происходившее в то же время резкое сокращение экспорта иранской сельскохозяйственной продукции вызвало массовое бегство крестьян в города, где они пополняли армию безработных и люмпенов.

Даже правящим кругам становилось ясно, что продолжение прежней политики может еще больше обострить экономический и политический кризис. Однако полуфеодалы и верхушка купечества, из среды которых формировались правительства, искали выход из кризиса не в проведении назревших социально-экономических преобразований и национальной внешней политики, а в увеличении финансовых поступлений от АИНК, что рассматривалось как средство сохранения их господствующих позиций. В 1948 г. правительство Абдул Хосейн Хажира предъявило АИНК «обвинительный акт», в котором отмечались нарушения компанией концессионного договора и требовалось увеличить отчисления иранскому правительству. В результате начавшихся

в октябре 1948 г. переговоров в июле 1949 г. было подписано так называемое Дополнительное соглашение, предусматривающее увеличение отчислений Ирану при сохранении в силе самой концессии. Это, разумеется, не ослабило, а усилило размах демократического движения, в ходе которого выдвигалось требование полной ликвидации концессии АИНК.

В этих условиях шахский двор и группирующаяся вокруг него бюрократическая и военная элита попытались перехватить инициативу и обеспечить выход из кризиса на путях восстановления авторитарных форм правления. Расширение власти шаха рекламировалось как условие сохранения территориальной целостности страны и восстановления национального единства, что якобы было доказано эффективными действиями армии, верховным главнокомандующим которой по конституции считался монарх, в период азербайджанских событий. В целях усиления популярности шаха было использовано и полученное им ранение в результате совершенного на него 4 февраля 1949 г. покушения. Но сразу после этого в стране было объявлено военное положение, запрещена Народная партия и разгромлены многие демократические организации.

Одновременно были приняты меры для укрепления позиций двора путем изменения некоторых статей конституции. После ряда совещаний шаха с государственными деятелями старшего поколения, в том числе с Хасаном Таги-заде, одним из авторов конституции, в апреле 1949 г. было созвано Учредительное собрание. Внесенные собранием поправки в конституцию предусматривали расширение прав шаха, в частности в отношении роспуска меджлиса. Было принято также решение об учреждении предусмотренной конституцией, но ранее не созданной верхней палаты — сената, половина членов которого назначалась шахом. Последний получил также возможность самостоятельно назначать премьера. В июне 1950 г. этот пост занял прямой ставленник двора — начальник генерального штаба иранской армии генерал Али Размара.

Вместе с тем, учитывая опыт правительства Кавама, высшие бюрократические и военные круги выступили с инициативой проведения ряда мероприятий, направленных на улучшение положения части трудящихся.

В конце 40-х — начале 50-х годов эти круги не раз высказывались в том духе, что, если не будут проведены реформы, революция станет неизбежной. В 1950 г. был опубликован циркуляр об отмене натуральных поборов с крестьян помещиками и законопроект о продаже крестьянам государственных земель. Однако ввиду сопротивления помещиков этим правительственным декретам аграрные мероприятия были начаты в январе 1951 г. с раздела и продажи коронных имений. (Хотя меджлис единодушно принял соответствующий закон, поскольку депутаты-землевладельцы были заинтересованы в сокращении личных земель шаха, они не без оснований увидели в этом шаге угрозу в будущем своим позициям.) В то же время предполагалось путем претворения в жизнь разработанного с помощью американских экономических советников семилетнего плана (1949—1955) обеспечить занятость значительной части безработного городского и сельского населения. На финансирование соответствующих проектов предусматривалось направить и увеличенные по Дополнительному соглашению отчисления от АИНК.

Развернутая одновременно пропагандистская кампания имела целью привлечь на сторону двора широкие народные массы и особенно «средние слои». Речи шаха изобиловали обещаниями коренных реформ, в том числе аграрных, призванных улучшить условия жизни трудящихся, и борьбы с коррупцией и другими злоупотреблениями власть имущих. Эти «революционные» выступления, а также установленные новым премьером контакты с интеллигенцией, с которой он обсуждал проекты реформы системы образования, вызвали недовольство помещиков, ханов племен, крупного купечества и духовенства, опасавшихся за свои позиции. К тому же Размара объявил о намечаемом создании провинциальных, районных и деревенских советов, а также о необходимости гарантии независимости судов... 7 марта 1951 г. жизнь премьера была оборвана пулей террориста из «Федаяне ислам», а две недели спустя был убит и министр просвещения.

Борьба между иранским полуфеодалным абсолютизмом, с 1949 г. начавшим активно возрождаться после своего временного ослабления, и крупными землевладельцами, занимавшими ведущие позиции в меджлисе,

происходила на фоне все более набиравшего силу антиимпериалистического национально-демократического движения. Как и в предыдущие годы, революционно-демократические круги тесно связывали решение национальных задач общественного развития с проведением радикальных демократических преобразований. Однако с начала 50-х годов, особенно после образования в конце апреля 1951 г. правительства М. Мосаддыка, освободительное движение в Иране, имевшее ранее и антиимпериалистический и антифеодальный характер, вылилось в основном в борьбу за национализацию Англо-иранской нефтяной компании, которая теперь охватила практически и все имущие слои населения. Личность нового премьера, ставшего в те годы одним из самых известных в мире государственных деятелей, наложила глубокий отпечаток на последующие события в Иране.

Неутомимый доктор-правовед

Мохаммед Мосаддык ос-Салтане родился в 1879 г. в богатой феодальной семье. Сын министра финансов, занимавшего этот пост 30 лет, он по материнской линии принадлежал к младшей ветви Каджаров. В отличие от других многочисленных отпрысков династии, с ранних лет становившихся на стезю политической деятельности, Мосаддык с 1906 г. жил большей частью за границей — во Франции, где изучал экономические науки, и в Швейцарии, где в 1914 г. получил степень доктора права. В Иран он приезжал в 1908 и 1915—1919 гг. В последний приезд был избран депутатом меджлиса и несколько месяцев занимал пост заместителя министра финансов.

Деятельность Мосаддыка в эти годы, если не считать выступлений в тегеранской прессе в пользу проведения в Иране судебных и финансовых реформ, не отличалась большой активностью. Некоторые иранские авторы утверждают, что в дни контрреволюционного переворота 1908 г. Мосаддык был советником Мохаммед Али-шаха, однако вряд ли этот факт имел какое-либо значение. Ведь уже тогда «Мосаддык по своей доброй воле взял на себя нелегкую задачу заставить всех забыть о своем происхождении, которое для честолюбив-

этого иранского политика было бы большим козырем, но для честного демократа и патриота — роковым пятном»⁴.

Заслужить репутацию «честного демократа и патриота» в полуколониальном Иране было действительно нелегко. В условиях господства иностранных держав и межимпериалистических противоречий в борьбе за преобладающее положение в стране социальные противоречия внутри имущих классов нередко облекались в форму борьбы между сторонниками различных внешнеполитических ориентаций. При этом, как не без оснований отмечает американский историк Дж. Аптон, «важно иметь в виду, что так называемые германофилы, русофилы или англофилы необязательно являлись непатриотичными персами. Некоторые, конечно, принимали свою ориентацию в целях личной выгоды, но другие делали так из искреннего убеждения, что национальному благу будет полезно сотрудничество с определенной иностранной державой»⁵. (Разумеется, «искреннее убеждение» в данном случае определялось страхом перед растущей активностью народных масс, боязнью опереться на народную поддержку в борьбе против засилья империалистических держав.) Однако при весьма далеко зашедшем разложении бюрократического аппарата прогнившей Каджарской монархии, коррупции и продажности, характерных для чиновников всех рангов, начиная от мелкого служащего и кончая премьер-министром, даже самый честный политический деятель не был застрахован от обвинений в корыстных целях своих связей с дипломатической миссией той или иной державы.

И Мосаддык с самого начала поставил себя вне всяких внешнеполитических ориентаций. Его националистическим взглядам претила позиция тех феодальных кругов, которые видели основное средство сохранения остатков формальной политической независимости страны в уступках империалистическим домогательствам Англии и царской России. Политический идеализм мешал ему встать в ряды тех националистически настроенных либеральных деятелей, которые в годы первой мировой войны стремились использовать усилившуюся активность Германии в борьбе против засилья Англии и России. В силу своей классовой ограниченности он не допускал даже мысли примкнуть к тем торгово-помещичь-

им кругам северных провинций, которые, опираясь на растущие антиимпериалистические настроения народных масс, делали попытки организации вооруженных выступлений против англо-русских войск. А после прихода к власти в Иране правительства, подписавшего соглашение 1919 г. с Англией, Мосаддык вновь уехал в Европу.

Вернувшись на родину в 1920 г., когда антиимпериалистическое движение иранского народа смело англо-фильский кабинет, Мосаддык занял предложенный ему в новом правительстве, возглавленном бывшим германофилом Моширом од-Доуле, пост министра юстиции. Способствуя формированию кабинета из националистических деятелей, англичане стремились разложить антиимпериалистическое движение лозунгом о необходимости единства действий националистов. В этом плане Мосаддык представлял для них определенный интерес. Британский посланник сообщал в Форин офис, что «он не имеет политического влияния и, кажется, не пользуется большой популярностью», но «премьер-министр рекомендовал его мне как честного, интеллигентного, хорошо образованного, способного и очень дружелюбно к нам»⁶. Слова Мошира од-Доуле о дружественном отношении Мосаддыка к Англии скорее всего отражали стремление нового премьера добиться согласия британской миссии на включение Мосаддыка в состав правительства. Встав на путь затяжек и проволочек в отношении соглашения 1919 г. и начав в то же время переговоры о заключении договора с Советским государством, Мошир од-Доуле одновременно сделал попытку привлечь в страну американский капитал. При таком накале внешнеполитических страстей вряд ли можно было сохранить незапятнанную репутацию. К счастью Мосаддыка, в октябре 1920 г. кабинет под давлением британской миссии вышел в отставку. Участие в министерской чехарде Мосаддык предпочел спокойный пост губернатора провинции Фарс.

Февральский переворот 1921 г. в Тегеране застал Мосаддыка в этой провинции. Он сразу же отказался признать новое правительство, но в целях предосторожности скрылся в горах Бахтиарии, где и переждал три месяца правления Сеид Зия эд-Дина. Одним из факторов, определивших отрицательное отношение Мосадды-

ка к перевороту, был страх перед возможной активизацией революционных выступлений в стране. Он писал шаху, что назначение Сеид Зия эд-Дина премьером «может вызвать революцию»⁷. Объявленную же новым кабинетом денонсацию соглашения 1919 г. Мосаддык воспринял как искусное прикрытие тайно согласованного с Англией намерения осуществить его на деле. В этом он всю жизнь оставался в плену тех предрассудков, от которых стремился уберечь собственную репутацию. По иронии судьбы в какой-то мере та же участь постигла самого Мосаддыка спустя три десятилетия: когда он стал премьер-министром, в Иране распространился слух, что осуществленная им национализация иранской нефти задумана и проведена по плану самой АИНК, а он действует как ее агент.

Но вернемся к началу 20-х годов. Обострившиеся после переворота 1921 г. социальные противоречия среди имущих классов по-прежнему нередко принимали форму столкновений между представителями различных внешнеполитических ориентаций (эти столкновения сопровождались теперь приклеиванием ярлыка не только «англофил», но уже и «просоветский», поскольку многие государственные деятели Ирана поняли значение поддержки Советской России для независимости страны). Мосаддык по-прежнему держался вне политической борьбы (и потому избежал всяких ярлыков), однако в наиболее острые моменты он включался в дело довольно активно. Так, будучи в 1923 г. вновь членом кабинета Мошира од-Доуле, на этот раз в качестве министра иностранных дел, Мосаддык отказался подписать советско-иранский торговый договор, парафированный предшествующим кабинетом; в 1924—1925 гг. в качестве депутата меджлиса он совместно с представителями феодальной реакции (хотя и с иных позиций) активно способствовал срыву советско-иранского соглашения о совместной эксплуатации рыбных промыслов иранского побережья Каспийского моря. В результате это соглашение было подписано лишь в 1927 г.

Отношение Мосаддыка к вопросам внутреннего развития Ирана может характеризовать его деятельность на посту министра финансов в кабинете Кавама ос-Салтане, созданном летом 1921 г. Мосаддык энергично занялся реорганизацией министерства, необходимой, по

его мнению, для преодоления царившего в стране острого финансового кризиса, вызванного феодальной анархией. Но выделение требуемых Реза-ханом средств на формирование и вооружение национальной армии, без которой было невозможно обуздать своевольных феодалов, предпочитавших оставлять собранные с населения государственные налоги в собственных карманах, Мосаддыку представлялось лишь финансированием диктаторских замашек военного министра. В начале января 1922 г. своим выходом из правительства Мосаддык положил начало отставке всего кабинета.

Новое столкновение между Реза-ханом и Мосаддыком произошло в конце 1922 г., в бытность последнего губернатором Азербайджана, где он успешно подавил крупные волнения. Тем не менее военный министр, начавший повсеместно насаждать военную администрацию, сместил Мосаддыка с его поста. Однако внешне отношения между ними оставались корректными. Более того, сформировав в октябре 1923 г. свой первый кабинет, Реза-хан предоставил в нем Мосаддыку портфель министра юстиции. Это было обусловлено, конечно, не тем, что Реза-хан хотел использовать обширные познания Мосаддыка в области юриспруденции для проведения начатых вскоре судебных реформ. Включив в состав кабинета и целый ряд других националистов, Реза-хан стремился с их помощью окончательно сломить сопротивление феодальной реакции отстранению от власти династии Каджаров.

Мосаддык воздержался от участия в начавшейся вскоре кампании за установление республики, считая, что она лишь узаконит личную диктатуру Реза-хана. Однако, когда спустя некоторое время республиканская кампания ввиду ожесточенного противодействия реакции провалилась и Реза-хан был вынужден выйти в отставку, Мосаддык вместе с другими националистическими деятелями, испытывавшими страх перед возможностью нового подъема демократического движения, признаки которого стали появляться в ходе кампании, добился его возвращения к власти. В апреле 1924 г. Реза-хан сформировал новое правительство, но Мосаддыка в нем уже не было. Тем не менее спустя два месяца, когда в результате нового нажима феодальных группировок в меджлисе на правительство Реза-хана возникла угроза

выхода столкновения за парламентские стены, Мосаддык взял на себя миссию организации перемирия между шахским двором и премьером.

С конца 1924 г. Мосаддык, встав в открытую оппозицию слева к сторонникам Реза-хана в меджлисе, действовал в одном строю с правой, феодально-клерикальной реакцией. Обе оппозиционные группировки выступали против Реза-хана с позиций защиты «законности» и «конституции», но если для правых это была демагогическая ширма, то для левых — результат искренней, но наивной веры в идеалы, осуществление которых представлялось им средством решения всех проблем страны.

Мосаддык сохранил верность своим идеалам и тогда, когда большинство представителей и правой и левой оппозиции в меджлисе, видя бесперспективность борьбы, пошли на компромисс с диктатурой Реза-хана. Но по проницательности судьбы именно интерпретация Мосаддыком соответствующей статьи конституции позволила меджлису возложить на премьера и военного министра функции главнокомандующего иранской армией. Правда, Мосаддык, по существу, был единственным в меджлисе депутатом, который, проявив изрядную политическую смелость, честно и прямо высказался против передачи Реза-хану шахской короны. Даже лидер феодально-клерикальных кругов, известный оратор и демагог Сеид Хасан Модаррес во время обсуждения 31 октября 1925 г. законопроекта об отстранении от власти правящей династии предпочел покинуть зал заседания. Мосаддык же, заявив, что не возражает против свержения Каджаров, поскольку они не принесли никакой пользы Ирану, и воздав должное заслугам Реза-хана в установлении «безопасности» и «спокойствия» в стране, предостерегал меджлис против объединения в одном лице функций «и шаха, и премьера, и правителя», взывая при этом к памяти «жертв свободы», пролитой за конституцию крови и т. д. Никакой ясной альтернативы законопроекту он не предложил. В Учредительное собрание, которое в декабре 1925 г. окончательно оформило вступление на престол Реза-шаха Пехлеви, Мосаддык не был избран.

Новый и последний этап политической деятельности Мосаддыка при резашахском режиме связан с меджлисом VI созыва (1926—1928). В то время большинство

бывших представителей левой оппозиции в меджлисе настолько органически сжились с новым режимом, что не только получали министерские портфели, но и возглавляли правительства. Для Мосаддыка этот путь был закрыт: участие в первом кабинете Реза-хана было для него последним вплоть до конца царствования Реза-шаха. Да и он сам в то время не очень стремился к этому. Его призванию больше соответствовала парламентская деятельность.

После династического переворота прежняя организованная оппозиция в меджлисе превратилась в союз нескольких депутатов (Модарреса, Мосаддыка и др.), объединившихся на почве недовольства новым политическим режимом. В условиях абсолютного преобладания правительственного большинства единственным методом борьбы этих депутатов были парламентские обструкции, придававшие их выступлениям зачастую демагогический характер. Мосаддык выступал по многим вопросам. Слова «народ», «интересы народа», «конституция» и «демократия» не сходили с уст «депутата нации», как любил называть себя Мосаддык. Он гневно обрушивался на диктатуру, когда она ущемляла права оппозиционного меньшинства, и стыдливо опускал глаза, когда она направлялась против интересов трудящегося большинства. Народ не слышал блистательных речей Мосаддыка, не видел его опущенных глаз, но феодальной реакции и то и другое приходилось весьма на руку.

Мосаддык же завоевал себе репутацию неутомимого и смелого оратора по всем вопросам. Когда правительство представило меджлису на предмет ратификации советско-иранский договор о гарантии и нейтралитете и другие соглашения от 1 октября 1927 г., он вместе с Модарресом выступил против их рассмотрения в порядке спешности, на которой настаивало правительство. В условиях международной обстановки того времени, в частности англо-советского конфликта, такой порядок рассмотрения имел важное значение не только для СССР, но и для Ирана. Мосаддык обвинил правительство в том, что оно запрещает обсуждать соглашения, а при рассмотрении таможенной конвенции пытался доказать, будто новый тариф невыгоден Ирану и даст Англии повод настаивать на получении льгот, хотя в действительности (и на это ему указали некоторые де-

путаты) новый тариф не только способствовал бы увеличению доходов Ирана, но и дал бы ему возможность осуществлять независимую таможенную политику.

В эти дни напряженной работы меджлиса первую из своих речей Мосаддык начал комплиментом (не первым, но, кажется, последним) в адрес Реза-шаха: «Одна из причин моего благорасположения к эпохе Пехлеви заключается в том, что он в вопросах внешней политики и международных отношений всегда проявлял большую осмотрительность. Все знают, что он всегда следил за тем, чтобы ни одна крупница прав Ирана не перешла к иностранцам»⁸. Что это — дань новой традиции или извинение своей оппозиции? Важно другое: как «чистый» демократизм вел Мосаддыка к компромиссу с реакцией, так его «чистый» национализм на деле зачастую обращивался антисоветизмом.

В меджлис VII созыва Масаддык не был избран из-за вмешательства властей и с этого времени отошел от политической жизни. Он избежал судьбы тех представителей имущих слоев, влияние которых представлялось шаху угрозой его авторитету и власти. Мосаддык не получил пулевых ранений из-за угла, как Модаррес, и не был тайно умерщвлен в тюрьме, как Теймурташ, Фируз Мирза и Сардар Асад. Он жил спокойно в своем имении до июня 1940 г., когда его неожиданно арестовали — неизвестно, по каким причинам, но для последних лет царствования Реза-шаха случай был характерным — и бросили в тюрьму в захолустном городке в Хорасане. В декабре по ходатайству наставника престолонаследника, швейцарца Эрнесто Перрона он был освобожден из тюрьмы и до отречения Реза-шаха жил под домашним арестом в своем поместье.

«Хотя он был уже стар, когда возвратился на политическую сцену, он — и это было красноречивым свидетельством его ума и таланта — скоро стал кумиром молодой иранской интеллигенции, особенно инженеров, техников, а также людей одинаковой с ним профессии. Больше всего их восхищали в нем упорство, с каким он отказывался идти на компромисс с диктатурой Реза-шаха, его долгая и настойчивая борьба против всяких наследственных привилегий, его твердая решимость освободить Иран от разлагающего иностранного влияния»⁹. Большую роль в росте популярности Мосаддыка

сыграла публикация в 1944 г. его речей в меджлисах V и VI созывов.

В марте того же года Мосаддык вновь был избран депутатом меджлиса. Одной из его первых акций было выдвижение проекта закона о труде. Требование принятия такого закона являлось тогда важнейшим лозунгом рабочего движения. В противовес законопроекту Народной партии Ирана, поддержанному всеми рабочими организациями страны, проект Мосаддыка был составлен главным образом в интересах предпринимателей, получивших право увольнять любого работающего. Предусматривалось тюремное заключение за призыв к забастовке и лишение профсоюзов права защищать интересы рабочих. Надо сказать, что самому Мосаддыку в это время принадлежали не только сотни деревень, но и десятки особняков и жилых домов в Тегеране, сдававшихся в аренду.

В конце 1944 г., в обстановке растущего рабочего и общедемократического движения, меджлис большинством голосов поручил Мосаддыку сформировать правительство. Однако он согласился на это лишь при условии единогласного утверждения состава и программы его кабинета и предоставления лично ему (в нарушение конституции) права вновь стать депутатом меджлиса после отставки, а также при условии одобрения его кандидатуры английскими военными властями. Поскольку же последние высказались против, а меджлис не принял его требований, он отказался сформировать правительство. В конце 1947 г. вновь возник вопрос о назначении Мосаддыка премьером, но он не получил необходимого числа голосов в меджлисе.

По-прежнему предпочитая действовать в качестве оппозиционного депутата, руководствующегося национализмом как абсолютным принципом, Мосаддык выступал в меджлисе фактически против всех кабинетов, независимо от их внешнеполитической ориентации. При этом не делалось никакого различия между империалистическими домогательствами США и Англии и дружеской политикой СССР, имевшей целью укрепление национальной независимости Ирана. С целью предупредить возможность подписания соглашения о советско-иранском сотрудничестве в нефтяном вопросе Мосаддык внес 2 декабря 1944 г. в меджлис законопроект о запре-

щении в будущем сдавать иностранцам нефтяные концессии и даже вступать в переговоры по этому вопросу. Во время обсуждения законопроекта один из депутатов высказался и за аннулирование концессии АИНК. Но его не поддержал даже Мосаддык, заявив, что в таком случае следовало бы отменить и советско-иранский договор 1921 г. Однако же впоследствии, когда идея национализации АИНК усилиями ряда депутатов пустила глубокие корни в меджлисе, Мосаддык стал активно выступать против утверждения Дополнительного соглашения, чем привлек к себе благожелательное внимание США.

В октябре 1949 г., во время выборов в меджлис XVI созыва, возглавленная Мосаддыком группа интеллигентов, оппозиционно настроенных к Дополнительному соглашению, опротестовала выборы от Тегерана как фальсифицированные властями и, сев в бест в шахском дворце, объявила голодовку. Добившись отмены выборов, оппозиция во главе с Мосаддыком создала организацию Национальный фронт (НФ), представляющую в тот момент обычное для Ирана объединение отдельных лиц для проведения избирательной кампании. По-прежнему стремясь быть вне всякой партийной деятельности, Мосаддык решительно возражал против официального вхождения в НФ каких-либо партий или организаций. На проведенных в феврале 1950 г. повторных выборах от Тегерана в меджлис были избраны восемь членов Национального фронта.

Своей главной задачей в меджлисе нового созыва Мосаддык считал борьбу за национализацию АИНК, поставленную на повестку дня, наряду с проведением внутренних демократических преобразований, усилившимся освободительным движением народа. Но вопрос о национализации был для Мосаддыка не только средством достижения экономической независимости Ирана, но и единственным способом решения всех экономических и политических проблем страны. Доходы от нефти, не раз говорил он, удовлетворят все нужды народа и положат конец бедности, невежеству и болезням.

Действия Мосаддыка получили благословение известного религиозного деятеля Аболькасема Кашани, блестящего оратора, кумира тегеранского базара, духовного вождя «Федаяне ислам», подозревавшегося в организации покушения на шаха в 1949 г. Давний против-

ник англичан, Кашани придал националистическим идеям доступную традиционно настроенным массам религиозную окраску. Он мог доводить до экзальтации свою паству проповедями о том, что своими несчастьями она целиком обязана «неверным» иностранцам, эксплуатирующим Иран, и возросшему вмешательству государства в экономическую жизнь. Для широких масс Кашани был выразителем демократических и эгалитарных принципов ислама.

С середины 1950 г. усилиями Мосаддыка и всей фракции НФ вопрос о национализации АИНК стал первоочередной проблемой, обсуждаемой в меджлисе. Помещичье большинство увидело в дискуссиях по этому вопросу удобное для себя средство остановить дальнейшее наступление усиливающейся власти монарха, и в частности замять начатую премьер-министром Размарой парламентскую кампанию по расследованию административной коррупции. Таким образом, проимпериалистически настроенные представители полуфеодалных землевладельцев и ханов племен стали объединяться с возглавляемой Мосаддыком националистической фракцией, объективно выражавшей интересы «средних городских слоев».

Общей почвой для объединения столь разнородных политических сил было стремление предотвратить восстановление абсолютизма. Помещичьи круги довольно быстро сориентировались в том, что проводимая Мосаддыком политика может направить массовое недовольство в узкое русло движения против АИНК и что, следовательно, поддержка этой политики даст возможность, с одной стороны, отвлечь народные массы от насущных внутренних проблем, а с другой — усилить их собственные позиции в борьбе с абсолютистскими поползновениями укрепляющейся монархической власти. Кроме того, Мосаддык был выходцем из их же среды и как будто никогда не мирился с новой династией. А согласие АИНК (после отклонения иранским правительством в конце 1950 г. Дополнительного соглашения) пересмотреть концессию на условиях равного распределения прибылей давало основание предполагать, что он не совсем неприемлем для англичан или во всяком случае сумеет в конце концов договориться с ними.

Получив поддержку большинства меджлиса, фракция

НФ во главе с Мосаддыком поставила требование национализации нефтяной промышленности в практическую плоскость. Считая такую постановку вопроса выходящей за область реальной политики, Размара 3 марта 1951 г. говорил в меджлисе, что, хотя каждый иранский патриот стремится к возвращению стране принадлежащих ей ресурсов, это не должно служить основанием для действий, которые могут нанести вред прогрессу Ирана. Он доказывал, что национализация сделает необходимым выплатить АИНК крупную компенсацию и в то же время ввиду отсутствия национальных кадров приведет к свертыванию добычи нефти, что лишит страну необходимых средств для финансирования планов развития. На следующий день после убийства Размары, 8 марта 1951 г., нефтяная комиссия меджлиса единогласно приняла резолюцию о национализации нефтяной промышленности Ирана.

Мосаддык и его приверженцы торжествовали победу. 15 и 20 марта меджлис и сенат также единогласно утвердили резолюцию нефтяной комиссии, а 28 и 30 апреля — предложенный ею закон о путях осуществления национализации, в который были включены пункты о выплате компенсации АИНК и обязательстве Ирана продавать нефть прежним покупателям. Шах подписал закон 1 мая, а в тот же день рабочий класс и другие трудящиеся Ирана, руководимые загнанной в подполье Народной партией, вышли на первомайские демонстрации, во время которых наряду с поддержкой национализации выдвигали требования глубоких демократических преобразований.

Утверждая закон, шахский двор, несомненно, руководствовался стремлением предотвратить дальнейший рост массового антиимпериалистического демократического движения, которое не удалось остановить репрессиями. А Мосаддык пришел наконец к осуществлению заветной мечты всей своей жизни, служению которой посвятил столько сил, — стать единственным и общепризнанным олицетворением национальной воли, цели и действия. То, что признание исходило от всех слоев общества — и эксплуатируемых и эксплуататоров, в его глазах только подтверждало правильность понимания им своего жизненного предназначения и в то же время оправдывало долгую отсрочку его исполнения.

29 апреля 1951 г. меджлис и сенат подавляющим большинством голосов выдвинули кандидатуру Мосаддыка на пост премьер-министра. На следующий день шах одобрил эту рекомендацию. Впервые за последние 27 лет своей политической деятельности 72-летний доктор Мосаддык решил выйти из оппозиции и возложить на себя бремя государственных обязанностей на первом в своей жизни посту премьер-министра. Выдвинувшийся на волне всенародного энтузиазма, он сразу же рассказал в меджлисе о приснившемся ему пророческом сне, в котором вещий голос сказал ему: «Приготовься свершить мученический подвиг во имя Родины»¹⁰.

Борьба за нефть: победы и тупики

В 1951—1953 гг. имя Мосаддыка почти не сходило со страниц газет всего мира. «Для большинства людей на Западе Мосаддык был несколько смешной и в то же время загадочной фигурой: смешной потому, что он не стеснялся плакать при всех, иногда падал в обморок и имел привычку заниматься государственными делами, лежа на простой железной кровати, одетый в серую шерстяную пижаму; загадочной, ибо при всем том он удивительно хорошо умел добиваться выполнения своих самых дерзких и даже просто невысказанных требований... В Англии и Соединенных Штатах озадаченные высокие чины иностранных ведомств, эксперты по нефтяным делам, финансисты, дипломатические корреспонденты и члены законодательных палат не успевали рты открывать в ужасе и изумлении, так как одна „катастрофа“ следовала за другой... Чуждачества старого доктора-правоведа с голым черепом и ястребиным носом взбаламутили даже всегда спокойное течение политической жизни Англии»¹¹.

Действительно, деятельность правительства Мосаддыка на антиколониальном (а точнее — антианглийском) фронте борьбы получила широкий международный резонанс. Решительная борьба за национализацию иранской нефтяной промышленности, отказ подчиниться давлению Англо-иранской нефтяной компании и затем фактическое изгнание ее из страны, разрыв дипломатических отношений с Англией, использование различных

международных организаций, в том числе ООН, для отстаивания национальных прав Ирана — все это снискало Мосаддыку заслуженную популярность и авторитет среди широких народных масс многих стран Азии, находившихся под игом английского колониализма. Борьба за освобождение Ирана от империалистических концессий нанесла ощутимый удар по колониальным позициям британского империализма на всем Востоке.

Но сам Иран представлял собой в это время политически независимую страну, и поэтому всесторонняя оценка деятельности Мосаддыка с точки зрения потребностей общественного развития Ирана требует учета не только внешней, но и внутренней политики возглавляемого им правительства. Решающим критерием в данном случае должен служить характер основного противоречия тогдашнего иранского общества — несоответствие полуфеодальных форм производства и империалистической эксплуатации потребностям независимого экономического развития. Конечно, было возможно и даже необходимо поэтапное решение различных аспектов этого двуединого противоречия, хотя между ними и существовали тесная связь и взаимозависимость.

В политике Мосаддыка и его ближайшего окружения эта связь преломлялась весьма своеобразно. Считая главной и, по существу, единственной задачей своего правительства осуществление закона о национализации нефтяной промышленности, Мосаддык ставил целью, как говорилось в законе, «использование доходов от эксплуатации этой промышленности на укрепление экономической мощи страны и обеспечение всеобщего благосостояния и спокойствия». Аграрный вопрос, бывший одной из важнейших задач послевоенного национально-демократического движения, не только не ставился, но фактически признавался излишним. Некоторые близкие к Мосаддыку деятели прямо говорили, что после национализации нефтяной промышленности потребность в земельных реформах отпадет сама собой.

Развитие национально-демократической борьбы и особенно массовые крестьянские выступления заставили Мосаддыка осенью 1952 г. обратиться и к аграрному вопросу. Однако по-прежнему считая национализацию нефтяной промышленности панацеей от всех зол, он ограничился в этой области изданием законов о повыше-

нии доли крестьянина при разделе урожая на 10% и об отмене части натуральных поборов и повинностей. Некоторые деятели Национального фронта указывали, что эти законы являются даже шагом назад по сравнению с циркулярами 1946 г., изданными правительством Кавама, поскольку закрепляют права помещиков, обеспечивают укрепление их позиций. Мосаддык же, ссылаясь на то, что шахская программа продажи крестьянам коронных земель нарушает сложившиеся отношения между помещиками и крестьянами, приостановил и ее осуществление. Кстати сказать, США, долгое время отказывавшиеся от финансирования этой программы (чтобы не вызвать антиамериканские настроения у помещиков), одобрили аграрные законы Мосаддыка (как в наименьшей степени затрагивающие интересы землевладельцев) и даже создали организацию по их финансированию.

Действия Мосаддыка определялись отнюдь не расположением к полуфеодалным помещикам или связанной с ними новой прослойке бизнесменов и коммерсантов, начавшей формироваться в период правления Реза-шаха, тем более что она занимала самую неустойчивую позицию в широком и разношерстном альянсе социально-политических сил, поддержавших новое правительство. Занятая своими частными делами, эта прослойка в целом индифферентно относилась к политической борьбе. Попытки Мосаддыка добиться по крайней мере ее финансовой поддержки успеха не имели, ввиду чего он проводил по отношению к ней репрессивную политику. Валютные ограничения нового правительства даже побудили многих представителей этой прослойки эмигрировать в Европу, где они составили ближайшее окружение находившихся там матери шаха и его сестры-близнеца принцессы Ашраф, с самого начала вынашивавшей замысел отстранить Мосаддыка от власти. Демонстрируя преданность шахскому дому, они ждали лучших времен для возобновления своей спекулятивно-предпринимательской деятельности в Иране. Оставшиеся же в стране коммерсанты и бизнесмены, по-прежнему отказываясь вкладывать капиталы в создание промышленных объектов (тем более что государственные субсидии и кредиты были прекращены), занимались строительством домов, отелей, офисов, приносящим более быструю и высокую прибыль.

Их активность протекала в русле аналогичной деятельности поддерживающих Мосаддыка купечества, искавшего выгодного и безопасного помещения денег, и помещиков, осознавших угрозу своей земельной собственности и стремившихся заменить ее городской недвижимостью.

Традиционалистская и националистическая платформа Мосаддыка наибольшим образом соответствовала настроениям и интересам «средних городских слоев», в частности владельцев тысяч мелких торговых предприятий и ремесленных мастерских, концентрировавшихся на городских базарах. Обнаружившаяся еще в предшествующий период раздвоенность их политического сознания, порожденная промежуточным положением в общественной иерархии, проявлялась в сочетании таких стремлений, как реорганизация в современном духе форм политической власти и сохранение традиционной социально-экономической системы. В данном сочетании объективно отражались интересы самостоятельного развития страны и ее «нормальной», не осложненной внешним воздействием общественной эволюции.

Переживая небывало остро чувство самоутверждения, сменившее постоянно подавляемый дух сопротивления и постоянное ощущение унижения и бессилия перед иностранцами, упоенные атмосферой свободы и, в частности, освобождением от всякого регулирующего контроля государства (в связи с новым ослаблением абсолютистского режима), эти слои сразу же и весьма активно использовали в спекулятивных целях проводимую правительством Мосаддыка политику «закрытых дверей». Экономический курс последнего был направлен на содействие развитию экспорта традиционных товаров, поощряемого с целью получения иностранной валюты, поступление которой не могло быть тогда обеспечено вывозом нефти.

Характеризуя подобные ситуации, К. Маркс предостерегал: «Не следует только впасть в то ограниченное представление, будто мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что *специальные* условия ее освобождения суть в то же время те *общие* условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба»¹². Именно в

силу этого Мосаддык, представлявший промежуточные, мелкобуржуазные по своим историческим потенциям общественные слои, в которых обычно взаимно притупляются интересы основных классов, считал себя выше всяких социальных антагонизмов.

Однако националистическая платформа Мосаддыка обеспечила ему исключительную поддержку не только «средних слоев», но и широких трудящихся масс. Большинство населения показало беспримерную способность выдержать невыносимо тяжелые экономические тяготы во имя достижения высоких национальных целей. Публиковавшиеся в газетах карикатуры на Джона Буля, пинком сброшенного в Персидский залив, завоевали сердца ремесленников, лавочников, торговцев и других слоев традиционно настроенных масс. Даже тогда, когда экономическая политика Мосаддыка стала обнаруживать явные признаки неизбежного краха, предпринятая Сеид Зия эд-Дином попытка возродить свою организацию «Эрадейе мелли» на оппозиционной Мосаддыку платформе не получила поддержки этих слоев.

Гораздо сложнее складывались отношения премьера с политическими представителями «средних слоев». Пользуясь их полной поддержкой в рамках Национального фронта, он не только практически игнорировал НФ, но и всячески стремился предотвратить возможный рост влияния представленных в нем партий и организаций («Иран», Партия трудящихся Ирана, «Третья сила», «Федаяне ислам» и др.). Некоторые руководители и члены этих организаций выдвигали наряду с антиимпериалистическими и антифеодальными лозунгами, неприемлемые для премьер-министра. Многие из приверженцев НФ, в том числе и Кашани, считая политику Мосаддыка умеренной и осторожной, опасались, что она в конце концов приведет к сделке с АИНК. Главной его опорой постепенно стала антикоммунистически настроенная организация «Иран», требовавшая разогнать меджлис и полностью сосредоточить государственное управление в руках Мосаддыка.

Народная партия Ирана справедливо видела в борьбе с АИНК возможность ликвидации последних оплотов британского колониализма и тем самым решения одной из насущных задач национально-демократического движения. Именно героические и самоотверженные высту-

лений передовых слоев трудящихся во главе с НПИ в решающие моменты борьбы сыграли определяющую роль как в сохранении у власти правительства Мосаддыка, так и в закреплении достигнутых им успехов. Эти же выступления парализовали свойственную Мосаддыку склонность к компромиссам и уступкам империализму. И если впоследствии НПИ выступила с самокритикой за недостаточно последовательную поддержку Мосаддыка, то это, разумеется, отнюдь не следует расценивать как оправдание имевших место антинародных и антидемократических аспектов его политики, хотя в самой партии действительно проявилось стремление решить задачи и антиимпериалистической и антифеодальной борьбы в рамках единого стратегического этапа.

В этой связи нельзя не отметить, что, пользуясь поддержкой НПИ, Мосаддык не только не откликнулся на ее предложения о совместных действиях, но именно против нее обращал основные удары внутри страны. Принятые его правительством законы об общественной безопасности и военном положении были больше направлены против рабочего и крестьянского движения и прогрессивных организаций, нежели против подрывной деятельности империализма и его пособников в стране. Наступая на жизненный уровень трудящихся масс, ущемляя их права, активно расправляясь с демократическими выступлениями, правительство Мосаддыка в то же время закрепляло позиции имущих слоев и проявляло «нерешительность» в подавлении реакционных выступлений.

И тем не менее поддержка Мосаддыка полуфеодальными помещиками, равно как и примкнувшими к нему ханами кашкайских племен, никогда не была полной и вполне искренней, поскольку они руководствовались главным образом своей враждебностью к шахскому двору. Отношение же последнего к новому премьеру отличалось наибольшим лицемерием. Высказываясь о нем как о донкихотствующем позере, шах в то же время признавал: «Но поскольку он представлял националистическую политику, я должен был поддерживать его более, чем кого бы то ни было»¹³. В октябре 1952 г. шах прямо заявил в парламенте о своей солидарности с проводимой Мосаддыком политикой национализации.

Немалую поддержку Мосаддыку поначалу оказала

и американская дипломатия, позиция которой, определившаяся стремлением монополий США внедриться в иранскую нефтяную промышленность, облегчила как принятие, так и осуществление акта национализации. Многие руководящие деятели Соединенных Штатов считали необходимым поддерживать националистическое правительство Мосаддыка и из опасений перерастания антианглийских выступлений в Иране в социалистическую революцию. Даже в марте 1953 г. президент США Дуайт Эйзенхауэр выступал за то, чтобы удержать Мосаддыка у власти, поскольку считал его «единственной надеждой Запада в Иране»¹⁴. Спекулируя на антикоммунистических настроениях, Мосаддык и сам муссировал тезис о том, что Запад должен быть ему благодарен за подъем национализма и борьбу за «демократию», которые могут предотвратить «коммунистическую революцию».

Однако Мосаддык просчитался в попытках вбить клин между США и Англией. Поощряя фактически американскую экспансию в Иране, он рассчитывал на финансовую помощь США и заключение соглашений с американскими компаниями о технической помощи по добыче и сбыту иранской нефти. Но его надежды не оправдались. После национализации АИНК правительство США, продолжая оказывать некоторую финансовую и значительную военную помощь Ирану, стало добиваться совместного с Англией участия в разработке нефтяных ресурсов страны.

Особенно сильно просчитался Мосаддык в своем предположении, что мировая экономика не сможет обойтись без иранской нефти и что благодаря этому Иран получит возможность ее самостоятельного сбыта, минуя международные нефтяные компании. Однако прекращение вывоза иранской нефти было использовано США для увеличения добычи в других районах, в частности в арабских странах, что принесло колоссальную выгоду не только американским монополиям, но и господствующим классам этих стран. Фактически исключив с самого начала соответствующим пунктом закона о путях осуществления национализации возможность продажи нефти социалистическим странам, Мосаддык предполагал добиться благосклонности США. Не преуспев в этом и затем решив встать на путь соглашений с Чехосло-

вакий, Польшей и Венгрией, он вскоре под давлением США сошел с этого пути.

Будучи не способен в полной мере осознать все последствия нереалистических аспектов своей политики, Мосаддык, естественно, оказался безоружным перед лицом экономического давления со стороны английского империализма. Осуществив в течение пяти месяцев после прихода к власти смелый план полного и безоговорочного изгнания из страны АИНК, он в то же время обрек нефтяную промышленность на фактическое бездействие, а государственную казну лишил поступлений от нефти. Вопрос о конфискации имущества АИНК не ставился. Но 60 тыс. иранских служащих и рабочих компании, оказавшимся вынужденно безработными, приходилось выплачивать заработную плату. Разорвав дипломатические отношения с Англией, объявившей вслед за этим запрет на ввоз британских товаров в Иран, Мосаддык затем пытался вступить в переговоры с представителями английского бизнеса. Однако найти таким путем лазейку из тупика, в котором он оказался, ему не удалось. Мосаддык не устал публично повторять, что не собирался ссориться с простым народом Великобритании, который не может отвечать за деятельность АИНК. Но эти заявления, разумеется, остались гласом вопиющего в пустыне.

Выход из острейшего финансового кризиса Мосаддык искал не в обложении эксплуататорской верхушки, а в выпуске внутренних займов, которые, однако, не оправдали его ожиданий. Передав казне большую часть собственного имущества, Мосаддык решил обложить налогом и собственность шаха, освобожденную от обычного обложения, поскольку часть доходов от нее была помещена в «благотворительную» организацию. Шах согласился на большинство требований Мосаддыка, а впоследствии под нажимом премьера передал под контроль правительства и коронные земли, подлежащие распределению среди крестьян. Но все это не могло укрепить расшатанную экономику Ирана.

Утратив фактический контроль над экономическим положением, Мосаддык в начале 1952 г. выдвинул несостоятельную программу «экономика без нефти». Осуществление этой программы, направленной на сбалансирование государственного бюджета без доходов от неф-

ти, по существу, свелось к повышению косвенных налогов, ложившихся всей тяжестью на плечи трудящихся масс. Тем самым Мосаддык невольно подтвердил иллюзорность надежды с помощью одной только национализации АИНК решить все проблемы страны, и в частности добиться экономической независимости. В ответ на его обращение с просьбой о займе госдепартамент США заявил, что соответствующие средства Иран мог бы получить от возобновления работы нефтяной промышленности.

Ссылаясь на необходимость срочного претворения в жизнь своей новой программы, а также на нарастающие в меджлисе оппозиционные по отношению к нему настроения, Мосаддык в июле 1952 г. потребовал предоставления ему чрезвычайных полномочий, и в частности поста военного министра. Еще до этого, выведя из кабинета генерала Фазлоллу Захеда, в свое время способствовавшего его приходу к власти, Мосаддык через некоторое время взял себе и портфель министра внутренних дел. Новые требования премьера натолкнулись на противодействие шаха, и Мосаддык объявил о выходе в отставку. Через несколько дней, опираясь на всенародные выступления в Тегеране, в первых рядах которых шли члены НПИ, он вернулся к власти, добившись удовлетворения всех своих требований.

В начале августа 1952 г. Мосаддык получил всю полноту власти в делах экономики, судопроизводства, администрации, финансов и отчасти в военной области. В октябре, добившись сокращения срока полномочий верхней палаты парламента, Мосаддык распустил сенат. Как раз в это время был принят закон об общественной безопасности, объявивший незаконными забастовки, митинги и демонстрации, и продлено военное положение. Шефом полиции был назначен генерал с кровавой репутацией, участник карательных мероприятий Реза-шаха. В результате проведенной с его помощью чистки армии и полиции было уволено около 200 офицеров. В начале 1953 г. премьер решил распустить и меджлис, в котором стали усиливаться оппозиционные настроения. Под угрозой созыва референдума по этому вопросу он предложил депутатам меджлиса утвердить законопроект о дальнейшем расширении полномочий правительства, который фактически предоставил бы ему функции верхов-

ного главнокомандующего. Усилив одновременно давление на шахский двор, Мосаддык неоднократно заявлял, что шах должен царствовать, а не управлять. Весной 1953 г. меджлису было предъявлено требование дать соответствующее толкование статьям конституции, касающимся прав шаха.

Рост оппозиционных Мосаддыку настроений, особенно усилившийся после его антишахских акций, затронул не только помещичье большинство меджлиса, но и большую часть руководящих деятелей НФ, с которыми премьер по мере усиления своей власти перестал вообще считаться. Рассорился Мосаддык и с Кашани: прошли те времена, когда он нуждался в его влиянии на массы и ораторском искусстве. Теперь с массами есть прямой контакт, но их место — на улице, а в резиденции премьера — нарастающее одиночество. И Мосаддык подолгу жил в неприкосновенном по освященной традиции здании меджлиса, хотя его дом, окруженный со всех сторон высоким каменным забором, днем и ночью усиленно охранялся полицией.

Основной причиной отхода от Мосаддыка большинства его бывших сторонников и попутчиков было вызванное политикой премьера обострение социально-экономического и политического кризиса в стране. К осени 1952 г., когда не только Англия, но и США отказались от всяких дальнейших переговоров с правительством Мосаддыка, полностью выявилась его неспособность вывести нефтяной вопрос из тупика, в который он его завел. Пойти на уступки империализму Мосаддык теперь не мог — разве удержишь выпущенного на свободу джинна? Вопросы о сближении со странами социализма для премьера тоже не было. Страна переживала беспросветные дни экономического застоя и хаоса.

У полуфеодалов, помещиков, крупных купцов и промышленников, верхушки духовенства, правонационалистически и шовинистически настроенных представителей «средних слоев» были и другие, особые основания для недовольства премьером. При всех своих антикоммунистических настроениях он не смог предотвратить усиление влияния в массах НПИ, ставшей в 1952—1953 гг., несмотря на полулегальное положение, реальным руководителем освободительной борьбы. Репрессивные меры правительства не остановили рост демокра-

тического движения и политической активности трудящихся, среди которых в то время лозунги НПИ пользовались большой популярностью. Слухи о возможности «коммунистического переворота», подогреваемые в значительной мере империалистической пропагандой, заставляли дрожать зажиточную часть населения.

В этих условиях среди имущих слоев уже не могли вызвать энтузиазма властолюбивые амбиции премьера, использовавшего в борьбе против старого стража их интересов — дома Пехлеви — выступления «черни». Перед лицом призрака «коммунистического переворота» можно простить и строптивость династии. Ведь ее приход к власти был освящен их волей, их Учредительным собранием, а не каким-то всенародным референдумом, к тому же и не предусмотренным конституцией. И как может такой референдум лишить «представителей нации» почетных и выгодных депутатских мандатов? Оппозиция помещичьего большинства меджлиса Мосаддыку стала смыкаться с антидиктаторскими выступлениями бывших членов НФ, требовавших теперь ограничения чрезвычайных полномочий премьера.

Шахский двор и высшие армейские чины, имевшие больше чем достаточно оснований ненавидеть новоявленного «выскочку», решили, что долгожданный час расплаты наконец пришел. Тем более что премьер мечется между оппозицией родственных ему по социальному положению слоев населения и поддержкой всегда чуждых ему широких масс: за короткий период с октября 1952 г. по апрель 1953 г. правительство раскрыло три заговора, но от репрессивных мер фактически уклонилось. Уже не поощряет ли оно тем самым новую попытку переворота? К тому же многие сторонники Мосаддыка перешли на сторону его противников. К ним же примкнули и черносотенные организации «средних слоев». И американские «друзья», оснастившие и обучившие иранскую армию и переставшие теперь видеть в Мосаддыке «гарантию против коммунизма», обещают щедрую материальную помощь. Да еще вездесущее ЦРУ, взявшее на себя координацию действий сторонников переворота, торопит, спешит... Заговор против Мосаддыка возглавил генерал Ф. Захеда.

13 августа 1953 г. шах подписал указ о смещении Мосаддыка с поста главы правительства. Премьер от-

казался подчиниться указу. На следующий день демократическая печать, в том числе органы НПИ, предупредили премьер-министра о возможности переворота, что помогло предотвратить попытку его ареста в ночь на 16 августа. Захлестнувшая Тегеран в последующие два дня волна антимонархических выступлений, руководимых НПИ, снесла даже шахские памятники в столице. Но правительство не нашло ничего лучшего, как обрушиться с репрессиями на участников демократического движения. Бросив в тюрьмы несколько сотен демонстрантов, оно 18 августа освободило арестованных ранее заговорщиков, которые на следующий же день вместе с его бывшими сторонниками приняли активное участие в новом, на этот раз удавшемся перевороте. Для Мосаддыка, как писала французская «Монд» от 18 сентября 1953 г., «было предпочтительнее любое другое решение, кроме победы, добытой крайне левыми элементами... Он предпочел исчезнуть, но не встать под их защиту».

Конец политической карьеры Мосаддыка должным образом увенчал его многолетнюю деятельность. Сообщалось, будто он был захвачен в своем доме, одетый в полосатую шелковую пижаму и плачущий в постели. Но есть и другая версия. «Свидетель рассказывает, что Мосаддык лежал в кровати в те последние часы, когда его дому грозил штурм. Услышав ружейную пальбу и шум приближающихся танков, он накрылся простыней и, хихикая, сказал: „Смотри, что я наделал!“»¹⁵.

В декабре 1953 г. Мосаддык предстал перед военным трибуналом. В свою защиту он заявил, что без устали боролся против врагов Ирана во имя его независимости и создания экономики, базирующейся не только на нефтяных ресурсах, и что лишь козни меджлиса помешали ему подписать нефтяное соглашение с Англией. Проявив «великодушные победителей», власти приговорили Мосаддыка всего к трем годам тюремного заключения по обвинению в нарушении статей конституции, касающихся прав монарха. После освобождения и вплоть до своей смерти в 1967 г. Мосаддык жил в деревне близ Тегерана под надзором полиции. Утверждают, что он неоднократно отпускал саркастические замечания на тему о том, как «иранский народ» бросил его, а в последние дни жизни ему очень нравилась английская по-

словица: «Каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает». Но в действительности имя Мосаддыка в широких кругах «средних слоев» еще при его жизни было окружено ореолом борьбы за независимость и демократию.

Более суровая участь постигла других деятелей Национального фронта. Так, военный трибунал предал смертной казни министра иностранных дел в правительстве Мосаддыка, бывшего журналиста Хосейна Фатеми, который, как считалось, был неизмеримо больше остальных членов кабинета подвержен коммунистическому влиянию, являлся сторонником установления в стране республиканского режима и вдохновлял премьера на выдвижение проекта отречения шаха.

Однако самые многочисленные и жестокие репрессии обрушились на Народную партию Ирана и другие прогрессивные организации, в которых правящие круги видели подлинных вдохновителей и организаторов антиимпериалистического демократического движения иранского народа. И действительно, народное движение развивалось не благодаря, а вопреки правительству Мосаддыка, которое фактически сбilo «сверху» эту третью с начала века революционную «волну» в Иране.

В 1951—1953 гг. представители «средних слоев» Ирана предприняли, в сущности, первую в истории Ирана XX в. самостоятельную попытку установить контроль над правительственным и государственно-административным аппаратом страны. Приход к власти кабинета Мосаддыка, несмотря на мирный и конституционный характер, мог стать отправным пунктом революционного сдвига в сфере политической надстройки. Главным препятствием на пути реализации такой возможности было отношение Мосаддыка к народному движению. Используя его в одних случаях и подавляя — в других, Мосаддык фактически шел не во главе массовых выступлений, а рядом с ними, мешая в решающие моменты их перерастанию в революционную борьбу за власть. Такая манера действий была присуща Мосаддыку даже тогда, когда он апеллировал к массам через всенародный референдум, не предусмотренный конституцией. В результате всего этого стремление Мосаддыка укрепиться у власти объективно имело характер не столько социально-классовой, сколько лично-групповой борьбы, а дея-

тельность по национализации нефтяной промышленности независимо от его субъективных намерений протекала в русле общей и для полуфеодалных землевладельцев, и для шахского двора цели (при различии методов) — обеспечить выход из охватившего страну социально-экономического кризиса путем увеличения финансовых поступлений от ее эксплуатации.

Неудачи и тупики правительства Мосаддыка отразили не только безуспешность попытки политических представителей «средних слоев» утвердиться у власти на волне массового движения, но без активного привлечения его к борьбе за эту власть. Немалое значение имел и реформистский в своей сути характер основных социально-экономических мероприятий нового правительства. Конечно, такой характер проводимых мер в значительной степени соответствовал особенностям объективного общественного бытия и субъективных социальных устремлений средних и некоторых низших слоев иранского общества. Но идея революции, означающая всегда определенное опережение национального общественного бытия, в данном случае была теснейшим образом связана с коренными интересами традиционного сектора, с его отношением к подлинно современным требованиям социального прогресса. Однако Национальный фронт, представленный главным образом служилой частью «средних городских слоев» и объективно выражавший потребности широкого и массового развития капитализма, не вышел за рамки текущих интересов традиционалистски настроенных социально-политических сил. Неудачи и тупики правительства Мосаддыка отразили именно общую несостоятельность поисков самобытных путей развития иранского общества на базе сохранения его полуфеодалных социальных основ в условиях бурных общественных перемен в современном мире.

Глава V

«К великой цивилизации»?

В лабиринтах бонапартистской политики

При всех своих приливах и отливах национально-демократическое движение 40-х — начала 50-х годов не могло пройти бесследно для последующего общественного развития Ирана. После переворота 1953 г. инициативная роль в этом развитии вновь перешла к монархической власти, продолжившей курс на капиталистическую модернизацию страны. Шахский двор и группировавшаяся вокруг него военно-бюрократическая элита не только возобновили, но и расширили осуществление тех социально-экономических и политических мероприятий, которые были прерваны с приходом Мосаддыка к власти.

Однако в первое пятилетие после августовского переворота эти мероприятия проводились с предосторожной осторожностью, призванной, с одной стороны, предотвратить возможность выступлений со стороны правой оппозиции до того, как монархия укрепит в необходимой степени свои позиции, а с другой — подготовить административный аппарат к эффективному претворению в жизнь намеченных нововведений. К тому же усугубившийся в результате экономической политики Мосаддыка финансовый кризис лишил и без того истощенную государственную казну соответствующих средств. В поисках последних правящие круги усилили экономические связи с западными державами, приняв вместе с тем все меры предосторожности и против возможной в связи с этим новой активизации левой оппозиции.

Одной из первостепенных задач нового правительства, возглавленного Захеда, было решение вопроса о

нефти. Приняв в конце 1953 г. выдвинутое Англией в качестве условия возобновления нефтяных переговоров требование восстановления дипломатических отношений, иранское правительство выразило пожелание, чтобы в страну были направлены те дипломаты, которые никогда до этого в ней не были. После состоявшегося в феврале 1954 г. обмена послами между двумя странами в Англию отправилась большая группа иранских бизнесменов, закупивших там сельскохозяйственные машины на сумму в 1 млн. ф. ст. В ноябре того же года английское правительство решило предоставить Ирану кредит в 10 млн. ф. ст. на оплату британских товаров и услуг. Империалистические кредиты и «помощь» направлялись на то, чтобы остановить «распространение коммунизма» в Иране.

К осени 1954 г. было заключено и соглашение о нефти, но не с Англо-иранской нефтяной компанией, а с Международным нефтяным консорциумом (МНК), в котором АИНК получила только 40% акций (и соответствующую компенсацию от других участников). В ходе переговоров иранская сторона старалась предотвратить всякое сходство нового соглашения со старым и особенно сохранить принцип национализации. Но ввиду непринятия МНК предложения Ирана ограничить его деятельность сбытом нефти Иранская национальная нефтяная компания (ИННК) стала лишь формально-юридическим собственником нефтяной промышленности. Не имея в тех условиях возможности самостоятельного выхода на международный рынок, иранское правительство вынуждено было довольствоваться правом контроля деятельности МНК в Иране. Доходы от нефти должны были делиться поровну между правительством и консорциумом.

Одновременно шахский двор встал на путь тесного военно-политического сотрудничества с западными державами. В конце 1955 г. Иран вступил в созданный под эгидой империализма Багдадский пакт (с 1959 г. — СЕНТО). Связанный с этим курс внешней политики был назван главой иранского государства «позитивным национализмом» в противовес «негативному национализму» Мосаддыка, который, по словам шаха, не только вел к самоизоляции, но и открыл путь к «проникновению» в Иран коммунизма. Новая же доктрина, по мне-

нию шаха, «подразумевает политику максимальной политической и экономической независимости» и в то же время «не предполагает политику неприсоединения или выжидания»¹. В 1959 г. Иран заключил двустороннее военное соглашение с США.

Сближение с империалистическим Западом рассматривалось и как средство стабилизации внутривластного положения. После переворота 1953 г. фактически все партии и организации были запрещены, а существовавшие с 1941 г. относительные политические свободы полностью ликвидированы. Страна жила в атмосфере страха, вызванного устрашающими население репрессивными мерами против членов Народной партии, которой пришлось уйти в глубокое подполье. Правящие круги Ирана были преисполнены желанием показать своим западным кредиторам и благотворителям, что вырвут с корнем «коммунистическую опасность». Отмена в 1957 г. в некоторых районах, включая столицу, военного положения сопровождалась созданием организации безопасности и информации — САВАК, в обязанность которой был вменен также контроль над прессой и политическими настроениями. Ее щупальца распространились на всю страну и даже за ее пределы, а нити управления сходились в шахском дворце.

Вместе с тем была поставлена задача приостановить начавшийся со времени отмены рестрикций Реза-шаха об ограничении свободы передвижения процесс перенаселения городов (особенно столицы), представлявший потенциальную опасность режиму. Однако необходимое для этого развитие провинциальных центров и сельских районов требовало хотя бы некоторого расширения прав местного управления. Пойти на такой риск монархия могла лишь при условии упрочения власти центрального правительства на местах, где было сильно засилье крупных помещиков и ханов племен.

Решение всех этих взаимосвязанных проблем толкало шахский двор на возобновление попыток привлечь на сторону монархии массы сельского населения. Сразу же после августовского переворота двор продолжил начатые до прихода Мосаддыка к власти аграрные мероприятия. Продажа крестьянским семьям участков коронных земель производилась с выплатой в рассрочку на 25 лет и со скидкой в 20%. Фотографии шаха, передаю-

щего крестьянам документы на землю, наводнили прессу. В 1955 г. был издан закон, предусматривавший раздел и продажу и государственных земель. В ответ на начавшееся противодействие со стороны крупных помещиков и ханов племен государство начало готовить наступление на их экономические позиции, и в частности провело ряд широко разрекламированных кампаний по борьбе с коррупцией. Несмотря на скромные результаты, предпринятые правительством шаги показали, что вопрос об ограничении помещичьего землевладения рано или поздно все же встанет на повестку дня.

Параллельно принимались меры по укреплению позиций монархии. В частности, в 1955—1956 гг. были предприняты шаги по «омоложению» меджлиса. Министр внутренних дел, близкий друг шаха Амир Асадолла Аалям, под руководством которого провинциальные власти проводили очередные выборы, направлял усилия на замену консервативно настроенных помещиков-депутатов их сыновьями. Весной 1956 г. по рекомендациям Сеид Зия эд-Дина был принят закон о создании деревенских, районных и провинциальных советов, а также Института социальной реформы и развития деревни. Эти меры имели целью несколько расширить права местного управления при одновременном укреплении позиций центра на местах в ущерб влиянию крупных землевладельцев. Целям усиления шахской власти служила и проводимая во второй половине 50-х годов политика «распыления сил и влияния», благодаря которой кабинет министров и такие, например, созданные вне его контроля крупные административно-экономические учреждения, как Плановая организация и ИННК, были противопоставлены друг другу. В 1957 г. шах добился для себя права отлагательного «вето», согласно которому мог возвращать на повторное рассмотрение парламентские законопроекты, в том числе по финансовым вопросам.

Новую фазу в укреплении положения монархии открыло вступление на пост премьера в апреле 1957 г. Манучехра Эббала, бывшего ректора Тегеранского университета, а затем министра двора, располагавшего большим числом сторонников среди консервативных слоев общества и в то же время умевшего противостоять меджлису. Он был первым в послевоенном Иране премь-

ером, который открыто заявил в меджлисе, что является «слугой шаха», призванным проводить в жизнь заданную ему политику. В утешение шокированным этим заявлением депутатам было объявлено о продлении срока полномочий меджлиса с двух до четырех лет и увеличении числа его членов. Но при введенном правительственным контроле над выборами эта демократическая мера фактически усиливала власть шахского двора.

В то же время с целью канализировать оппозицию в парламентское русло двор ввел «сверху» двухпартийную систему. В 1957 г. была создана партия лояльной «правительственной оппозиции» «Мардом» («Народ») во главе с упоминавшимся другом шаха Аалямом, а в 1958 г. — партия правительственного большинства «Меллиюн» («Националисты») во главе с самим премьером. Соответствующие фракции образовались и в меджлисе, помещичье большинство которого было поставлено тем самым перед перспективой ограничения крупного землевладения, поскольку соответствующий пункт в программе «оппозиционной» партии фигурировал даже в более ясной формулировке, чем в программе правительственной партии. Вместе с тем выдвигалось и требование участия рабочих в прибылях предприятий.

Попытки правящих кругов удовлетворить некоторые наиболее насущные экономические интересы пролетариата нашли отражение и в изданном в 1955 г. законе о социальном страховании рабочих, повторявшем многие положения закона, принятого правительством Мосаддыка в начале 1953 г., но фактически не претворенного в жизнь. Опубликованный в 1959 г. закон о труде предусматривал введение 8-часового рабочего дня, еженедельного выходного и ежегодного отпуска, уравнивание заработной платы мужчин и женщин и т. д. В то же время рабочие были лишены права на забастовку, а их политическая деятельность беспощадно пресекалась.

Проводились также меры по восстановлению престижа монархии среди «средних городских слоев», особенно их служилой части. Многим представителям последней была обеспечена занятость в Плановой организации и ИННК, лишившихся в 1959 г. своего автономного положения, а также в многочисленных организациях, созданных в связи с осуществлением второго семилетнего плана (1955—1962).

Выполнение предусмотренных этим планом крупных экономических проектов с финансовой и технической помощью западных держав, в первую очередь США, составляло пока еще основное звено усилий иранского государства по преодолению социально-экономической отсталости и реконструкции хозяйства и общественного строя. Однако хотя соответствующие усилия и привели к экономическому оживлению, позволившему увеличить темпы роста экономики до 5—6%, тем не менее не смогли обеспечить решение стоявших перед страной острых проблем, определявшихся сохранением отсталых, полуфеодалальных отношений в деревне, преобладанием торгово-ростовщической эксплуатации, неразвитостью национального промышленного капитала и экспансией империалистических держав в стране.

Взяв на себя развитие тяжелой промышленности, государство с помощью кредитов и различных льгот смогло привлечь в другие отрасли определенную часть частного капитала. Но в условиях крайней узости внутреннего рынка, определявшейся господствующими в деревне архаичными производственными отношениями, и торговой экспансии иностранных монополий, поощрение которой обуславливалось общим курсом экономической политики правительства, эти усилия не дали необходимых результатов. Банкротства национальных предприятий следовали одно за другим. Тысячи рабочих оставались без работы. Горечь разорения испытывала и торгово-предпринимательская часть «средних слоев».

Значительная часть крупных коммерсантов и бизнесменов по-прежнему предпочитала вкладывать свои капиталы в строительство жилых домов, отелей, офисов, в импорт предметов роскоши и товаров, ввоз которых подрывал национальное производство. Бывшие в опале при Мосаддыке, а теперь вернувшиеся из заключения, ссылки и эмиграции, они тормозили осуществление планов развития. Протаскивая нужных себе людей на ключевые посты в правительственных ведомствах и центральном государственном аппарате, эти коммерсанты и бизнесмены добивались через них выгодных контрактов на торговые операции и подрядов на строительные работы. Многие крупные иранские дельцы хранили немалые гудмы в банках США и других западных стран.

Не оправдала себя и финансовая «помощь» Запада,

Львиная ее часть расходовалась на военно-полицейские цели, предусмотренные стратегическими планами СЕНТО. Выкачиваемые же из страны иностранными монополиями прибыли значительно превышали всю сумму иностранной «помощи». Это, а также непомерный рост кредитов частному сектору в торговле и промышленности и непрекращающаяся коррупция способствовали назреванию кризиса, что особенно проявилось в финансовой системе Ирана. Рост доходов трудящихся не поспевал за возрастанием стоимости жизни. В наиболее тяжелом положении оказалось трудящееся население сельской местности, где процветали нищета и безграмотность, отсутствовало элементарное медицинское обслуживание.

К решению социальных проблем была привлечена созданная в 1957 г. в целях укрепления престижа монархии «благотворительная» организация Фонд Пехлеви. Сосредоточенные в нем средства от продажи коронных земель и отчисления от доходов принадлежащих шаху предприятий частично направлялись на цели просвещения и здравоохранения, но, естественно, они могли покрыть лишь самую малую часть огромных потребностей страны. В этих условиях шахский двор все больше склонялся к мысли о необходимости подкрепления экономических проектов общественными преобразованиями, проведение которых, однако, мыслилось лишь на путях дальнейшего усиления законодательной инициативы монарха и его вмешательства в функции исполнительной власти.

Правительство стало предпринимать более активные шаги по борьбе с коррупцией. Специально созданная шахская инспекция выявила причастность целого ряда высокопоставленных лиц к аферам с подрядными работами и торговлей земельными участками под городское строительство. В 1958 г. был принят закон, запрещающий государственным служащим, депутатам парламента (даже юристам по профессии) и членам правительства участвовать в сделках по государственным контрактам. В марте 1959 г. вступил в действие закон о периодической переписи доходов и имущества всех государственных служащих и военных. На основании этих законов подвергли тюремному заключению целый ряд высокопоставленных лиц, в том числе начальника генерального

штаба. С сентября 1958 г. в целях укрепления престижа монархии стали проводиться пресс-конференции шаха.

Но главной оставалась аграрная проблема. В октябре 1958 г. правительство опубликовало новый циркуляр о незаконности взимания помещиками натуральных податей с крестьян, но и он саботировался землевладельцами. Не оправдали себя и расчеты на то, что распределение коронных и государственных земель послужит примером для помещиков: передать свои земли крестьянам согласилось лишь незначительное число членов партий «Мардом» и «Меллион». Тогда в декабре 1959 г. правительство выдвинуло законопроект, устанавливавший максимум землевладения в 300 га орошаемой и 600 га богарной земли. Имена, обрабатывавшиеся с применением машин и наемных рабочих, отчуждению не подлежали. Предусматривалась рассрочка в 15 лет для выплаты государством помещикам суммы выкупных платежей, которую оно предполагало получить с новых собственников.

В своем противодействии новой инициативе правительства крупные землевладельцы использовали авторитет главы иранского мусульманского духовенства Хосейна Боруджерди, объявившего этот законопроект противоречащим религии и конституции. После долгих трений помещичье большинство меджлиса утвердило его в значительно измененном в пользу землевладельцев виде: предел землевладения был увеличен до 400 га орошаемой и 800 га богарной земли, а срок выплаты платежей сокращен до 10 лет. 25 мая 1960 г. шах вынужден был утвердить новый закон.

Однако в последующие два года именно в связи с аграрным законодательством в Иране произошли события, положившие начало коренной ломке полуфеодального землевладения и открывшие новый этап в историческом развитии страны.

В этой связи возникает закономерный вопрос: какова природа тех социальных сдвигов в иранской политической надстройке, которая предопределила возможность выступления верховного звена государственной власти, являвшегося до сих пор гарантом сохранения полуфеодальных отношений, с инициативой ликвидации «сверху» этих отношений и окончательного перевода страны на рельсы капиталистического развития. Ответ

на поставленный вопрос тесно связан с уяснением классового содержания переворота 1953 г., предшествовавшего упомянутым выше сдвигам. Для этого необходимо обратиться хотя бы коротко к соответствующим аспектам истории стран классического развития капитализма, показавшей такую характерную промежуточную ступень превращения феодальной монархии в буржуазную, как бонапартизм.

Впервые бонапартизм возник во Франции после государственного переворота 1799 г. и вторично — после переворота 1851 г. Его появлению способствовала преэминентность в развитии аппарата эксплуататорской государственной машины, позволившая сохранить и даже расширить условия проведения политики, подобной абсолютистской, и при качественно иной в классовом отношении расстановке социально-политических сил. В соседней Германии к моменту революции 1848 г. создалось положение, при котором, как отмечал Ф. Энгельс, «наряду с основным условием старой абсолютной монархии — равновесием между земельным дворянством и буржуазией — мы находим здесь основное условие современного бонапартизма: равновесие между буржуазией и пролетариатом»². Но в последующем, «с того момента, когда речь пошла уже не о защите дворянства от натиска буржуазии, а об охране всех имущих классов от натиска рабочего класса, старая абсолютная монархия должна была полностью превратиться в специально для этой цели выработанную государственную форму: *в бонапартистскую монархию*»³. Это превращение произошло после совершенного Бисмарком государственного переворота 1866 г.

Имея в виду социально-экономические и политические мероприятия, обеспечившие временные успехи бонапартизма в Германии и Франции, В. И. Ленин писал: «Классические примеры Бисмарка в 60-х годах прошлого века или Наполеона III свидетельствуют, что без самых крутых переломов (в Пруссии это была „революция сверху“ и несколько исключительно удачных войн) дело обойтись не может»⁴. Отсюда вытекает то важное положение, что непременным условием успеха бонапартистской политики являются «самые крутые переломы» в общественном развитии, происходящие в результате осуществляемых «сверху» преобразований.

Об этом же свидетельствует ленинский анализ положения в России, основанный на сопоставлении ее исторического развития с опытом Германии.

Государственный переворот 3 июня 1907 г., после которого российский царизм стал еще более явно, чем до этого, превращаться в «полубуржуазное», «феодално-буржуазное» самодержавие, как указывал В. И. Ленин, означал «развитие абсолютной монархии по пути бонапартизма»⁵. Суть этого развития, весьма сходного с начальным этапом становления германского бонапартизма, В. И. Ленин характеризовал следующим образом: «Третьеиюньская система специально рассчитана на использование, в очень широких пределах, антагонизма либеральной буржуазии и помещичьей реакционности при гораздо более глубоком *общем* их антагонизме со всей демократией и с рабочим классом в особенности»⁶. Однако неспособность царизма обеспечить «самый крутой перелом» в общественном развитии, реализовать возможность «революции сверху» предопределила в отличие от Германии быстрый крах абсолютистско-самодержавного режима вместе с его попытками использовать приемы бонапартистской политики.

Иранская монархия в ходе послевоенного национально-демократического движения стала лишаться той поддержки части средних и низших прослоек общества, используя которую абсолютистский режим Реза-шаха обеспечивал себе относительную свободу действий по отношению к своей основной социальной опоре — полуфеодалным помещикам и крупным торговцам. Происшедшее в результате этого резкое ослабление абсолютизма поставило под угрозу основы монархического строя. Положение усугублялось усилившейся с начала 50-х годов борьбой полуфеодалных помещиков и ханов племен против попыток восстановления абсолютистского режима. Используя в ходе переворота 1953 г. двойственность и непоследовательность «средних городских слоев», оказавшихся у руководства национально-демократическим движением, шахский двор, опираясь на преданную ему военную и бюрократическую элиту, а также финансовую и другую материальную помощь Запада, в последующий период направлял свою политику на создание блока полуфеодалных помещиков и крупных торговцев с верхами других социальных слоев. Впоследствии

шах признавал, что во второй половине 50-х годов стремился назначать премьерами таких деятелей, которые были бы приемлемы для «старой олигархии» и в то же время могли обеспечить поддержку «среднего класса»⁷. Особая роль в этом плане отводилась Эгбалу. Созданная при нем двухпартийная система должна была помимо прочего канализировать промосаддыковские настроения «средних городских слоев», а аграрные мероприятия — создать монархии опору в лице зажиточного крестьянства.

Таким образом, государственный переворот 1953 г. был направлен на восстановление абсолютистского режима и переход к бонапартистским методам правления. Однако предпринятые после переворота экономические и политические нововведения не дали необходимых результатов. Двухпартийная система также не оправдала всех возлагавшихся на нее надежд: не имея корней в общественно-политической жизни, она не смогла обеспечить режиму поддержку «средних слоев». К началу 60-х годов со всей очевидностью выявилось, что без «самого крутого перелома» в социально-экономической структуре невозможно решить стоящие перед страной проблемы, и в частности обеспечить экономическую и политическую стабильность.

История поставила иранскую монархию, так же как в свое время и российское самодержавие, перед дилеммой: либо уйти с политической арены, либо сделать новый и еще более серьезный шаг в сторону превращения в буржуазную монархию.

«Белая революция»

Переход иранской монархии к осуществлению аграрных и других общественных преобразований происходил на фоне возрождения национально-демократического движения широких народных масс. Выступления рабочих, крестьян, «средних городских слоев» в начале 60-х годов, с одной стороны, отражали обострение социально-экономического кризиса, усилившее стремление шахского двора к проведению реформ, а с другой — были проявлением общественной реакции на борьбу монархии с полуфеодальными помещиками, разгорев-

шуюся вокруг вопроса о проведении аграрных мероприятий. Эти выступления способствовали углублению намеченных преобразований и переходу государственной власти к активному подавлению правой оппозиции.

Начальным звеном развернувшихся политических событий были выборы в меджлис XX созыва, состоявшиеся в августе 1960 г. на партийной основе. Беспрецедентная даже в истории Ирана фальсификация результатов голосования правительством вызвала резкую критику в адрес партии «Меллион» со стороны партии «Мардом», потребовавшей пересмотра итогов выборов. Массовые протесты населения, возглавленные неправительственными партийными группировками, в том числе возродившимся Национальным фронтом, и сопровождавшиеся столкновениями с полицией, заставили шаха в сентябре 1960 г. аннулировать результаты голосования и распустить меджлис.

Проведенная в январе — феврале 1961 г. повторная избирательная кампания протекала в условиях бойкота выборов значительной частью городского населения, откликнувшегося на призыв НФ. В итоге большинство мест в меджлисе опять-таки получили полуфеодалские помещики — противники реформ. Вместе с тем активизировались забастовочное движение рабочих, демонстрации студентов и учителей, выдвигавших наряду с экономическими требованиями демократических свобод. Пресекая народные выступления, шахский двор в то же время в мае 1961 г. распустил и вновь избранный меджлис, не объявив при этом дату созыва нового. Государство, таким образом, получило возможность нейтрализовать сопротивление преобразованиям со стороны помещиков и ханов племен и одновременно лишить демократические круги одного из каналов воздействия на характер разрабатываемых мероприятий.

Распустив вторично меджлис, шах объявил главной задачей внутренней политики проведение аграрных реформ и антикоррупционных мероприятий. Выполнение этой задачи было возложено на «независимое» правительство Али Амини, имевшего в свое время друзей в НФ. Премьер включил в свой кабинет ряд интеллигентов — выходцев из «средних слоев», в том числе в качестве министра сельского хозяйства — ревностного сторонника аграрной реформы Хасана Арсанджани. Позже

шах говорил, что в отличие от правительства Эгбалья, бывшего последним зависимым от земельной олигархии кабинетом, правительство Амини ознаменовало начало отхода монархии от опоры на землевладельцев.

Новое правительство произвело аресты среди целого ряда высокопоставленных военных и гражданских лиц, обвиненных в коррупции, а в январе 1962 г. представило шаху новый аграрный закон, ограничивавший имения помещиков землями одной деревни. Спустя несколько дней закон был одобрен шахом и, таким образом, без утверждения меджлиса вступил в силу. В марте началось активное претворение его в жизнь, сопровождавшееся острыми политическими коллизиями.

Крупные полуфеодалы помещики и ханы племен, оказав открытое сопротивление аграрной реформе, обвиняли правительство в антиконституционных действиях, лишаящих, по их словам, закон о реформе юридической силы. С заявлениями о несоответствии реформы предписаниям ислама выступили многие религиозные лидеры, в частности главный претендент на пост главы шиитов (после смерти Боруджерди) Рухолла Мусави Хомейни. Эти выступления, как уже не раз бывало в иранской истории, объективно сомкнулись с широким движением интеллигенции, студенчества, служащих, торговцев, ремесленников и рабочих, возглавленных Национальным фронтом, который высказывался против осуществления преобразований в условиях беспарламентского режима. Объединение правой и левой оппозиции на этот раз произошло на почве неприятия антиконституционной формы осуществления буржуазных нововведений, что нашло выражение в требовании немедленного проведения выборов в меджлис, которое рассматривалось как средство предотвращения дальнейшей концентрации власти в руках монарха. Вместе с тем демократическое движение выдвигало требования возврата к политике нейтралитета, отказа от односторонней ориентации на Запад и улучшения отношений с Советским Союзом. С аналогичными лозунгами выступили и некоторые представители правящих кругов, в том числе Сеид Зия эд-Дин.

Выдвижение этих требований совпало по времени с разработкой администрацией президента США Джона Кеннеди новой социальной стратегии империализма, на-

правленной на «перехват» национально-освободительных революций путем проведения в странах Востока аграрных реформ и некоторой либерализации их общественного строя. Правящим кругам Ирана было объявлено о прекращении безвозмездной финансовой «помощи». Одновременно давались советы ускорить либерализацию режима, в частности созвать меджлис на основе свободных выборов. По некоторым западным сообщениям, США предпринимали даже попытки установить контакты с иранской оппозицией, в частности с НФ. Проводником американского влияния на правящие круги выступал премьер, бывший до своего назначения послом Ирана в США.

В этих условиях глава иранского государства провозгласил курс «независимого национализма», предусматривавший при сохранении классового и военно-политического союза с Западом проведение политики экономического сотрудничества и со странами социалистического содружества. В ноте от 15 сентября 1962 г. иранское правительство заверило правительство СССР в том, что не разрешит размещение иностранных ракетных баз всех видов на территории Ирана. Вслед за этим последовало заключение целого ряда соглашений с СССР и другими социалистическими странами, позволивших Ирану расширить строительство тяжелой индустрии и создавших возможность ослабить экономическую зависимость страны от империализма. Однако эта возможность блокировалась сохраняющимися тесными связями с Западом, с которым, по словам шаха, Иран по-прежнему объединяла «общая философия, касающаяся уважения личности и других основ того, что мы называем открытым обществом западной цивилизации»⁸. США, со своей стороны, стали с этих пор делать основную ставку в Иране на укрепление монархической власти.

Улучшение отношений Ирана с СССР произошло уже после отставки Амини, когда шах решил стать «собственным премьер-министром». Осуществление всей внутренней и внешней политики Ирана полностью сосредоточилось в руках монарха, стремившегося выступать в качестве единственного инициатора и главного проводника всех реформ. С этим была связана и отставка в 1963 г. Х. Арсанджани с поста министра сельского хозяйства и удаление его из страны путем назначения пос-

лом в Риме (умер в 1969 г.). Проповедуемая Х. Арсанджани националистическая программа так называемого демократического социализма (в условиях конституционной монархии) не могла импонировать шаху, претендовавшему на роль не только лидера «крестьянского движения», но и идеолога тех преобразований, которые были названы «белой революцией», а затем «революцией шаха и народа».

Но еще до отставки Х. Арсанджани, в конце 1962 г., государство предприняло новые шаги по углублению преобразований в деревне и проведению других мероприятий, направленных против крупных полуфеодалальных землевладельцев. В частности, было принято решение не назначать на высшие должностные посты в провинциальном аппарате тех помещиков, имения которых подпадали под действие закона об аграрной реформе. Разработанные же в январе 1963 г. дополнения к этому закону предусматривали новое сокращение помещичьих имений (до 30—150 га) и удлинение срока погашения платежей помещикам с 10 до 15 лет. Таким образом, был взят курс на окончательную ликвидацию крупного полуфеодалного землевладения.

В это же время были разработаны и такие пункты «программы шаха», как национализация лесов и пастбищ, продажа акций государственных предприятий в целях финансирования аграрной реформы, участие рабочих в прибылях предприятий, создание Корпуса просвещения для борьбы с неграмотностью, изменение избирательного закона с предоставлением политических прав женщинам. Впоследствии к ним были добавлены пункты о создании корпусов здравоохранения и благоустройства, проведении судебной и административных реформ, национализации водных источников, реконструкции города и деревни и др.

26 января 1963 г. «программа шаха» была вынесена в обход меджлиса (а тем самым и конституции) на всенародный референдум. Несмотря на агитацию оппозиции, не сумевшей выдвинуть конструктивную альтернативу социально-экономических преобразований, 99,93% участвовавших в голосовании высказалось за эту программу. Результаты референдума были использованы для популяризации шаха как лидера нации. Реальное же значение проведенного мероприятия состояло в том,

что оно нанесло окончательный удар и по политическим позициям крупных помещиков, лишившихся отныне контроля над массами сельского населения. Накануне и после референдума правительство беспощадно подавляло вооруженные выступления землевладельцев против проведения реформ, не останавливаясь перед применением смертной казни к вождям племен, которые теперь были окончательно разоружены. В дальнейшем правительство углубило преобразования, еще больше снизив максимальный размер помещичьего участка.

Духовенство, недовольное не только проведением аграрной реформы, но и предоставлением избирательных прав женщинам, организовало весной и летом 1963 г. крупные антиправительственные выступления, которые, однако, не получили поддержки крестьянства. Власти жестоко расправились с этими выступлениями, а многочисленные аресты среди высшего духовенства значительно ослабили его позиции в борьбе за влияние на широкие массы. Впоследствии правительство провело ряд мер по усилению своего влияния среди трудящихся. Целям создания союза с крестьянством служили, в частности, работавшие в деревне корпуса просвещения, здравоохранения и благоустройства, составленные из подлежащих военному призыву выпускников учебных заведений. Таким образом, армия выступала в роли учителя и наставника сельского населения.

В отношении левой оппозиции применялась политика «кнута и пряника». Накануне референдума было арестовано большинство руководителей Национального фронта. Ограниченность требований НФ, не выходящих в целом за рамки демократизации политической системы и опиравшихся на «законные», конституционные средства и методы борьбы (мы не революционеры, а сторонники реформы, говорили не раз его лидеры), не способствовала расширению социальной базы этой организации. В противовес возглавляемым ею демонстрациям правительство организовывало перед референдумом контрдемонстрации сторонников преобразований, в которые вовлекало крестьян, а также часть ремесленников и рабочих. Различными путями ему удалось подорвать престиж оппозиции, пытавшейся использовать против правительства также опасения зажиточной части «средних городских слоев», боявшихся возможности рас-

пространения преобразований на их собственность. Слухи об этом в те дни упорно циркулировали в Тегеране и других городах.

Особое внимание уделялось привлечению на сторону монархии служилой части «средних городских слоев», составлявших основную социальную базу НФ. Возросшее значение этого вопроса определялось резким ростом в стране средней бюрократической и так называемой технократической прослойки. По числу студентов в 50—60-х годах Иран обогнал такие значительно превосходящие его по численности населения страны, как Турция и Египет. По расчетам некоторых западных авторов, в 1956 г. каждый семнадцатый, а в 1966 г. каждый двенадцатый иранец из числа самодеятельного населения принадлежал к так называемой профессионально-бюрократической интеллигенции, в которую они включают лиц «свободных профессий», технических специалистов, служащих административно-управленческого аппарата и торговой сети и т. п. С 1956 по 1966 г. численность этой категории работников выросла более чем на 60%, а государственных служащих с высшим образованием, особенно техническим, — более чем в 4 раза⁹. Если еще даже в период Мосаддыка в составе интеллигенции преобладали выходцы из высших слоев населения, то теперь уже — из средних.

Основным каналом привлечения интеллигенции из «средних слоев» на государственную службу, а также в меджлис стала созданная в конце 1963 г. проправительственная партия «Иране новин» («Новый Иран»), призванная заполнить «политический вакуум», образовавшийся с провалом двухпартийной системы. Хотя высшие государственные и правительственные посты по-прежнему занимали в основном представители старой бюрократической элиты, средние и низшие «эшелоны» власти были заполнены разночинной интеллигенцией, в том числе бывшими приверженцами НФ, вставшими на сторону монархии. В частности, при министерстве двора для выработки программы реформ было организовано Бюро экономических и социальных исследований. В это бюро, так же как и в другие органы огромного чиновничьего аппарата, созданного в целях осуществления преобразований в центре и на местах, вошли многие бывшие члены Национального фронта, вынужденного в

сложившихся условиях перенести центр своей деятельности за границу.

Показателен состав меджлиса XXI созыва, выборы в который в сентябре 1963 г. проводились (после вооруженного подавления оппозиции) на основе нового избирательного закона (вместо сословий избирателей «аристократия» и «помещики» были указаны «крестьяне» и «рабочие»). В новом меджлисе почти 60% мест пришлось на долю государственных служащих и около 14% — на долю лиц «свободных профессий», выражавших интересы капиталистического развития страны под эгидой монархии. Землевладельцы получили всего 12% по сравнению с 55% в предыдущем парламенте. Но и они не столько по персонификации, сколько по своему характеру были уже другими помещиками, т. е. занявшими принципиально иные социально-политические позиции. Меджлис одобрил все мероприятия государства, проведенные в условиях беспарламентского режима.

С этих пор государство начало постепенно ослаблять темпы преобразований, проводя стабилизирующие меры, направленные на то, чтобы исключить возможность усиления позиций одних слоев за счет других. В частности, были несколько улучшены значительно ослабленные ранее позиции землевладельцев, с тем чтобы сдерживать растущий напор крестьян и предотвратить таким образом всякую возможность крестьянского переворота. Вместе с тем сельское население использовалось в качестве противовеса «средним городским слоям». Так, накануне референдума 1963 г. был устроен марш 15 тыс. крестьян в столицу в поддержку аграрных преобразований и создан многотысячный Конгресс иранских кооперативов, поддержавший все мероприятия «белой революции». Официальная пропаганда изображала рабочих и крестьян как основу и руководящую силу общественного развития.

Основная направленность событий начала 60-х годов, равно как и характер последовавших за ними преобразований, позволяет рассматривать эти события как современную модификацию бонапартистского переворота. В отличие от переворота 1953 г. он был осуществлен на неконституционной основе, позволившей государству провести свою программу реформ в условиях беспарламентского режима. Но проведение не предусмотренного

конституцией референдума явилось лишь характерным для всех вариантов бонапартизма средством придания политической власти характера плебисцитарного режима. В то же время он существенно отличался от бонапартистского переворота в Германии, где юнкерская бюрократия, с помощью которой в 60—70-х годах XIX в. была совершена «революция сверху», затем еще в течение нескольких десятилетий (вплоть до Ноябрьской революции 1918 г.) удерживала господствующие позиции. В Иране же на самом начальном этапе «белой революции» осуществилось «сверху» определенное социальное обновление надстроечных институтов: помещицья бюрократия была заменена новой правящей группой, рекрутируемой не только из старой бюрократическо-абсолютистской элиты, но и из новых, ранее оппозиционных к монархии «средних слоев». Такого рода сдвиг не мог быть совершен на конституционной основе, подпиравшей реакционные устремления полуфеодалных землевладельцев.

В то же время указанный сдвиг позволил парализовать возможность революционного взрыва. Реализации этой возможности препятствовали также неорганизованность и неподготовленность к эффективным действиям демократических организаций. Что касается Народной партии Ирана, то она после обрушившихся на нее еще раньше тяжелых репрессий вынуждена была вести борьбу преимущественно из-за рубежа. Но показательно, что аграрные реформы не вышли за рамки зафиксированного в программе НПИ, принятой еще I съездом партии в 1944 г., требования о выкупе правительством имений крупных помещиков и продаже их в рассрочку крестьянам. (Программа, принятая II съездом партии в 1948 г., требовала безвозмездной передачи крестьянам выкупленных земель.)

Бонапартистская суть событий начала 60-х годов в Иране подтверждается также проводимой иранской монархией политикой балансирования и лавирования между всеми слоями общества. В. И. Ленин указывал: «Не определенные классы служат опорой в этом случае, или не они только, не они главным образом, а искусственно подобранные, преимущественно из разных зависимых слоев набранные элементы»¹⁰. Историческую функцию классических вариантов бонапартизма в конечном сче-

те составляло обеспечение «буржуазного порядка», хотя для сохранения социальной власти буржуазии, как указывал К. Маркс, он должен был сломить ее политическую власть. Защищая коренные интересы класса буржуазии и в то же время принимая, по словам Ф. Энгельса, позу выразителя воли рабочего класса, бонапартизм поощрял экономические организации пролетариата и одновременно вел бешеную борьбу с его политическими организациями. В отличие от буржуазной монархии, означающей, как подчеркивал В. И. Ленин, «более или менее явные, открытые, прочные, прямые формы» буржуазного господства, суть бонапартистского режима состоит в том, что он отражает «различные опосредствованные, неустойчивые формы такого господства»¹¹. Выступая против изображения подобного режима «чем-то вроде надклассового и надпартийного», В. И. Ленин отмечал, что «на деле именно это бонапартистское правительство является правительством контрреволюционной буржуазии», вырастающим «в обстановке демократических преобразований и демократической революции»¹².

Выявление специфических черт бонапартизма, возникающего в условиях «третичного» капиталистического развития, требует всестороннего учета всех особенностей этого развития, деформированного процессом колониального вторжения иностранного капитала. Важное методологическое значение в данном случае имеет Марксова характеристика западноевропейского абсолютизма, возникшего в обстановке временного равновесия сил приходящего в упадок дворянства и формирующейся буржуазии: «Элементы, на которых покоится абсолютная монархия, ни в коем случае не являются ее продуктом; наоборот, они образуют, скорее, ее предпосылку»¹³. Это указание вполне применимо и к классическому «образцу» бонапартизма, уравновешивавшего друг против друга буржуазию, все более превращавшуюся в контрреволюционную силу, и пролетариат, становившийся самым революционным классом общества. Несколько иначе обстоит дело в условиях зависимого развития, при которых пролетариат возникает раньше буржуазии, а процесс формирования последней деформируется застойным характером предшествующих ей социальных категорий и связью экономически наиболее сильных из них хотя и с переходным к капитализму, но консервативным

типом производственных отношений. Абсолютистская же надстройка, выражая коренные интересы полуфеодальных помещиков и крупных торговцев, вынуждена встать на путь их окончательной и насильственной трансформации в капиталистических предпринимателей. Таким образом, в этих условиях буржуазия является не столько социальной основой, сколько продуктом социальной политики возникающего бонапартизма, призванного уравнивать друг против друга, с одной стороны, растущий пролетариат, еще практически не дифференцировавшееся крестьянство и разнородные «средние городские слои», с другой — те социальные общности полуфеодального типа, которые рассматривались режимом в качестве основных потенциальных носителей буржуазных отношений.

Государство приобрело решающую роль в формировании социальной структуры буржуазного общества в Иране благодаря внутренней эволюции политического аппарата торгового капитала, обуржуазившегося в ходе объективного социально-экономического развития. Будучи непосредственным участником базисных отношений, сконцентрированных в значительно разросшемся и вырвавшимся на современный уровень госкапиталистическом укладе, государство выступало более последовательным выразителем интересов капиталистического развития, нежели складывающаяся крупная торгово-денежная буржуазия, тесно связанная с отсталыми формами эксплуатации и производства. Опираясь на технократическую бюрократию, государство активно содействовало формированию национального финансово-промышленного капитала.

В кругах иранских марксистов с полным основанием отмечалось, что «„революцию сверху“, будь то в Иране или в какой-либо другой развивающейся стране, никоим образом нельзя сравнивать с реформами, проведенными прусскими методами в XIX в., по той простой причине, что она осуществляется на империалистической стадии развития мирового капитализма»¹⁴. И действительно, обусловленная новой всемирно-исторической эпохой невозможность повторения прусских методов проявилась не только в отмеченном выше некотором социальном обновлении надстроечных институтов, но и в путях решения аграрного вопроса в Иране,

В. И. Ленин указывал, что капиталистическое развитие сельского хозяйства может быть осуществлено «и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих латифундий, т. е. путем реформы и путем революции»¹⁵. В качестве примера первого случая он приводил Германию, второго — США. В Иране же ликвидация полуфеодалного землевладения, перераспределение изъятых излишков среди безземельных и малоземельных крестьян означали такой тип аграрной эволюции, который не укладывается в рамки традиционно понимаемой реформистской политики, но и не порывает полностью с ней, поскольку крестьяне наделяются землей за выкуп и отстраняются от участия в проведении реформ. Что касается крупных имений, то они сохранялись при условии применения в них механизации и использования наемной рабочей силы. Таким образом, в отличие от Германии, где государство в аграрных преобразованиях, как правило, не выходило из фарватера естественных процессов капиталистической трансформации помещичьего хозяйства, в Иране активное воздействие государства было направлено на его ускоренное превращение в механизированное хозяйство капиталистического типа.

Судьба бывших полуфеодалных помещиков во многом объясняет отмеченные особенности в соотношении реформы и революции. Условия получения ими выкупа за землю (ценными бумагами государственных и полугосударственных предприятий) создали принудительный перелив их накоплений в промышленность. Такими методами административного воздействия государство не только ускоряло эволюцию полуфеодалных помещиков в капиталистических предпринимателей, но и обеспечивало этой эволюции относительно безболезненный характер. Реализация подобного типа развития оказалась возможной потому, что в условиях основного противоречия современной эпохи — между социализмом и капитализмом — противоречие между капитализмом и феодализмом все более отходит на второй план, утрачивая в значительной мере революционизирующий характер. В. И. Ленин в 1917 г. писал о России: «Классовое родство капиталиста с живущим в обстановке XX века помещиком заставляло их обниматься вокруг „обожаемого“ монарха»¹⁶.

Влияние социальной стратегии империализма, пытающегося подкрепить свои позиции в противоборстве с социализмом, и примеры победоносных национально-демократических революций побуждают правящие круги развивающихся по капиталистическому пути стран Востока активно «обучаться» на историческом и современном опыте. Глава иранского государства отмечал, прямо ссылаясь на опыт других стран, что ставил задачу осуществить «столь широкие и коренные реформы», которые в отличие от «постепенных реформ» способствовали бы «революционному изменению жизни», позволив избежать в то же время «революционного принуждения»¹⁷. Последний тезис, заимствованный из арсенала антикоммунизма, должен был подчеркнуть будто бы бескровный характер «белой революции» в противовес якобы кровавой «красной революции».

Проводимые в Иране преобразования были направлены на такое решение антифеодальных задач, которое предотвратило бы реализацию имеющихся в эпоху всемирно-исторического перехода к социализму альтернативных капитализму возможностей решения назревших задач общественной эволюции. Социально-политическое развитие страны происходило в рамках буржуазных целей; правда, правящая группа активно заимствовала опыт социальной политики современного буржуазного и правосоциалистического реформизма в развитых странах, благодаря которому молодому национальному капитализму прививались так называемые неокapиталистические черты (участие рабочих в прибылях, продажа им части акций промышленных предприятий и т. п.).

Критерии оценки такого пути общественных преобразований могут быть выведены не столько из способов решения задач непосредственной стадии развития данной страны, сколько из сопричастности к решению противоречий современной эпохи. Именно такой методологический подход вытекает из всей совокупности ленинского анализа тех изменений в содержании преобразований, которые определяют собой каждое данное соотношение реформы и революции. В. И. Ленин предвидел, что открытая Октябрьской революцией мировая эпоха социальной революции пролетариата внесет новые черты в соотношение реформы и революции. «После победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто

новое в отношении реформ к революции. Принципиально дело остается тем же, но по форме является измененным», — писал В. И. Ленин, отмечая вместе с тем, что реформы остаются «в международном масштабе тем же самым „побочным продуктом“»¹⁸.

Эти ленинские мысли отражают важную закономерность мирового революционного процесса. Переход мировой социальной революции на качественно высшую ступень, с одной стороны, и активное «обучение» правящих групп отстающих в своем развитии стран — с другой, создают новые по форме возможности сохранения и развития предшествующих всемирных достижений буржуазно-демократической революции. В результате реализации этих возможностей проводимые «сверху» преобразования по своему содержанию оказываются идентичными достижениям, которые в эпоху буржуазной социальной революции можно было завоевать лишь путем революционного действия «снизу». Но в общих рамках современной эпохи подобные преобразования остаются «побочным продуктом» революционной борьбы в интернациональном масштабе.

Особенности различных видов «революции сверху» определяются в конечном счете степенями общественно-го и технико-экономического прогресса. По мере движения социальной революции с Запада на Восток возрастают как возможности, так и трудности приобщения каждой последующей страны к достижениям мировой цивилизации: возможности — ассимилировать опыт и плоды развития ушедших вперед народов; трудности — ликвидировать увеличившийся разрыв в экономическом, техническом и культурном уровне. В этих условиях содержание, а также формы и методы социальных преобразований оказываются в непосредственной зависимости от финансово-экономических рычагов их осуществления. В Иране такой рычаг имелся в виде доходов от нефти, многократно увеличившихся в условиях развернувшегося с начала 70-х годов в капиталистическом мире энергетического кризиса.

Благоприятная экономическая конъюнктура дала Ирану возможность уже к 1972 г. увеличить поступления от нефти в 40—45 раз по сравнению с 1950 г. В 1973 г., т. е. за 20 лет до возможного окончания срока соглашения с консорциумом, ИННК достигла значи-

тельно большего, чем прежде, контроля над нефтяными ресурсами, их добычей и переработкой в обмен на обязательство в течение этого времени поставлять до 80% своей продукции со скидкой с мировой цены бывшим членам МНК (с 1977 г. Иран начал переговоры об изменении этого условия). В результате повышения после 1973 г. цен на нефть более чем в 4 раза иранское правительство в 1975 г. увеличило свои доходы почти в 10 раз по сравнению с 1972 г. В 1977 г. они достигли 23 млрд. долл., что составило примерно 40% всего валового национального продукта страны, почти 80% доходов бюджета и около 90% поступлений иностранной валюты. За период 1972—1977 гг. Иран получил от экспорта нефти почти 90 млрд. долл. На основе этих астрономических сумм разрабатывались и частично были претворены в жизнь огромные по масштабам проекты и планы экономического развития.

Зависимость народного хозяйства страны от нефтедолларов явилась одним из первых проявлений противоречивости капиталистического пути развития, черпающего резервы самодвижения не столько изнутри, сколько извне, из связей с социально отжившей свой век системой мирового капитализма. В экономической и технической эффективности мероприятий, проводимых в рамках «белой революции», таким образом, с самого начала был заложен жесткий лимит развития, хотя само это развитие и оказалось довольно внушительным.

Капитализм, «субимпериализм» и народ

С началом «белой революции» Иран сделал крупный шаг в своем экономическом развитии. За первое пореформенное десятилетие его валовой национальный продукт возрос в стоимостном выражении в 3,6 раза, а за два последующих года — еще почти в 2,5 раза. В расчете на душу населения он увеличился за все это время в 8 раз, намного превысив показатели большинства развивающихся стран. По темпам роста экономики Иран не только занимал второе место в Азии после Японии, но подчас значительно опережал ее. В начале 70-х годов рост промышленной продукции иногда достигал 20% в год, а производство электроэнергии на госу-

дарственных электростанциях, например, давало ежегодный прирост в 30%.

В стране появились новые отрасли современной индустрии — металлургические и машиностроительные заводы, нефтехимические комплексы, автомобильные и тракторостроительные предприятия, газовая и алюминиевая промышленность, заложены основы национального судостроения и самолетостроения и даже сделаны шаги к созданию атомной энергетики. За 1960—1975 гг. удельный вес промышленности (в том числе и нефтяной) в валовом национальном продукте увеличился с 27,5 до 72,1%. Только за первое пореформенное десятилетие национальное производство средств труда в области сельского хозяйства поднялось с фактически нулевой отметки до 20%, а численность промышленного рабочего класса возросла в 2 раза. Иран быстрыми темпами превращался из аграрной в индустриально-аграрную страну.

Однако головокружительный экономический рост, происходивший на гребне нефтяного бума, подчас имел в своей основе не столько социально обоснованное и рациональное долгосрочное планирование, сколько амбициозное стремление шаха превратить Иран уже к концу века в «пятую индустриальную державу мира». Издержки колоссальных темпов индустриализации в отдельных сферах были не менее внушительными, чем сам экономический рост. Некоторые отрасли иранской промышленности, по существу, ограничивались монтажом и сборкой импортных деталей и частей. Страна с огромными запасами нефти и газа приступила к затрате миллиардов долларов на ядерные электростанции, оборудование для которых целиком производилось за границей, а работать они могли только на импортированном уране. При этом предполагалось купить и установить в Иране 20—25 ядерных реакторов. Расточительность и бесхозяйственность политики нашли отражение также в разработке и осуществлении и ряда других престижных проектов.

Быстрая индустриализация во многом осуществлялась и за счет забвения нужд сельского хозяйства, среднегодовые темпы роста которого были примерно в 3 раза ниже темпов роста промышленности. Происходившие между тем рост населения страны (с 20 млн. в 1956 г. до 34 млн. в 1976 г.), сокращение занятых в сельском

хозяйстве (с 57 до 34% за тот же период), общее повышение жизненного уровня и соответствующее возрастание потребления (на 12,5% в год), равно как и ряд факторов социального порядка, привели к тому, что страна, ранее почти полностью обеспечивавшая себя продовольствием, стала одним из самых крупных его импортеров в мире. Доля сельского хозяйства в валовом национальном продукте сократилась с 18% в 1973 г. до 8% в 1977 г.

Вместе с тем с началом «белой революции» формирование новых, капиталистических отношений в Иране получило невиданный до тех пор размах. Внутренней базой для их развития являлся значительно разросшийся государственный сектор, в котором была сосредоточена основная часть вновь созданной тяжелой индустрии. К середине 70-х годов на долю этого сектора приходились две трети общих инвестиций в экономику, вся производственная инфраструктура, свыше 50% промышленного производства, около половины импортных операций и примерно треть экспортных (без нефти), контроль над частью внутренней торговли. Благодаря ускоренному росту нефтяных доходов доля государства в формировании промышленного капитала выросла с 31,4% в 1961 г. до 41,2% в 1975 г., а в строительстве — с 41 до 70%.

Политику энергичной поддержки частнокапиталистического предпринимательства правительство проводило не только с помощью кредитов и субсидий, но и путем создания смешанных с государственным капиталом предприятий. К строительству новых объектов активно привлекались также иностранные компании в форме смешанных обществ с контрольным пакетом акций у иранского капитала (до 75%). Иностранный капитал привлекался не в целях финансирования проектов промышленного развития, а ради получения передовой технологии. Однако в связи с крупным размахом современного промышленного строительства иностранные капиталовложения возросли с 1961 по 1975 г. более чем в 20 раз.

Стимулируя формирование крупной буржуазии, правительство содействовало процессу концентрации производства, сращиванию промышленного капитала с банковским (в том числе и иностранным) и возникновению

на этой базе монополистических тенденций и элементов государственно-монополистического регулирования. В 1972 г. лишь 128 семей и Банк промышленного и горнорудного развития (частный банк с участием иностранного капитала) были представлены в 265 из 364 наиболее крупных промышленных компаний. Общее же количество «крупных предприятий», к которым иранская статистика относила предприятия с числом работающих более 10, составляло тогда около 6 тыс. О росте монополистических тенденций в стране свидетельствует и тот факт, что 144 крупные индустриальные фирмы частного сектора, составлявшие менее 3% «крупных» промышленных предприятий Ирана, контролировали 47% продукции. Аналогичные явления имели место в банковском деле.

Ведущее место среди крупнейших капиталистов Ирана принадлежало членам семейства Пехлеви, имевшим акции, по некоторым данным, в 17 банках и страховых компаниях, 25 металлургических предприятиях, 8 горнорудных компаниях, 10 компаниях по производству стройматериалов, 45 строительных фирмах, 43 предприятиях пищевой промышленности, 26 торговых заведениях и почти во всех крупных отелях страны. Некоторые из этих активов принадлежали семейству Пехлеви совместно с американскими корпорациями.

Развитие монополистического капитала в Иране, как и в некоторых других странах Востока, в отличие от «классического» западного варианта происходило не на основе капиталистического преобразования множества кустарных и полукустарных промышленных предприятий, низших форм предпринимательства, а с помощью и при непосредственной поддержке «сверху», в результате государственно-капиталистических мероприятий правительства. Система протекционистских мер, включающая одновременно таможенные пошлины на импортируемые товары и контингентирование числа предприятий, выпускающих данную продукцию, способствовала монополизации крупным капиталом внутреннего рынка и обеспечивала ему высочайшую норму прибыли.

В условиях, когда стремление к ускоренному промышленному росту на современном научно-техническом уровне обусловило постоянную и все возрастающую государственную поддержку крупным частным предпри-

нимателям, последние не только паразитировали на правительственных льготах за счет доходов от сбываемой за рубежом нефти, но и превращались (при существующей технологической зависимости) в придаток международных корпораций, под эгидой которых они проявляли тенденции к империалистической экспансии капитала. Создаваемые крупнейшими представителями формирующейся финансово-промышленной олигархии предприятия современной промышленности являлись, таким образом, результатом не внутреннего, а международного общественного разделения труда. Образование еще на фазе становления капитализма монопольно-капиталистических структур с высокой концентрацией капитала и развитие на этой почве элементов государственно-монополистического регулирования, связанных с империализмом, в условиях «третичного» капиталистического развития усугубляли свойственные им тенденции к застою, оторванности от нужд национального развития и т. п.

Вместе с тем научно-технический уровень современного капитализма (с характерной для него, в частности, «экономией» на «живом труде») оборачивался в Иране, как и в большинстве других стран Востока, замедленностью социально-классовых сдвигов капиталистического типа. Основным источником формирования финансово-промышленного капитала являлись верхушечные слои торгового капитала, и в частности бывшие полуфеодалные землевладельцы. Как отмечалось выше, этому способствовали и условия получения ими выкупа за отчужденную в пользу крестьян землю — ценными бумагами государственных и полугосударственных предприятий. В то же время многие из помещиков, сохранив свои земли на условиях применения методов капиталистического хозяйствования, превратились в крупную сельскохозяйственную буржуазию.

Насаждение «сверху» современных форм промышленного производства оказывало блокирующее воздействие на развитие средней буржуазии, занятой в таких традиционных отраслях легкой промышленности, как текстильная, швейная и пищевая. В условиях искусственного «перескакивания» через этап домонополистического капитализма со свойственной ему свободной конкуренцией средняя буржуазия была крайне малочисленна, хотя

традиционные отрасли легкой промышленности составляли немаловажную часть промышленного производства, связанного с нуждами национального развития.

Имевшиеся в Иране в первой половине 70-х годов около 6 тыс. предприятий с числом рабочих более 10, разумеется, принадлежали к категории не только средних, но и мелких капиталистических заведений. Преобладание представителей мелкокапиталистического уклада обуславливалось и сохранением огромной массы предприятий, представлявших переходную к этому укладу категорию.

В то же время «крупные» (по принятым в иранской статистике параметрам) предприятия оставались островками в океане всех промышленных заведений и мастерских, число которых в середине 70-х годов составляло до 250 тыс. Производство в подавляющем большинстве из них основывалось на ручном труде или на использовании примитивных станков, на базе докапиталистических или, в лучшем случае, переходных к капитализму форм производства. Эти, как правило, кустарные и полукустарные предприятия в целом представляли мелкотоварный уклад, который, с одной стороны, не отделился полностью от натурально-патриархального, а с другой — очень трудно и медленно выделял из своих недр мелкокапиталистический уклад. Лишь небольшая часть связанных с ним социальных слоев могла считаться по европейским меркам мелкой буржуазией.

Весьма характерным для капиталистического развития Ирана было и то, что процесс преобразования торгового капитала в промышленный почти совсем не затронул его низшие слои. Среди торговцев и владельцев ремесленно-торговых заведений, по-прежнему концентрировавшихся на городских базарах, сохранялись даже остатки средневековых цехов и гильдий. Изменение же традиционных каналов торговли в результате проведения с 1953 г. политики «открытых дверей» и введения с 60-х годов системы квот и таможенных тарифов с целью защиты местной крупной промышленности привело к тому, что городские базары, через которые ранее проходили потоки потребительских товаров, утратили свое экономическое значение. Важную роль в этом сыграл и сдвиг в структуре потребительского спроса в пользу товаров, производимых на современных предприятиях.

Особенности политики капиталистической модернизации Ирана не менее рельефно проявились в области сельского хозяйства, где с проведением аграрных реформ почти полностью были ликвидированы полуфеодальные отношения. Основную выгоду от этих реформ в конечном счете получили отнюдь не мелкие собственники, хотя удельный вес их хозяйств увеличился довольно существенно. Так, с 1960 по 1971 г. (когда в Иране проводились сельскохозяйственные переписи) число хозяйств с размером участка до 5 га увеличилось примерно с 1,2 млн. до 1,6 млн., а общая площадь их пахотных земель возросла с 2,1 млн. до 2,7 млн. га. Хозяйства с участком от 5 до 50 га возросли по числу с 676 тыс. до 712 тыс., по площади — с 7,8 млн. до 10,1 млн. га. Рост же хозяйств с участком от 50 га и более характеризовался следующими цифрами: по числу — с 12,4 тыс. до 23 тыс., по площади — с 1,5 млн. до 3,2 млн. га. После того как правительство с начала 70-х годов приступило к созданию с участием иностранного капитала агропромышленных комплексов, сложившееся соотношение стало еще больше изменяться в пользу крупных капиталистических хозяйств. Этому же способствовало постоянное вытеснение мелкотоварных крестьянских хозяйств.

Особенности развития капитализма в Иране «проектруются» и через другие результаты политики индустриализации. Как и во многих странах азиатско-африканского мира, эти результаты определялись обусловленной научно-технической революцией спецификой современного производства, в котором увеличиваются роль и значение сложного оборудования и соответственно уменьшается потребность в «живом труде». Эта специфика прямо сказалась на степени охвата рабочего класса зрелыми формами капиталистических отношений. Так, в современных отраслях — на нефтепромыслах, нефтехимических и химических заводах, а также фармацевтических предприятиях — в середине 70-х годов было занято всего около 100 тыс. рабочих из общей массы почти в 2,5 млн. человек. В целом число занятых на предприятиях, применяющих механические или электрические двигатели, составляло всего 700 тыс. Наряду с этим более 1 млн. рабочих (т. е. около 65% общего числа) было заняты в кустарных мастерских, производство

и которых основывалось на ручном труде или на использовании примитивных станков. В большинстве таких предприятий сохранялись переходные к капитализму и даже докапиталистические формы производства.

Разрушение традиционных структур как в городе, так и в деревне еще более резко, чем прежде, лимитировало возможности развития капитализма «снизу». Правда, в условиях характерного для стран Востока демографического взрыва, колоссального расширения «выброса» сельского населения в города и растущих на этой основе процессов псевдоурбанизации в Иране одновременно происходило воспроизводство и даже разбухание городских традиционных структур. Но в то же время массовый ввоз импортных товаров постоянно подрывал их производительные силы. Общий рост национального дохода при существующем положении оборачивался усилением социального неравенства, что становилось дополнительным фактором, вызывающим сужение рамок складывания капиталистического способа производства.

В целях получения доступа к передовой технологии и технике и обеспечения импорта промышленного оборудования правящие круги Ирана, используя колоссальные доходы от нефти, которые экономика страны не могла полностью поглотить, стали на путь экспорта капитала. Превращение Ирана в международного кредитора и прямое участие иранского капитала в финансовых организациях и промышленных предприятиях за рубежом предполагалось использовать в целях диверсификации экономики и валютных резервов для последующего ослабления зависимости народного хозяйства страны от нефти. Однако непосредственным следствием этого явилось тесное сращивание иранского капитала с международным монополистическим капиталом, имевшее своим результатом не только содействие решению рядом развитых капиталистических стран их финансово-экономических проблем, но и повышение зависимости Ирана от конъюнктуры мирового капиталистического хозяйства.

К тем же результатам вели колоссальные, не оправданные оборонными нуждами страны военные закупки в развитых капиталистических странах, и в первую очередь в США. С конца 60-х годов расходы страны на военные цели возросли более чем в 20 раз, а в отдель-

ные годы составляли до 25% валового национального продукта и 30% государственного бюджета (одни из самых больших показателей в мире). В ряде случаев иранская армия была оснащена таким новейшим оружием, которое еще не поступало на вооружение самой американской армии. Отсутствие же в Иране возможностей управления современным оружием влекло за собой привлечение американских «наемников в белых воротничках». Общая численность специалистов США в Иране в 1978 г., по данным американской печати, составляла около 40 тыс., половина из них прямо была связана с поставками и эксплуатацией вооружения. Иранская армия, по существу, превращалась в гаранта зависимости страны от США.

Зато господствующий в Иране режим с благословения США и Англии получил возможность проводить соответствующую его бонапартистской природе внешнюю политику. Осуществляя великодержавные планы в Персидском заливе и даже распространяя свои гегемонистские амбиции на Индийский океан, правящие круги Ирана превратили страну в «стража» нефтяных интересов империализма на Ближнем и Среднем Востоке, в главную силу по борьбе с национально-освободительным движением в этом районе. Для обозначения подобного внешнеполитического курса на Западе возник специальный термин — «субимпериализм».

Великодержавная политика в сочетании с тесной привязкой иранской экономики к мировому капиталистическому хозяйству и амбициозными планами шаха обусловила беспорядочность и хаотичность хозяйственного развития Ирана, отчетливо проявившиеся к середине 70-х годов и сказавшиеся в первую очередь на материальном положении широких трудящихся масс.

Относительная социальная и политическая стабильность в течение всего пореформенного периода поддерживалась с помощью мер, вытекавших из бонапартистской природы господствующего режима и проводившихся государством в жизнь за счет доходов от нефти. Так, правительство субсидировало поддержание постоянных цен на продовольственные товары, ввело бесплатное восьмилетнее образование и даже бесплатную раздачу школьникам молока, расширяло систему просвещения и здравоохранения, хотя и в темпах, отстающих от общих

экономических изменений. В ряду соответствующих мероприятий важное место занимало повышение заработной платы рабочим и служащим, особенно в период нефтяного бума 1973—1975 гг. Связанный с нефтяной горячкой строительный бум давал возможность мелкопредпринимательским и торгово-ремесленным кругам компенсировать потери, вызванные баснословным увеличением импорта.

Однако уже в середине 70-х годов обнаружилось резкий рост дефицита платежного баланса и беспрецедентная инфляция, достигшая 20—30% и сильно отразившаяся на доходах большинства трудящихся, всегда остававшихся ниже прожиточного минимума. Финансово-экономические трудности усугублялись бурным расцветом спекулятивно-посреднических операций, вакханалией расточительства и хищений и разросшейся до невиданных ранее масштабов коррупцией, охватившей все звенья государственного аппарата и частного сектора. Экономический бум, вызвавший гипертрофическое перенаселение городов с их нехваткой жилья, воды, электричества, способствовал сосредоточению в руках удачливых коммерсантов и коррумпированных чиновников миллионных состояний, но ввиду сопровождавшей бум инфляции мало что дал 54% семей, находившихся ниже порога бедности, вычисленного для Ирана Международным банком реконструкции и развития. Поощряемая еще недавно правительством с целью обеспечить политическое спокойствие «революция растущих ожиданий» обернулась теперь для этих семей «революцией обманутых надежд». Вспоминаются слова К. Маркса о Второй империи во Франции: «Биржевая спекуляция праздновала свои космополитические оргии; нищета масс резко выступала рядом с нахальным блеском распутной роскоши, нажитой надувательством и преступлением»¹⁹.

Тяжкое похмелье после радужного опьянения правительство почувствовало уже в конце 1975 — начале 1976 г., когда страна, ставшая ранее международным кредитором, оказалась вынужденной прибегнуть к внешним займам. Начатая властями кампания за «нулевую инфляцию» ударила не столько по крупным коммерсантам и спекулянтам, сколько по трудящимся массам. В частности, были урезаны планы строительства универ-

ситетских корпусов, больниц, а также программы благоустройства и социального развития. Затратив ранее на просвещение и здравоохранение миллиарды долларов, правительство теперь оказалось неспособным обеспечить их нормальное функционирование. Рабочим было объявлено, что они не могут более рассчитывать на дополнительное вознаграждение (эквивалентное в среднем двухмесячной зарплате) по закону об их участии в прибылях предприятий, если последние не приносят таковых. Вместе с тем в 1975 г. в качестве средства мобилизации доходов трудящихся на нужды капиталистической индустриализации страны был принят закон о продаже им 49% акций частных и 99% акций некоторых государственных предприятий. Тогда же был установлен почти всеобщий контроль над ценами на подавляющее большинство товаров и услуг. Объявив политику жесткой экономии, правительство поставило в порядок дня возможность постепенной ликвидации субсидий на продовольствие и ввело более строгие условия предоставления банковских кредитов.

Однако принятые меры, естественно, не могли решить стоящие перед страной проблемы. Начатая кампания по снижению цен вызвала резкое сокращение капиталовложений в промышленность и строительство. Темпы роста валового национального продукта в 1977 г. упали до 3,2%, а качество выпускаемой продукции, стоимость которой значительно превышала среднемировую, сильно ухудшилось. Установленный для частного сектора предел прибылей резко усилил и без того немалую утечку капиталов из страны.

Тем не менее в опубликованной в 1977 г. книге «К великой цивилизации» Мохаммед Реза-шах утверждал, что «удивительная сила иранского монархического порядка» и «непоколебимая солидарность шаха и народа» позволили Ирану осуществить «чудо», которого не удалось добиться «столь здоровым и гуманным путем» ни одной другой стране, ни одному другому обществу. В книге подтверждался курс на достижение многих из поставленных ранее амбициозных целей, что якобы могло привести к созданию в Иране некоей «великой цивилизации».

Между тем претензии иранского бонапартистского режима на роль надклассовой силы, якобы пекущейся

об интересах всех слоев общества, именно в это время обнаружили свою полную беспочвенность. К. Маркс писал о Наполеоне III: «Бонапарту хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов. Но он не может дать ни одному классу, не отнимая у другого... Терзаемый противоречивыми требованиями своего положения... Бонапарт погружает все буржуазное хозяйство в сплошной хаос»²⁰. Изолированная от общества, противопоставленная ему, монархическая власть в Иране одинаково возбудила против себя все общественные слои, и в борьбе против нее создалась общая платформа для большинства социальных и политических сил.

Показательно, что недовольство авторитарным режимом проявляла даже формирующаяся при активном содействии «сверху» крупная промышленно-финансовая и сельскохозяйственная буржуазия.

Особенно много причин для недовольства было у бывших полуфеодальных помещиков. Хотя многие из них смогли сохранить свои земельные владения на условиях применения методов капиталистического хозяйствования, большинство остальных оказалось в положении обманутого обманщика. Сумма выплачиваемой им компенсации за отчужденную землю была поставлена в зависимость от уплачивавшихся ранее налогов. Поскольку же они старались в свое время обойти государственную казну, постольку теперь вынуждены были расплатиться наличными за грехи прошлого. Правда, все стали совладельцами промышленных предприятий и, кроме того, через создаваемые государством сельскохозяйственные акционерные общества и агропромышленные комплексы получили новые каналы грабежа крестьян. Но были потеряны непосредственные возможности влиять на правительственную политику, наиболее видных политических представителей выслали или уничтожили, а большинство почетных и выгодных мест в парламентской гостиной заняли технократы.

По существу, представители всех прослоек формирующейся финансово-промышленной и сельскохозяйственной буржуазии оказались в полной зависимости от властей и особенно от семейства Пехлеви, составлявшего им мощную конкуренцию. И за каждую сделку надо было платить (нередко частью акций) не только членам шахской семьи и разным высокопоставленным покрови-

телям, но и всякого рода посредникам. Вдобавок к этому — контроль над ценами, декретированное участие рабочих в прибылях предприятий, отчисления на социальное обеспечение, вездесущие сборщики налогов. Не уверенная в своих личных и имущественных правах, но целиком зависимая от кредитно-финансовой и протекционистской политики государства, иранская «бисмарковская буржуазия» могла только фрондировать против правительства.

Политическое положение наиболее состоятельных слоев иранского общества было весьма сходно с охарактеризованным К. Марксом положением буржуазии в империи Наполеона III. В этом бонапартистском государстве, писал он, «отдельные буржуа могут продолжать эксплуатировать другие классы и невозмутимо наслаждаться благами собственности, семьи, религии и порядка лишь при условии, что буржуазия как класс, наряду с другими классами, будет осуждена на одинаковое с ними политическое ничтожество... а защищающий ее меч должен вместе с тем, как дамоклов меч, повиснуть над ее собственной головой»²¹.

Создавая буржуазии возможность эксплуатировать пролетариат, иранский бонапартистский режим, как отмечалось выше, проводил различные меры и по рабочему вопросу. Однако в связи с курсом правящих кругов на удовлетворение растущих потребностей промышленности в квалифицированных кадрах проводимые меры оказались выгодными главным образом лишь небольшой, верхушечной прослойке фабрично-заводских рабочих, которые получали примерно в 10 раз больше остальных работающих по найму в промышленности. Размер дополнительного вознаграждения по закону об участии рабочих в прибылях (действием которого было охвачено менее одной пятой части пролетариата) на предприятиях с новейшим оборудованием был в 4—5 раз больше, чем на предприятиях с устаревшим оборудованием.

Подобно всяким преобразованиям «сверху», социально-культурные мероприятия иранской монархии по рабочему вопросу были направлены на ослабление способности пролетариата к классовой борьбе. В 1971 г. указом шаха 1 мая был объявлен «днем рабочих», а с 1974 г. введен в действие «Закон о наказании смутьянов в промышленности», предусматривавший применение к

тем, кого власти сочтут таковыми, не только тюремного заключения (сроком до 15 лет), но и смертной казни.

Как и другие слои трудящихся, рабочие фактически были лишены основных гражданских прав, и в особенности права на создание политических организаций. Правительство разрешило деятельность профсоюзов, но они фактически находились под контролем министерства труда и тайной полиции — САВАК. Одновременно рабочий класс подвергался усиленной идеологической обработке, сказывавшейся на уровне его классового сознания.

Однако духовное и политическое развитие большинства отрядов рабочего класса шло отнюдь не в том направлении, на которое рассчитывал режим. Среди молодых рабочих, сохранивших память о деревенской жизни, по свидетельству наблюдателей, росли традиционалистские настроения. Темпы перемен вызывали раздражение и недовольство даже у рабочих государственных сталелитейных заводов, служивших на протяжении последних десяти лет рекламой «социального процветания». В то же время среди кадровых рабочих, особенно на нефтепромыслах, росли антикапиталистические настроения. Уже с начала 70-х годов, несмотря на репрессии властей, на отдельных промышленных предприятиях спорадически вспыхивали забастовки, проходившие под знаком экономических требований. С 1975 г. началось усиление забастовочного движения, с развитием которого постепенно выдвигались и политические требования.

Авангардная сила рабочего движения — Народная партия Ирана вынуждена была действовать в глубочайшем подполье. Утвержденная на состоявшемся в 1975 г. расширенном XV пленуме ЦК НПИ новая программа партии провозглашала курс на национально-демократическую революцию, основным условием осуществления которой считалось создание единого фронта всех антимонархических и антиимпериалистических сил в Иране. «В настоящее время задачей борьбы за демократию, — говорилось в программе, — являются ликвидация абсолютной власти и режима террора и удушения и обеспечение прав и свобод, записанных в конституции Ирана и Всеобщей декларации прав человека»²².

Не достигла в конечном счете своих целей и политика правящего режима в отношении крестьянства, хотя к середине 70-х годов собственниками земельных

участков стали 2,5 млн. из общего числа 3,6 млн. крестьянских семей (реформа не распространялась на тех, кто имел землю, а также на сельскохозяйственных рабочих и батраков). Крестьяне, получившие земельные участки, обязывались вступать во вновь создаваемые кооперативы. Однако участие в этих кооперативах не смогло предотвратить зависимость мелких землевладельцев, отягощенных необходимостью оплаты выкупных платежей за землю, от представителей старого торгово-ростовщического капитала. Вместе с тем частное владение мелкими земельными участками сделало возможным «легальную экспроприацию» новых собственников акционерными сельскохозяйственными компаниями и агропромышленными обществами. Крестьяне массами бросали или продавали свои участки и устремлялись к «благам» городской жизни. По имеющимся данным, за десятилетие с середины 60-х годов в города мигрировало 5 млн. сельских жителей.

Выбитые из традиционного жизненного уклада, сельские мигранты пополняли низшие и отчасти средние прослойки городского населения, занимая во многих случаях некое промежуточное положение между различными социальными группами. Лишенные возможности включиться в сферу промышленного производства ввиду ограниченной занятости на предприятиях, многие из них основывали мелкие кустарные мастерские, лавочки и т. п. на базе традиций сельского домашнего ремесла. В силу чрезвычайно низкой производительности труда на подобных предприятиях представители этой категории лиц, примыкающей частично к торгово-предпринимательской части «средних городских слоев», все свое время были вынуждены посвящать производству и сбыту производимых ими товаров. Французский социолог Ж.-Ф. Клеман отмечает: «Эти люди являются пуританами, живут суровой жизнью в отличие от крестьян, у которых было достаточно времени для создания богатых и разнообразных ритуалов, и в отличие от технократов и крупных буржуа»²³. В составе и на границах низших и средних городских социальных прослоек сельские мигранты сохраняли специфические производственные и социально-психологические черты. Объединившиеся в общинах, образованных на базе мечетей, они наибольшим образом способствовали начавшемуся возрож-

дению ислама, ставшего впоследствии, как писала газета «Унита» от 24 мая 1980 г., главным знаменем «тех социальных сил, которые были основными участниками иранской революции,—обездоленных крестьян, переселившихся за последние пятнадцать лет в крупные города, того „нового класса“, который пока еще нельзя отождествлять ни с люмпен-пролетариатом, ни с мелкой буржуазией, ни с трудовыми слоями населения (рабочие, крестьяне)». Поскольку все это нарушало «социальное равновесие» и расширяло почву для социальной напряженности, иранские центры по соцобеспечению особое внимание уделяли подготовке сельских мигрантов к городской жизни, в частности, к «шоку от быстрых перемен», развитию в них «новой философии и морали»²⁴.

Образовавшаяся в результате аграрных реформ относительно большая прослойка зажиточных крестьян, ставших фермерами «средней руки» и поставлявших значительную часть сельскохозяйственной продукции Ирана, также не стала твердой опорой режиму. Ограничение рыночных цен и одновременное удорожание машин и удобрений способствовали ухудшению положения средних хозяйств. Выходцы из этой группы крестьянства, пополняя «средние слои» городского населения, активно приобщались к идеям демократической и антиимпериалистической борьбы.

В тяжелом положении оказались и «средние городские слои», численность которых, по некоторым оценкам, превышала 25% всего самостоятельного населения (один из наиболее высоких показателей в азиатско-африканском мире).

Поддерживая кредитами предпринимательскую часть «средних городских слоев», поощряя развитие кустарной промышленности и ремесла, правительство, однако, оказалось неспособным отвести от нее постоянную угрозу разорения и поглощения более сильными конкурентами, которым оказывалась наибольшая помощь. С 1975 г. в связи с начавшимся застоєм в строительстве вложения мелких предпринимателей в этой отрасли оказались «замороженными». Нуждаясь в средствах для своих текущих коммерческих операций и не имея возможности получить их в банках, они попадали в зависимость и от крупного торгового капитала.

Еще более пагубно сказалась финансово-экономическая политика режима на традиционной деятельности городских базаров. Установленный с 1975 г. строгий контроль над ценами на большинство товаров и видов услуг сразу же ударил по экономическим интересам мелкого торгово-ремесленного капитала. В течение последующих двух лет власти оштрафовали или отдали под суд по обвинению в спекуляции и нарушении постановления о ценах более 20 тыс. его представителей. Городские базары стало охватывать недовольство, сказавшееся и на настроениях тесно связанной с ними средней буржуазии.

Наибольшую политическую активность среди городского населения в 60-х — первой половине 70-х годов проявляло студенчество, численность которого с 1961 по 1975 г. увеличилась в 5,6 раза (не считая обучавшихся за границей). В его составе в это время удельный вес представителей «средних городских слоев» значительно опережал долю выходцев из других социальных прослоек. В связи с проблемами трудоустройства, из-за политического климата и психологической атмосферы в Иране многие студенты после окончания учебы предпочитали выезжать из страны, а обучавшиеся за рубежом отказывались возвращаться на родину. «Утечка умов» из Ирана приняла значительные масштабы.

Характерной чертой развития движения студентов в Иране в рассматриваемый период являлось распространение среди них идей научного социализма, соединяемых в ряде случаев с догмами исламской религии. В обстановке жестокого военно-полицейского гнета, усугублявшего свойственное молодежи «революционное нетерпение», эти идеи в иранском студенческом движении преломлялись сквозь призму леворадикальных настроений, обуславливавших тактику террора и методы партизанской войны. Крупнейшими группировками такого типа были организация «Чарикхайе федаийе халге Иран» («Жертвующие собой партизаны иранского народа»), называвшая себя марксистско-ленинской, и организация «исламо-социалистического», «исламо-марксистского» направления «Моджахедине халге Иран» («Борцы за святое дело иранского народа»). В обе организации наряду со студентами входили представители интеллигенции, мелкие торговцы, ремесленники, а

также рабочие. Со второй половины 70-х годов группировки «моджахединов» и «федаинов» фактически отказались от вооруженных акций и посвятили себя подпольной политической борьбе. Под влиянием марксистских идей они все более эволюционировали в организации революционно-демократического типа.

В качестве активной (но в целом более умеренной по сравнению со студенчеством) оппозиционной силы выступала и та часть интеллигенции, которая с самого начала «белой революции» отказывалась от каких-либо компромиссов с авторитарным диктаторским режимом. Основной формой протеста ее представителей были эмиграция из страны, отказ от публикаций и т. п. Общие для этой части интеллигенции демократические устремления вдохновлялись в основном идеями либерализма, сочетавшимися с приверженностью традиционным национальным духовным и культурным ценностям и дополнявшимися в ряде случаев требованиями введения прогрессивного налогообложения и национализации крупных компаний, уменьшения грандиозного военного бюджета и проведения более уравновешенного внешнеполитического курса. Как реакция на навязанную Ирану шахом слишком западную модель развития среди некоторых кругов интеллигенции проявлялись и антизападные настроения. Проводимую монархией политику капиталистической модернизации Ирана эти круги расценивали как подчинение страны иностранным интересам и отказ от национальной самобытности, культуры и традиций.

По свидетельству ряда наблюдателей, для большинства иранских интеллигентов была характерна свобода от догматов религии, которую многие из них считали тормозом социального развития страны. Однако часть интеллигенции усматривала неразрывную связь между национально-культурной самобытностью Ирана и шиитской ветвью ислама, последователи которой составляют около 90% населения страны. Эти круги интеллигенции во главе с бывшим сподвижником Мосаддыка Мехди Базарганом создали группировку Движение за освобождение Ирана, которая из всех светских политических организаций была наиболее тесно связана с духовенством.

Усиление среди части интеллигенции религиозных традиций отражало глубинные процессы идейного и духовного развития иранского общества, которые могут

быть поняты в полной мере только с уяснением места и роли духовенства (примерно 180 тыс.) в общественно-политической жизни страны в 60—70-х годах.

«Белая революция» способствовала углублению проводимой династией Пехлеви еще с 20-х годов политики секуляризации государственных институтов и ограничения позиций духовенства в области народного образования и гражданского судопроизводства. Более того, аграрные реформы 60-х — начала 70-х годов впервые в широком масштабе посягнули на огромные вакуфные земельные владения, составлявшие основу материального благосостояния духовенства. В то же время политика индустриализации, способствовавшая резкому ослаблению традиционной роли городских базаров, исторически тесно связанных с религиозными институтами, в немалой мере отразилась на финансовых средствах, получаемых духовенством в виде податей и различных пожертвований. Экономические трудности середины 70-х годов, отразившиеся на положении не только мелких торговцев, но и широких трудящихся масс, сразу же и в весьма большой степени сказались на благосостоянии духовенства. Вдобавок ко всему этому правительство постоянно усиливало контроль над религиозными жертвованиями, а в начале 1978 г. отменило ежегодную государственную субсидию духовенству.

Однако экономические проблемы, вставшие в 60—70-х годах перед шиитским духовенством Ирана, касались не только его материального благополучия. Проходившие через руки ведущих религиозных деятелей, моджтехидов, огромные денежные суммы частично распределялись затем на пособия нуждающимся и стипендии учащимся духовных школ — выходцам из наименее состоятельных слоев населения. Благодаря этому моджтехиды в определенной степени выступали как бы посредниками в социальном обеспечении верующих, что закрепляло за ними положение неких общественных попечителей социальной справедливости. Вполне естественно, что подрыв этого положения мог сказаться на влиянии духовенства среди широких масс населения и, следовательно, на самих основах его существования.

Выступления против социально-экономических преобразований, проводимых в рамках «белой революции», религиозные деятели сочетали с противодействием по-

литике сближения иранской монархии с империалистическими державами, и в первую очередь с США. В проникновении в страну «западного атеизма» и «неверных иностранцев» они видели опасность распространения западной вседозволенности, растления нравов и упадка традиционных моральных устоев, а следовательно — угрозу своему статусу стражей общественной морали.

Антиимпериализм духовенства, таким образом, проявлялся главным образом в русле антизападных настроений, а стремление выкорчевать влияние «западной культуры» и «западного образа жизни» нередко обращалось против многих атрибутов современной цивилизации. Подобные настроения сближали основную массу духовенства с теми отвергнутыми городом сельскими мигрантами, которые получили пристанище и помощь в общинах, образованных на базе мечетей, и в силу этого, а также своей исконной приверженности религии составили основную политическую опору духовенства. (Впоследствии из этих фанатично настроенных элементов вербовались толпы погромщиков для расправы с бывшими союзниками по антишахской, антиимпериалистической борьбе.)

На позициях определенной части духовенства сказывались и национально-демократические устремления широких масс населения, недовольных (хотя и не всегда осознанно) некоторыми результатами капиталистической модернизации страны по западному образцу. Но эти устремления у религиозных деятелей преломлялись, разумеется, сквозь призму специфических интересов духовенства, лишившегося в ходе реформ многих своих экономических позиций и политических привилегий, значительно приблизившегося по социальному положению и образу жизни к «средним слоям» и по необходимости вставшего на путь революционной борьбы, ибо в сложившихся условиях только на этом пути можно было отстоять право на существование религии и упрочить положение ее адептов. Такие в целом консервативные идеи, как возвращение к мусульманским традициям жизни, объективно отражавшие протест против создаваемого в стране «общества потребления», многие религиозные деятели сочетали с позитивными требованиями «социальной справедливости» и «справедливого распределения богатства», под которыми в первую оче-

редь имелись в виду ликвидация беззакония и коррупции, создание банковской системы без взимания процентов и проведение других мер, вытекающих из эгалитарных принципов ислама. Во внешнеполитической области духовенство выступало с лозунгами уничтожения иностранного, и особенно американского, влияния и поддержки отношений со всеми странами на принципах равноправия, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела. Выдвинутые религиозными кругами требования создания «исламского общества» и «исламского правительства» объективно выступали и как фактор национального сплочения в борьбе за обновление страны на основе религиозно-духовной самобытности народа и его традиционных культурных ценностей.

Росту авторитета религиозных кругов способствовала не только их тесная и повседневная связь с широкими слоями населения, но и непрерывающаяся борьба с авторитарной властью шаха. Эта борьба происходила в основном в форме распространения нелегальных антиправительственных изданий, но подчас выливалась и в открытые демонстрации, как, например, в июне 1975 г. в «священном» городе Куме. На все оппозиционные выступления духовенства власти отвечали репрессиями, начиная с разгона религиозных собраний и кончая расстрелами духовных лиц, укрепляя тем самым в народе мысль о тесной взаимосвязи политической и религиозной борьбы.

Усилению влияния духовенства способствовала также слабость институциональной базы политики индустриализации и буржуазных преобразований, обрушивших на недостаточно подготовленную социальную почву резкие изменения, обусловленные наличием у государства колоссальных запасов нефтедолларов и привязанностью экономики страны к испытывающему кризис мировому капиталистическому хозяйству. Поскольку же разрушение в Иране традиционных общественных институтов не сопровождалось созданием современных политических учреждений, растущие на новой основе социальное неравенство, экономические невзгоды, беспрецедентные инфляция и коррупция создали благоприятную почву для возврата значительной части населения к религиозным традициям. Важную роль в росте

авторитета религии играло и усиление в ней радикальных тенденций, связанное, в частности, с омоложением состава духовенства (как и всего населения Ирана, свыше 60% которого составляет молодежь до 25 лет). В начале 70-х годов из стен богословских учебных заведений вышло новое поколение священнослужителей, которые, будучи по уровню знаний часто выше своих старших духовных собратьев, во многих случаях определяли основные ориентации религиозного движения.

Для широких масс населения в духовных ценностях ислама воплотился тот комплекс факторов морального, этического, гуманистического и социального порядка, в котором выразился их протест против беззакония и произвола, аморальности и коррупции, деградации личности и отчуждения власти от масс, культа наживы и роста социального неравенства. Массы верующих в мечетях требовали прямого вмешательства в управление государством духовенства, единственной, по их представлениям, силы, способной не поддаться соблазну денег и сохранить контакт с народом. В стране наблюдался массовый возврат женщин к ношению чадры, бывший, по существу, демонстративным проявлением протеста против «западного образа жизни» (и, кстати сказать, спасший от банкротства многие мелкие швейные мастерские перед лицом массового наводнения рынка иностранной одеждой).

В происходившем процессе политизации духовенства отражалось нарастание не только общенациональной антидиктаторской, но и классовой борьбы. В рассматриваемый период ее наиболее зрелые формы проявились в росте противоречий между традиционными торгово-ремесленными и мелкопредпринимательскими кругами, с одной стороны, и новоявленной крупной финансово-промышленной буржуазией — с другой. Тесно связанная с многонациональными монополиями и шахским двором, крупная буржуазия использовала в качестве проводника своих интересов в государственном аппарате ту часть высшей военно-бюрократической элиты, среди которой в это время резко возросло влияние последователей бе-хаистской религиозной секты (премьер-министр Амир Аббас Ховейда, начальник генерального штаба Голам Реза Азхари и др.), имевшей общины во многих странах Ближнего Востока, Западной Европы и Северной

Америки. Поэтому не случайно, что в условиях ускорившейся интеграции иранской экономики с мировым капиталистическим хозяйством торгово-предпринимательская часть «средних городских слоев», не сумевшая адаптироваться к буржуазным условиям и испытывавшая удары финансово-экономического кризиса, противопоставила космополитической идеологии бехаизма националистическую идеологию правоверного шиизма. И хотя религиозное движение объективно выражало в первую очередь интересы этой части «средних слоев», поднятое им зеленое знамя ислама дало идеологическую основу всенародной борьбе против диктатуры и империализма и тем самым создало общенациональные рамки для разнородных социально-политических сил.

Выполнению религиозным движением роли цементирующего элемента всей мозаичной оппозиции иранских антидиктаторских и антиимпериалистических кругов во многом способствовала и демократическая организация шиизма, для которой характерно отсутствие формальной иерархии и централизованных органов по принятию решений. Хотя такая структура шиитской организации затрудняла возможность единства на основе конкретной программы действий, тем не менее она оказалась способной заполнить существующий организационный вакуум в оппозиционном движении. В условиях подавления всех демократических свобод, когда мечети были единственным каналом и прибежищем свободного словоизъяснения, религиозная сеть, естественно, оказалась готовой организацией для оппозиции шахскому правительству, шиитское духовенство — носителем антииранической идеологии и поэтому главной пружиной всенародного протеста, а аятоллы (наиболее почитаемые и авторитетные моджтехиды) — лидерами, вокруг которых сплачивались широкие общественные слои, по разным причинам недовольные существующим строем.

Начинающееся объединение большинства антидиктаторских сил под знаменем ислама сопровождалось все большей изоляцией монархии, не имевшей сколько-нибудь устойчивой социальной опоры. Правда, до поры до времени режиму удавалось в некоторой степени сохранять поддержку той прослойки интеллигенции, главным образом технократической, которая ранее была включена в систему государственного управления.

Но имея, как выразился один западный ученый, «участие без представительства», многие представители этой прослойки, особенно те, кто до «белой революции» находились в оппозиции к режиму, считали всю программу реформ «подкупом интеллигенции» с целью сохранения «административного феодализма». В ходе одного из социологических исследований поведения иранской политической элиты свыше 72% ее представителей поддержали мнение, что в стране творится «огромная социальная несправедливость»²⁵. Таким образом, расширив и несколько демократизировав состав правящей группы, монархия, хотя и лишила ее опасных для себя чувств общности и единства действий, одновременно способствовала проникновению брожения в самое сердце бонапартистского режима — бюрократию.

Основную опору монархии составляли армия, на содержание и вооружение которой расходовалась подчас половина доходов от нефти, и тайная полиция САВАК, бюджет которой за последние 20 лет увеличился, по некоторым данным, более чем в тысячу раз. Первая все чаще выполняла карательные, полицейские и даже судебные (в лице военных трибуналов) функции, а вторая, оснащенная самыми «современными» орудиями пыток и новейшим электронным оборудованием, использовалась для удушения в зародыше любой попытки критики и оппозиции. Имея в своем составе до 40—50 тыс. агентов (т. е. по одному на каждые 700—800 жителей) и оплачивая, по некоторым данным, несколько сотен тысяч осведомителей, последняя протянула свои щупальца не только во все уголки страны, но и во многие другие государства для слежки за иранскими эмигрантами и студентами. Наряду с САВАК существовали еще по крайней мере две более секретные полицейские службы, следившие за членами правительства, депутатами парламента, высшим офицерством.

Эти службы, точно сеть, обвили все тело общества, проникли во все его поры. «Государство,— писал К. Маркс о бонапартистском режиме Второй империи во Франции,— опутывает, контролирует, направляет, держит под своим надзором и опекает гражданское общество, начиная с самых крупных и кончая самыми ничтожными проявлениями его жизни, начиная с самых общих форм существования и кончая частными сущест-

вованьями отдельных индивидов... Этот паразитический организм вследствие необычайной централизации стал вездесущим, всеведущим и приобрел повышенную эластичность и подвижность, которые находят себе параллель в беспомощной несамостоятельности, рыхлости и бесформенности действительного общественного организма»²⁶.

Свои господствующие позиции в течение 60-х — первой половины 70-х годов правящий режим поддерживал с помощью приемов, испытанных на протяжении многих веков иранской истории. Организуя различные силовые центры, опирающиеся на групповые и личные связи, и ставя их в отношения взаимной зависимости и контроля, соперничества и конкуренции, монархия путем «стабилизирующего конфликта» уравнивала влияние всех этих центров и одновременно получала о каждом из них информацию из нескольких источников. Так, проведение одного и того же мероприятия (даже аграрной реформы) поручалось сразу нескольким конкурирующим организациям, а высокое положение крупных чиновников нейтрализовывалось личной близостью к шаху их подчиненных. Подобная «гибкая автократия», основанная на «распылении» постов и обязанностей, создавала положение, при котором, например, не только открытие того или иного промышленного предприятия, но и более мелкие мероприятия не могли проводиться без «благословения» самого шаха. Министры и даже премьеры, будучи простыми исполнителями монаршей воли, были непосредственными объектами критики в меджлисе и вне его. Роль «оппозиции его величества» выполняли партия «Мардом» и более мелкие группировки. В отличие от правительственной «Иране новин», как иронизировали в Иране, они вместо «да» говорили «конечно». Первые же признаки нелояльности карались мерами деморализации и деполитизации, назначением на посты за рубежом, отставкой, добровольной и принудительной ссылкой, тюремным заключением и т. д. Но в связи с начавшимся уже в середине 70-х годов брожением в рядах правительственной бюрократии подобные приемы режима все меньше достигали желаемого эффекта.

Таким образом, лавирование и балансирование иранского бонапартистского режима между всеми социаль-

ными прослойками и классами общества в конечном итоге отнюдь не способствовали укреплению существующей политической системы. За внешним благополучием скрывались подспудные взрывоопасные процессы, обусловленные в конечном счете особенностями развития капитализма в стране.

В своем конкретном проявлении основное противоречие иранского общества выступало как несоответствие политического режима, его внутренней и внешней политики потребностям дальнейшего национального развития. Многие аспекты охватившего Иран кризиса были также порождением социальной стратегии империализма, направленной на «перехват» национальной революции и ускоренную капиталистическую модернизацию этой страны, сопровождавшуюся ее усиленной милитаризацией и превращением в «стража» интересов Запада в районе Персидского залива и Индийского океана. Именно особенности внутреннего развития и международного положения Ирана в своем взаимном сочетании обусловили особую остроту, глубину и размах последующих политических событий, бывших в своем непосредственном проявлении отражением кризиса «белой революции» и осуществлявшего ее режима, а в конечном счете — и социального кризиса капиталистического развития, связанного с неокOLONиалистской политикой империализма.

Насаждаемые «сверху» современные формы капиталистического производства, естественно, не могли преобразовать всю традиционную социальную структуру и, следовательно, создать жизнеспособную буржуазную систему хозяйства. Более того, верхушечный, элитарный характер развития «новейших» форм капитализма создал в лице «тысячи семей» новые преграды на пути широкого и массового капиталистического развития. Растущие на новой основе общественные антагонизмы находили наиболее концентрированное выражение в углубляющемся противоречии между все усиливающимся буржуазно-модернистским социальным содержанием политической надстройки и ее традиционными политическими формами, которые по мере разрушения традиционалистских жизненных укладов все больше обнаруживали свой анахронизм.

Глава VI

Век нынешний и век минувший

«Исламская революция»

К середине 70-х годов в верховном звене государственного аппарата возникло понимание необходимости перемен в политической системе. Но, не сумев решиться хотя бы на формальное рассредоточение власти, шахский двор стал на свой излюбленный путь политических манипуляций. В 1975 г. были распущены все проправительственные политические группировки и установлена однопартийная система. Сформированная «сверху» новая единая Партия национального возрождения Ирана («Растахиз»), призванная символизировать участие масс в политике, объединила вскоре около 6 млн. номинальных членов. В целях «здоровой конкуренции» в ней были созданы «конструктивная» и «прогрессистская» фракции, к которым позже добавилась фракция «интеллигентов».

Однако новая партия не смогла выполнить предназначенную ей роль — стать тиглем, в котором переплавлялись бы все оппозиционные мнения, и орудием мобилизации масс на службу «революции шаха и народа». Не имея корней в народе, она, так же как и ее предшественницы, довольно скоро стала ареной беспринципной борьбы за влияние и трамплином для достижения честолюбивых целей ее функционеров.

Растущий «кризис верхов» отражал складывающуюся в стране революционную ситуацию.

В начале 1977 г. шах стал на путь постепенной «либерализации», допускающей ограниченную свободу слова и полутерпимую неправительственную оппозицию. В своих речах он говорил о необходимости положить ко-

нец пыткам, обеспечить освобождение политических заключенных, провести правовую реформу, улучшить систему судопроизводства и т. п. С апреля 1977 г. впервые за много лет некоторые политические судебные процессы стали проводиться публично. Были выработаны новые правила процедуры для военных трибуналов, в частности разрешено участие в них гражданских адвокатов. Представителям Международного Красного Креста власти позволили посетить 20 тюрем. Выдвигавшиеся «сверху» лозунги ставили акцент на «участие» в политическом руководстве и на «социальную справедливость». С целью подрыва оппозиции в качестве одной из мер программы «либерализации» были созданы многочисленные следственные и другие комиссии, в которые можно было предъявлять жалобы.

И здесь-то пятнадцатилетняя стена страха и молчания дала трещину. Писатели, преподаватели университетов, юристы начали открыто выражать свое мнение, подписывая письма и петиции с требованиями свободы слова, снятия цензуры, соблюдения законов, прекращения репрессий и т. п. Несколько таких открытых писем было направлено самому шаху. В последние месяцы 1977 г. возникли различные союзы, ассоциации и комитеты интеллигенции, среди которых выделялись Союз писателей Ирана, Ассоциация иранских юристов, Иранский комитет в защиту прав и свобод человека. Проведенные ими собрания и пресс-конференции собрали тысячи человек. Широко распространялись магнитофонные ленты с записями имевших место дискуссий.

Смелость, с которой выступила в последние месяцы 1977 г. иранская интеллигенция, отчасти объясняется совпадением во времени шахской программы «либерализации» и антикоммунистической в своей сущности кампании президента США Джимми Картера в защиту «прав человека», что породило надежды на поворот в политике Соединенных Штатов по отношению к Ирану. Между тем во время своего визита в Тегеран в канун Нового, 1978 г. Картер лишь кратко и как бы невзначай коснулся темы «прав человека» и превзошел прежних президентов в похвалах шаху. Возмущенные и потрясенные таким поведением, некоторые группы интеллигенции провели антиамериканские демонстрации и распространили листовки, в которых привлекалось вни-

мание Картера к проблеме прав человека в Иране. Одна из этих листовок имела подпись «Национальный фронт».

Именно в эти дни фактически открыто вступил на политическую арену Национальный фронт, чьи прежние демократические лозунги, не лишённые изрядного платонического налета, в новых условиях выразили настоящие практические потребности, хотя сама организация уже не пользовалась былой популярностью. В ней существовали различные течения: от левых, требовавших ликвидации монархии, до умеренных, выступавших за ее сохранение в конституционной форме. Лидер организации Карим Санджаби неоднократно высказывался о необходимости «строго придерживаться конституционных методов», призывал к «эволюции, а не революции». В целом же НФ по-прежнему представлял главным образом интересы служилой части «средних городских слоев» и объективно отражал потребность в относительно широком и массовом развитии капитализма.

Усилились волнения и среди студентов. С октября 1977 г. почти не прекращались демонстрации и даже забастовки студенчества крупных университетов и большинства высших учебных заведений страны. В ответ на это власти закрыли многие вузы.

Весьма активную деятельность развернула религиозная оппозиция. Высланный еще в 1964 г. из Ирана и живший в эмиграции в Ираке, аятолла Р. Хомейни не переставал с тех пор выступать против шахской тирании и засилья американского империализма. В своих выступлениях он руководствовался идеей создания в Иране «исламской республики», обеспечивающей более или менее равномерное распределение богатств и ликвидацию экономической зависимости страны. В качестве первоочередной задачи ставилась ликвидация последствий наиболее вопиющих злоупотреблений режима, в частности освобождение политзаключенных, увольнение со службы прошахских элементов, ликвидация САВАК, сокращение громадного военного бюджета, направление доходов от нефти на нужды экономического развития. Первостепенное внимание предполагалось уделить возрождению сельского хозяйства и улучшению положения крестьян, переоценке внешней торговли путем аннулирования не соответствующих интересам на-

рода контрактов и соглашений с империалистическими державами, развитию промышленности на самостоятельной основе.

Большинство находившихся в Иране оппозиционных религиозных лидеров в целом придерживались более умеренных позиций в вопросах внутренней политики. Многие из них считали неприемлемой саму идею республиканской формы правления. В своих выступлениях они ограничивались требованиями конституционной монархии путем восстановления положений конституции 1906 г. и усиления роли религии в политической жизни в рамках положения этой конституции о контроле духовенства над тем, чтобы законы страны соответствовали принципам ислама. Вместе с тем в обстановке растущей популярности Хомейни среди широких масс населения умеренные круги религиозной политической оппозиции, так же как и либеральное течение светской оппозиции, опасаясь лишиться народного доверия, не рисковали открыто высказывать свое недовольство ни радикальными аспектами его позиции, ни проявляемой им склонностью к авторитаризму.

Активность религиозной оппозиции, развернувшей энергичную политико-организационную деятельность в мечетях, и то влияние, которым она пользовалась в народе, постепенно выдвинули ее на руководящую роль в нараставшей антишахской и антиимпериалистической борьбе. Если выступления либерально настроенной интеллигенции происходили в целом в легальных формах и захватывали в основном образованную городскую прослойку, то духовенство готовило к прямой конфронтации с государственной властью широкие массы населения.

Развернувшееся в стране в последние месяцы 1977 г. демократическое движение, значительно обогнав и перекрыв начатый «сверху» процесс «либерализации», ознаменовало переход революционной ситуации к своей высшей фазе — общенациональному политическому кризису. Революционная ситуация переросла в революцию.

Искрой, вызвавшей взрыв, за которым последовало открытое вступление на арену политической борьбы широчайших масс населения, послужила опубликованная 7 января 1978 г. официальной газетой «Эттелаат» статья о Хомейни, которую шиитское духовенство сочло вред-

ной и клеветнической. 9 января в «священном» городе Куме по призыву духовенства состоялась демонстрация, в которой участвовали почти 4 тыс. студентов религиозных учебных заведений и их единомышленников; они требовали упразднения авторитарной монархии и замены ее конституционным правлением. Демонстрация закончилась кровопролитием: войсками были убиты десятки и ранены сотни человек.

События в Куме явились фактически началом народной революции в Иране. После расстрела состоявшейся там демонстрации через каждые 40 дней (в соответствии с мусульманским обычаем отмечать конец траура) поднимались одни города за другими. В борьбу включались все новые и новые слои населения. Партия «Растахиз» на каждую вспышку народного недовольства пыталась отвечать митингами, но это не смогло остановить рост движения, тем более что начался массовый уход из партии рядовых членов. В ходе демонстраций выдвигались и такие лозунги: «Хлеба, воды, жилья, электричества... и свободы!»¹. В знак протеста против расстрела демонстрантов повсюду закрывались лавки, магазины, а подчас и полностью все базары. К осени 1978 г. движение охватило более 20 городов.

Характерной чертой народного движения на этом этапе было постепенное вовлечение в него пролетариата (в основном кустарных предприятий), выступления которого проходили пока еще в общем русле организуемых духовенством религиозных шествий и манифестаций. Но имели место и случаи самостоятельных действий. Так, в марте 1978 г. забастовавшие рабочие одной из водонапорных станций, снабжающих Тегеран водой, заняли помещения станции. На плакатах, вывешенных на ограде, было написано: «Мы благодарим шаха за все его благодеяния. Мы счастливы. Нам не хватает лишь хлеба и крова»².

Правящие круги шли на отдельные незначительные уступки в надежде сохранить контроль над положением. В январе 1978 г. приказом шаха члены его семьи были обязаны перевести свою недвижимую собственность в стране в Фонд Пехлеви. Эта мера, которой предшествовал принятый еще в сентябре 1977 г. шахский декрет, запрещающий им вести коммерческие дела с правительством и контролировать благотворительные

организации, была принята в ответ на повсеместную критику семейства Пехлеви за коррупцию и другие незаконные способы обогащения. В июне 1978 г. известный своей жестокостью начальник САВАК генерал Нематолла Насери был заменен «либеральным» генералом Насером Мокаддамом.

К августу 1978 г. шах был вынужден отказаться от кампании против духовенства, в ходе которой он обвинял его в мракобесии, обскурантизме и сговоре с «подрывными марксистскими элементами», и удовлетворить некоторые второстепенные требования религиозных деятелей. Некоторые министры и ряд высших чиновников были заменены людьми, более приемлемыми духовенству. В связи с введением (хоть и ограниченной) свободы печати даже такие газеты, как «Эттелаат» и полуофициозный рупор политики «либерализации» «Кейхан», помещали на первых страницах огромные фотографии Хомейни. Тогда же правительство приняло постановление о закрытии игорных домов и других увеселительных заведений, переводе иранского календаря на мусульманское летосчисление, а также заявило о готовности уважать законы ислама. Однако духовенство отказывалось довольствоваться этими изменениями и продолжало требовать восстановления конституции 1906 г. и создания такой системы правления, при которой будут царить «социальная справедливость» и политические свободы.

Кульминационным пунктом первого этапа народной революции в Иране явились массовые демонстрации в начале сентября 1978 г. одновременно почти во всех крупных городах страны, охватившие сотни тысяч, а в Тегеране около 1 млн. человек. В ходе этих демонстраций впервые наблюдались отдельные случаи братания народа с солдатами-призывниками. 6 сентября правительство объявило о решении пресекать со всей строгостью все не разрешенные властями сборища на улицах. Тем не менее на следующий день народные массы, воодушевленные атмосферой революционного подъема, вновь вышли на улицы, не придав значения предостережениям умеренной оппозиции о возможности активного вмешательства армии в события. 8 сентября, уступая давлению военных — сторонников «жесткого курса», правительство объявило военное положение в 12 городах. Спустя несколько часов в Тегеране произошли но-

вые демонстрации, в ходе которых их участники проявили поразительное самопожертвование и готовность принять мученический венец, завещанный шиитскими святыми. Войска потопили демонстрации в крови. Этот день был назван в народе «черной пятницей».

Несмотря на военное положение и массовые расправы властей, результатом которых были тысячи жертв, народное движение практически не затихало ни на один день. Начался второй этап революции: наряду с продолжающимися демонстрациями основной формой борьбы стали забастовки рабочих и служащих нефтяной и других отраслей промышленности, транспорта, почты, телеграфа, банков, ряда министерств и правительственных ведомств, частных учреждений, преподавателей, а также бойкот занятий студентами и учащимися. Все социальные слои выдвигали не только экономические, но и политические требования: отмена военного положения, освобождение политических заключенных, строгое соблюдение положений конституции, обеспечение всех прав и свобод и т. д. Среди народных масс постепенно зрело сознание необходимости полной ликвидации монархического режима. Движение охватило практически всю страну, парализовав основные экономические центры. Утечка капиталов из Ирана оценивалась западной прессой в 50 млн. долл. в день. Прекращение экспорта нефти за короткое время обошлось казне в несколько миллиардов долларов. Французская газета «Матэн» 3 ноября 1978 г. писала: «Продолжение забастовок в гораздо большей степени, чем демонстрации, может привести к полному развалу режима». Рабочий класс на новом этапе фактически становился решающей силой революции.

Вслед за введением военного положения наряду с краткосрочными арестами некоторых оппозиционных деятелей власти арестовали десятки высокопоставленных чиновников, бизнесменов и деятелей САВАК по обвинению в коррупции. В начале октября была распущена партия «Растахиз» и разрешено создание новых партий, действующих «в рамках конституции». Начали выходить некоторые закрытые ранее властями газеты и журналы. Из тюрем были освобождены большие группы политических заключенных, повышена на 25—50% зарплата рабочим и служащим государственного сектора, предоставлены льготы низкооплачиваемым катего-

фиям населения и премия в 20% занятым на тяжелых работах, объявлено о некотором сокращении планов закупок западного оружия и т. п. Назначенная шахом специальная комиссия должна была определить размеры состояния правящей семьи и выявить случаи финансовых злоупотреблений со стороны ее членов.

Применяя свою обычную политику «кнута и пряника» для раскола оппозиционных сил, правительство использовало с этой целью их разнородный характер и отсутствие у отдельных групп четкой политической программы. После введения военного положения в рядах оппозиции открыто проявилось довольно значительное умеренное крыло, отдельные представители которого выступили даже с осуждением некоторых прошлых «экстремистских» действий, якобы «провоцировавших» власти на репрессии и «замедливших» темпы «либерализации». Некоторые из таких оппозиционеров стали прямо высказываться за необходимость «во избежание кровопролития» добиваться в рамках мирных, «конституционных» средств продолжения «сверху» процесса «либерализации» для перехода к конституционной монархии и даже выражали в той или иной форме несогласие с требованием отречения шаха от престола, выдвигавшимся Хомейни, который продолжал вдохновлять из-за рубежа сторонников радикализации антишахской борьбы. С высказываниями такого рода в сентябре 1978 г. выступали руководитель Национального фронта Карим Санджаби, член Исполкома ИФ Шахпур Бахтияр, лидер шиитского духовенства в Иране аятолла Казем Шариат-Мадари и др.

В обоснование своей позиции умеренные представители политико-религиозной оппозиции ссылались не только на опасность правого военного переворота, но и на «геополитическое положение» Ирана. Последний тезис прикрывал боязнь ухудшения отношений с США, равно как и общие прозападные симпатии. Даже М. Базарган, основатель Движения за свободу Ирана, происламской организации, поддерживавшей в основном деятельность Хомейни, заявил о несогласии с мнением аятоллы о тесной взаимосвязи борьбы против деспотизма с борьбой против американского империализма, поскольку первая из этих задач якобы должна была доминировать над всеми остальными.

«Геополитика» стала модным словом в кругах умеренной прозападной оппозиции в связи с неоднократными заявлениями президента США о твердой поддержке существующего режима и появлением в западной прессе сообщений о возможности американского военного вмешательства. Печать США и других империалистических государств была заполнена сентенциями о «катастрофических последствиях» событий в Иране для снабжения западных стран иранской нефтью, экспорта из них оружия и, следовательно, для их платежных балансов. Высказывались опасения и за судьбу подписанных шахским режимом многомиллиардных контрактов. Одновременно усиленно муссировались тезисы о «безопасности» Ближнего и Среднего Востока и всего «свободного мира», не обходившиеся без обычных в таких случаях антисоветских инсинуаций.

В этих условиях Советский Союз выступил с заявлением о недопустимости вмешательства извне во внутренние дела Ирана кого бы то ни было в любой форме и под каким бы то ни было предлогом. Отвечая на вопрос корреспондента «Правды», Генеральный секретарь ЦК КПСС и глава Советского государства Л. И. Брежнев заявил, что в Иране «имеют место события чисто внутреннего порядка, и решаться связанные с этим вопросы должны самими иранцами»³. Это решительное заявление полностью отвечало законным чаяниям и стремлениям иранского народа самостоятельно решать свои внутренние дела.

Хомейни, со своей стороны, резко осудил умеренную оппозицию. 8 октября 1978 г., на следующий день после своего прибытия в окрестности Парижа, куда он вынужден был переехать ввиду отрицательной позиции шаха и иракских властей относительно его дальнейшего пребывания в Ираке, Хомейни писал: «Нет существенной разницы между сторонниками правительства и теми, кто по соображениям оппортунизма и в силу своего двуличия превратился в оппозиционеров, поднимает шумиху и говорит о свободных выборах и осуществлении конституции: их общая цель состоит в том, чтобы сохранить шаха и увековечить грабеж наших богатств. Нужно разбить цепи господства и освободиться от такого позорного положения, при котором нами командуют иностранные советники; нужно поощрять всеобщее вос-

стание и проявлять бдительность в отношении провокаций»⁴.

Решительные разоблачения Хомейни, распространившиеся в Иране в виде листовок в сотнях тысяч экземпляров и магнитофонных лент, сорвали начавшиеся было закулисные контакты правительства с представителями умеренной оппозиции.

Но решающую роль в дальнейшей активизации антимонархических выступлений в Иране наряду с зажигательными призывами Хомейни сыграли сами народные массы. «Вашингтон пост» 31 октября 1978 г. писала: «Сейчас совершенно неясно, могут ли умеренные руководители удержать своих сторонников под контролем. Совсем наоборот: складывается впечатление, что духовенство, желающее сотрудничать с правительством, не может это сделать, поскольку религиозным лидерам приходится все время поспевать за требованиями, выдвигаемыми теми, кем они теоретически должны руководить».

Расширение и углубление народного движения сорвали попытки правительства договориться с умеренной оппозицией. В то же время Хомейни отказался встретиться с шахскими эмиссарами в Париже и отверг все варианты предлагавшихся ему соглашений. Лидер НФ Санджаби, прибывший в конце октября 1978 г. во Францию с целью убедить Хомейни во избежание хаоса или гражданской войны в Иране занять менее непримиримую позицию, после встречи заявил о полном согласии с аятоллой и подчеркнул, что не будет участвовать в правительстве до тех пор, пока в стране будет сохраняться монархия. Со своей стороны, аятолла Шариат-Мадари заявил, что окончательной целью борьбы иранского народа и духовенства является ликвидация деспотического режима, и отметил идентичность своих позиций с точкой зрения Хомейни по вопросу установления в стране «справедливого исламского порядка». Однако он имел в виду не создание «исламской республики», а лишь то, что в соответствии с конституцией законы страны должны базироваться на принципах ислама, а наблюдение за этим должны осуществлять религиозные руководители. Вместе с тем в унисон с высказываниями Хомейни Шариат-Мадари заявил, что в случае, если народ не добьется своих целей мирными средства-

ми, он создаст собственную армию и начнет «священную войну» с правительством.

Изменение позиции умеренных кругов, которые до сих пор ограничивались в своих требованиях лозунгом установления конституционной монархии и лишь в наиболее острые моменты борьбы заявляли о необходимости отречения шаха в пользу его сына, значительно осложнило положение властей. В правящих кругах, постоянно консультировавшихся с представителями США (помогавшими ранее шаху устанавливать контакты с Санджаби и Шариат-Мадари), сложилось мнение о необходимости создать военное правительство. Воспользовавшись бурными демонстрациями в столице, в ходе которых была предана огню деловая часть Тегерана (армия оставалась безучастным зрителем), шах привел к власти 6 ноября 1978 г. военный кабинет во главе с начальником штаба верховного главнокомандующего генералом Г. Азхари. Этот шаг был объявлен последней и единственной возможностью продолжать политику «либерализации».

Новое правительство арестовало еще ряд деятелей режима, в том числе бывшего премьер-министра А. Ховейду, в течение 13 лет бессменно занимавшего пост главы правительства, и начальника САВАК генерала Н. Насири, руководившего этой тайной полицией 12 лет. Арестованный одновременно Санджаби через месяц был освобожден. В это же время власти объявили о новом сокращении расходов на вооружение и целый ряд крупных проектов, в частности в области ядерной энергетики. Шах распорядился 10 декабря, в международный День прав человека, освободить тысячу заключенных и обещал, что во избежание «прошлых ошибок, гнета и злоупотреблений» после восстановления стабильности военный кабинет уступит место гражданскому правительству, которое будет представлять широкий круг политических группировок и проведет летом 1979 г. подлинно свободные выборы в парламент. Вместе с тем шах объявил о повышении жалования военным на 23% и обещал новую прибавку весной на 12,5%.

Действия монархии вызвали колебания в умеренных кругах оппозиции. В ответ на призывы властей прийти к компромиссу некоторые представители этих кругов выдвинули предложение об отречении шаха от престола

и учреждении регентства (такой позиции придерживался, в частности, и Базарган). Некоторые из них при этом предлагали объединить ряды оппозиции в Иране, с тем чтобы противостоять Хомейни, высказывания которого якобы не позволяли оппозиции проявить даже тактически целесообразную гибкость в отношениях с правительством. Были, однако, и такие деятели, которые считали возможным искать компромиссное решение на путях сохранения шаха во главе государства как конституционного монарха.

Однако решительные действия широких трудящихся масс, выдвигавших лозунг «Компромиссы — дело рук предателей», по-прежнему срывали замыслы умеренной оппозиции, а также правящих кругов и поддерживающих их американских империалистов. В ходе продолжающихся и углубляющихся всенародных выступлений наряду с требованиями установления «исламской республики» широчайшее распространение и популярность приобрели антиимпериалистические лозунги: «Янки, убирайтесь домой!», «Империалисты, вон из Ирана!» и т. п. Переплетение антимонархических и антиимпериалистических настроений в народном движении нашло отражение в обычном для лозунгов демонстрантов в ноябре — декабре 1978 г. словосочетании «американский шах». В ряде случаев имели место поджоги и погромы ирано-американских учреждений. В кварталы, населенные специалистами из США, забрасывались зажигательные бомбы. На нефтепромыслах распространялись листовки, требующие выдворения всех иностранцев из страны. В декабре начался массовый «исход» американских граждан из Ирана.

Примечательной особенностью всенародных выступлений в конце 1978 г. стала своеобразная форма антикапиталистической борьбы: были совершены поджоги около 1400 отделений банков, в которых, по словам иностранных корреспондентов, мусульмане видели символ разлагающего влияния Запада, левые — аванпосты капиталистической эксплуатации, а население в целом — столпы финансового угнетения. К прежним требованиям (ликвидации монархии, роспуска САВАК и т. п.) добавлялись новые — аннулирования договоров с империалистическими державами и проведения коренных демократических преобразований в интересах трудящихся.

Особую активность, как и прежде, проявлял рабочий класс. После некоторого перерыва на нефтепромыслах с начала декабря с новой силой разгорелась забастовочная борьба, несмотря на проведенное правительством увеличение заработной платы. 12 декабря газета «Вашингтон пост», назвав новую забастовку «чисто политической», квалифицировала ее как «широкое экономическое наступление оппозиции». Попытки властей силой, с помощью воинских подразделений, принудить нефтяников приступить к работе оказались безрезультатными. И только после призывов представителей оппозиции, в частности выехавшего по поручению Хомейни в район нефтепромыслов Базаргана, рабочие возобновили добычу нефти в размерах, необходимых для удовлетворения некоторых внутренних потребностей страны. Взяв при этом на себя функции контроля за распределением нефтепродуктов, они резко ограничили поставки на нужды армии и сил безопасности. Правительство было вынуждено закупать недостающую часть нефти за границей.

Промышленный пролетариат продемонстрировал в этот период высокую боеспособность и организованность, почти повсеместно отвергая навязанных ему «сверху» руководителей профсоюзов и создавая собственные боевые стачечные и заводские комитеты, выступающие с позиции защиты общенациональных интересов. Попытки иранских властей с помощью ЦРУ обезглавить рабочее движение успеха не имели. Интересно в этой связи сообщение американского журнала «Нью рипаблик» от 18 ноября 1978 г. Должностные лица США, писал журнал, «знали, что бастующие нефтяники хорошо организованы и выступают широким фронтом, применяя одинаковую тактику и выдвигая одинаковые требования в самых различных местах... однако признавались, что ни посольство Соединенных Штатов, ни ЦРУ не смогли дознаться, кто возглавляет рабочих»⁵. Первый секретарь ЦК Народной партии Ирана Нуреддин Киянури позже говорил, что рабочие-нефтяники действовали по директивам партии.

Определенным влиянием среди рабочих пользовались также организации «федаинов» и «моджахединов», активизировавшиеся с подъемом общенародной антимонархической и антиимпериалистической борьбы. Их

деятельность в этот период протекала в русле совместных выступлений всех оппозиционных сил, между политическими представителями которых, несмотря на серьезные разногласия по вопросам о методах и перспективах борьбы, в тактических целях поддерживались неофициальные связи. Авторитет религиозных лидеров побуждал «федаинов» и «моджахединов» воздерживаться от сколько-нибудь активных самостоятельных действий, хотя имевшие место отдельные вооруженные акции предпринимались, возможно, их ячейками, слабо связанными друг с другом.

Однако подобные акции в целом носили изолированный характер. Под влиянием духовенства население использовало, как правило, разнообразные формы традиционного иранского ненасильственного сопротивления. Радикальная религиозная оппозиция полагала, что с помощью таких средств, не прибегая к вооруженной борьбе, можно будет смести монархию. Даже состоявшиеся в дни мусульманского траура 11—12 декабря 1978 г. грандиозные демонстрации прошли исключительно мирно и дисциплинированно. Специальные уполномоченные с повязками на руках поддерживали порядок. Со своей стороны, командование армии иногда отдавало приказы солдатам воздерживаться от использования оружия или же стрелять в воздух над головами демонстрантов. Все это до некоторых пор создавало обстановку «войны нервов», преимущество в которой в решающие моменты, казалось бы, оставалось на стороне военной силы и «партии порядка».

Таким образом, не отказываясь от репрессивных действий, правительство продолжало тактику маневрирования. Во исполнение политики «либерализации» газетам иногда разрешалось публиковать полные отчеты о массовых волнениях, а телевидению — транслировать выступления оппозиционных депутатов в меджлисе, хотя вновь была восстановлена строжайшая цензура, а затем и вовсе закрыто большинство газет. Войска подчас больше использовались для сдерживания демонстрантов, чем для активного подавления, но количество жертв с каждым днем росло, превысив несколько тысяч. Число освобождаемых заключенных иногда превышало количество осуждаемых, однако общая численность содержащихся под арестом практически не сократилась.

Действуя по принципу «разделяй и властвуй», власти продолжали закулисные контакты с умеренными общественными и религиозными деятелями с тем, чтобы изолировать радикальных. Однако вероятность какого-либо соглашения становилась все более иллюзорной. 12 декабря 1978 г. газета «Монд» писала: «В начале месяца некоторые либералы были готовы участвовать в правительстве, которое подготовило бы свободные выборы в учредительное собрание, провело бы референдум. Сегодня они уже не могут, не рискуя политическим самоубийством, думать об этом, хотя в глубине души являются сторонниками конституционных методов». Указывая далее, что попытки сговора между либералами и властями «уже стали анахронизмом», газета отмечала: «Иран, парализованный экономическими и политическими забастовками, вступил в революционную эру».

Тем не менее отдельные представители умеренно настроенной светской оппозиции еще надеялись на возможность компромисса и продолжали закулисные контакты и переговоры с шахом. Последний в ходе этих контактов упирал на то, что продолжение «хаоса» и «беспорядков» затруднит ему сохранение контроля над армией и откроет путь к военному перевороту. Ведущиеся за сценой переговоры сопровождались и открытыми заявлениями шаха о том, что национальное единство под его руководством — единственный способ осуществить «демократические реформы».

В конце второй декады декабря 1978 г. один из деятелей Национального фронта, Голам Хосейн Садеги, бывший министр в кабинете Мосаддыка, согласился сформировать гражданское правительство «национального примирения» при условии выполнения следующих требований: предоставление полной свободы для политических партий и печати, отказ от военных трибуналов и передача всех судебных функций министерству юстиции, ограничение полномочий САВАК, расследование вопроса о личных богатствах шаха.

Однако Садеги не удалось сформировать правительство. Определенную роль в этом сыграло публичное предупреждение Санджаби, что формируемый кабинет не может рассчитывать на сотрудничество Национального фронта. Но немалое значение имело и нежелание шаха облечь Садеги реальной властью. В конце концов

Садеги заявил шаху, что пока тот остается в Иране, сформировать гражданское правительство невозможно.

В конце декабря 1978 г. миссию сформировать гражданский кабинет взял на себя Ш. Бахтияр, занимавший второе место в руководстве Национальным фронтом. Западная печать расценила поручение шаха Бахтияру возглавить правительство как отчаянную попытку удержаться на престоле даже ценой отказа от значительной доли власти. 4 января 1979 г., еще до формирования кабинета, Бахтияр выступил на пресс-конференции с обещанием отменить законы военного времени, ввести свободу печати и партийной деятельности, освободить политических заключенных, упразднить САВАК, прекратить продажу нефти Израилю и ЮАР, выйти из военного блока СЕНТО, отказаться от выполнения Ираном роли «жандарма» Персидского залива, аннулировать большинство контрактов на закупки оружия. В отношении шаха Бахтияр сообщил, что он скоро выедет за границу «на лечение», а в его отсутствие страной будет править регентский совет.

В Иране и за рубежом мало кто был уверен, что миссия Бахтияра увенчается успехом, тем более что Национальный фронт исключил его из своих рядов, а революционные силы с конца 1978 г. стали применять новую тактику (стычки с армией, поджоги танков и автомашин, разоружение отдельных отрядов, перекрытие дорог, порча дорожных знаков, использование против войск камней, кирпичей и зажигательных бомб и т. д.), свидетельствующую о возможности перехода от методов воинственного ненасилия к вооруженным средствам борьбы. К тому же в армии участились случаи неповиновения солдат приказам, дезертирства и открытые бунты. И тем не менее Бахтияру удалось сформировать правительство, главным образом из технократов, поскольку почти никто из деятелей оппозиции не рискнул войти в кабинет. Правда, действия Бахтияра пользовались молчаливой поддержкой тех, кто, опасаясь усиления сторонников военного переворота в правящем лагере и левого крыла в революционном движении, проявлял заинтересованность в ослаблении или нейтрализации крайних элементов среди обеих борющихся сторон.

Большинство из провозглашенных 4 января мер но-

вое правительство стало сразу же проводить в жизнь. Но первой своей задачей Бахтияр считал отъезд шаха за границу и упорно добивался этого. Однако его неоднократные заявления о предстоящем выезде монарха опровергались двором. Отъезду шаха препятствовал высший генералитет, выступавший против создания гражданского правительства и угрожавший в случае отказа монарха от власти совершить государственный переворот. В этих условиях Вашингтон, уже почти примирившийся с фактическим падением династии Пехлеви, направил в Иран заместителя главнокомандующего вооруженными силами США в Европе генерала Роберта Хайзера, хорошо знакомого с высшим командным составом иранской армии. Ему удалось добиться согласия генералитета на создание нового гражданского правительства, причем самые упорные генералы были смещены или переведены в отдаленные районы. Реорганизованный комсостав иранской армии согласился поддерживать Бахтияра, тем более что он, требуя безотлагательного отъезда шаха, не настаивал в данный момент ни на его отречении от престола, ни на проведении референдума по вопросу о монархии. И все же шах покинул страну (16 января 1979 г.) только после того, как меджлис большинством голосов утвердил новое «законное» правительство. Функции главы государства были переданы регентскому совету из семи назначенных шахом членов. Показательно, что об отъезде шаха было объявлено не в Иране и не им самим, а в США государственным секретарем Сайрусом Вэнсом.

С этих событий первой половины января 1979 г. можно датировать новый, третий этап народной революции, на котором власть оказалась в руках представителя умеренного прозападного крыла светской оппозиции. Однако, поскольку в сложившихся условиях сама эта группировка предпочитала оставаться в оппозиции и к новому премьеру, Бахтияр, по существу, представлял старую, монархическую власть и, более того, в глазах революционных сил был просто-напросто шахским ставленником. Корреспондент французского еженедельника «Нуэль обсерватер», сообщая о намерении Хомейни считать новое правительство Бахтияра незаконным, назначить новое, революционное правительство, в эти дни писал из Тегерана: «Национальному фронту это совсем

не нравится, но он не смеет ничего сказать, так как сейчас тот, кто выступает против аятоллы Хомейни, лишается всякой поддержки населения. И хотя Национальный фронт вступил в союз с религиозными лидерами, чтобы свергнуть шаха, нужно выступать в союзе с ними, чтобы свергнуть Бахтияра, этого предателя, который бросил Национальный фронт, чтобы действовать самостоятельно. В связи с этим увеличивается число выражений преданности аятолле Хомейни». Далее корреспондент сообщал о других проявлениях разногласий между религиозной и светской оппозицией: первая считала себя единственным руководителем народного движения, вторая вынуждена была следовать за духовенством, опасаясь обвинений в сотрудничестве с тайной полицией или с «коммунистами»⁶.

Основное содержание нового этапа революции составляло противоборство двух политических платформ: программы Хомейни, предусматривавшей продолжение народной революции «снизу» вплоть до создания «исламской республики» с ее религиозно-эгалитарным идеалом, и программы Бахтияра, направленной на осуществление «революции сверху», ограничивающей движение либерально-демократическими рамками. 14 января корреспонденты информационных агентств почти одновременно передали два сообщения: обращение Хомейни к иранскому народу из парижского пригорода Нофль-ле-Шато и программу правительства Бахтияра из Тегерана.

В обращении Хомейни сообщалось о создании им «согласно нормам закона и волеизъявлению подавляющего большинства народа» Исламского революционного совета, который назначит временное правительство для выполнения следующих задач: проведения выборов в учредительное собрание и принятия конституции «исламской республики»; проведения парламентских выборов в соответствии с новой конституцией; передачи власти вновь избранному парламенту. Существующие правительство и парламент объявлялись незаконными, армия призывалась воспрепятствовать возможному государственному перевороту, а народ — продолжать демонстрации и забастовки.

Программа Бахтияра, рассчитанная на «непосредственное будущее», в дополнение к обещаниям, высказан-

ным им на пресс-конференции 4 января, предусматривала проведение судебных процессов над расхитителями государственных средств, лицами, виновными в нарушении прав населения, и агентами САВАК, допускавшими «противозаконные действия», в специальных судах, которые будут созданы по новому законодательству; выплату «разумной компенсации» политзаключенным, а в случае их гибели — родственникам; присвоение официального титула «мучеников» лицам, погибшим в последних событиях, и выплату компенсации их родственникам. Несколько позже правительство Бахтияра объявило об аннулировании заказов шаха на вооружение в размере 7 млрд. долл. (из 12 млрд.) и выходе Ирана из военного пакта СЕНТО. Впоследствии в ходе противоборства с Хомейни Бахтияр проявлял склонность пойти и на референдум по вопросу о монархии. Предусматривая проведение летом 1979 г. выборов в парламент, он призывал оппозицию объединиться в партии, а пока создать нечто вроде «теневых кабинетов».

Это была, по существу, программа «перехвата» тех требований революционных сил, которые не выходили за либерально-демократические рамки. Американский профессор Ричард Фолк писал, что в беседе с ним Бахтияр «выражал тревогу по поводу возникшей ситуации, заявив, что программа Хомейни туманна и опасна, что она — орудие в руках коммунизма и гораздо менее выгодна для страны, чем его собственная программа установления в Иране упорядоченной либеральной демократии»⁷. Выступая 21 января по телевидению, Бахтияр утверждал, что является самым влиятельным из последних иранских премьер-министров (подразумевая под этим, что предыдущие премьер-министры были шахскими марионетками) и что стране сейчас представился великолепный случай двинуться вперед по пути «к подлинно демократической системе, основанной на священных принципах ислама». В обращении к народу по радио Бахтияр спрашивал: «Хотите ли вы, чтобы на смену прежнему деспотизму пришла новая тирания?» Кроме того, он утверждал, что «кардинал не может заменить премьер-министра»⁸. Таким образом, в планируемой Бахтияром либерально-демократической структуре государства деятельность духовенства должна была быть ограничена чисто религиозной областью.

Но сам Бахтияр был премьер-министром лишь по названию. По призыву Хомейни многие депутаты меджлиса и члены регентского совета ушли в отставку. Дело дошло до того, что забастовали служащие не только всех министерств, но и канцелярии премьер-министра. В демонстрациях в отдельные дни участвовало почти все пятимиллионное население Тегерана. Случаи братания солдат с демонстрантами переросли в участие больших групп военнослужащих в народных манифестациях.

Примечательной чертой третьего этапа революции явилось постепенное возникновение в стране двоевластия. Наряду с бессильным правительством Бахтияра, лишь номинально поддерживаемым армией и США, повсеместно создавались революционные исламские комитеты, зачастую со штаб-квартирами в мечетях. Они регулировали работу транспорта, уборку мусора, распределение среди бастующего населения продовольствия (которое торговцы поставляли по низким ценам или даже бесплатно). После 1 февраля, когда в Тегеране был создан Временный комитет исламской революции, получивший в народе название «Комитета Хомейни», в стране (хотя и «сверху») окончательно оформился второй центр власти.

Народное движение приняло ярко выраженный революционный характер, обеспеченный решительными выступлениями рабочего класса и других слоев трудящихся, взявших на вооружение такое специфически пролетарское средство борьбы, как всеобщая забастовка. Фактически непрерывное забастовочное движение охватило более 3—4 млн. рабочих и служащих. Созданный для руководства движением Центральный координационный совет государственных и общественных организаций Ирана объединил представителей более 50 важнейших министерств, учреждений и компаний. Учитывая интересы широких слоев населения, совет решил возобновить работу в некоторых отраслях промышленности и сфере административного управления. Вместе с тем он заявил о намерении продолжать забастовки и демонстрации до полной победы, т. е. до установления в стране республиканского режима.

Правительство Бахтияра фактически было уже сметено волной революционного движения. Однако премьер

упорно цеплялся за власть, используя в качестве козыря поддержку армии, хотя ее лояльность кабинету становилась все более номинальной. Позиция высшего генералитета, несомненно, определялась и опытом прошлых месяцев, когда вооруженные до зубов воинские подразделения не могли справиться с безоружным народом. К тому же в январе — феврале 1979 г. исламские революционные комитеты, левые и леворадикальные группировки усиленно вооружались винтовками и пулеметами, частично с помощью переходящих на сторону революции армейских частей. Последний факт также, безусловно, учитывался военным командованием, которое, опасаясь чистки в своих рядах в случае полной победы революции, занимало в целом выжидательную позицию. В этих условиях для окончательного отстранения от власти правительства Бахтияра необходим был небольшой, но решительный толчок.

1 февраля 1979 г. Хомейни прибыл в Тегеран. Революционные массы оказали ему восторженный прием и проявили готовность к решительной схватке с контрреволюцией. По словам американского профессора Р. Фолка, посетившего в те дни Иран, участники демонстрации скандировали: «Вожди, вожди, дайте нам оружие!» Однако Хомейни считал возможным использовать методы вооруженной борьбы лишь в самом крайнем случае. Р. Фолк писал: «Дисциплина, установленная религиозным руководством, пока сдерживает нарастающую в народе волну гнева. Хомейни лично несколько раз... рекомендовал спокойствие, выдержку во время демонстраций и забастовок и категорический отказ от применения оружия... Все данные говорят о том, что львиная доля тех миллионов иранцев, которые в последние месяцы проявляли мужество и непоколебимость, несмотря на пущенные в ход против них пулеметы, танки и вооруженные вертолеты, будут рады возможности ответить стрельбой»⁹.

Такая тактика руководителей революции объясняется, несомненно, стремлением избежать гражданской войны. Но, судя по некоторым данным, на выборе этой тактики сказались и другие факторы, в частности отношение духовенства к левым и леворадикальным группировкам, которые, как отмечал, например, 23 января 1979 г. корреспондент газеты «Крисчен сайенс монитор»,

могли создать угрозу его командным позициям. Небезынтересно и следующее замечание Р. Фолка: гражданская война в иранских условиях «резко укрепит авторитет изолированных до сих пор террористических организаций, которые все время говорят о том, что вооруженная борьба неизбежна»¹⁰.

Признаки будущих конфликтов между исламскими революционными силами и некоторыми левыми группами обнаружались уже во время массовых демонстраций, организованных спустя несколько дней после отъезда шаха за границу. В ответ на выставленные религиозными кругами лозунги: «Мы не любим ни левых, ни правых», «Единственная партия, которую мы признаем, — это партия Аллаха» — «федаины», например, выдвинули лозунг «Ни за Аллаха, ни против Аллаха». Некоторые из них прямо говорили, что избавились от шахской диктатуры не для того, чтобы оказаться под властью диктатуры исламской. Опасаясь оказаться в изоляции от основного русла антишахских сил, вдохновляемых и руководимых религиозными лидерами, «федаины» опубликовали в Тегеране коммюнике, в котором подчеркивали важность «идеологического плюрализма» в иранском революционном движении, поскольку любые притязания на монополию могут лишь подорвать революцию.

5 февраля Хомейни объявил о создании Временного революционного правительства во главе с Базарганом. Последний, согласно уже тогда распространившимся сообщениям западных информационных агентств, ссылавшихся на «достоверные источники», установил контакты с высшими армейскими чинами и даже с Бахтияром. Газета «Гардиан» в те дни писала, что «стратегия Хомейни, по-видимому, сводится к тому, чтобы избавиться от правительства Бахтияра, лишив его конституционной базы, и одновременно попытаться прийти к соглашению с армией». «Мусульманский лидер делает упор на методы политического давления в целях обеспечения мирного перехода власти, — писала „Нью-Йорк таймс“ — Политическая борьба переместилась с улиц в кулуары парламента, где Хомейни пытается вызвать массовые отставки, чтобы лишить правительство Бахтияра легальной основы»¹¹.

Однако вопрос о власти разрешился иначе. Вечером 9 февраля 1979 г. подразделения шахской гвардии «бес-

смертных» совершили нападение на учебную базу военно-воздушных сил под Тегераном, личный состав которых накануне принимал участие в народных демонстрациях. Это нападение, которое в случае успеха могло стать прологом военного переворота, спровоцировало вооруженное восстание в столице. В ту же ночь отряды «моджахединов» и «федаинов» окружили базу, вступили в бой с шахской гвардией и к утру 10 февраля нанесли ей тяжелое поражение. 11 февраля, в ходе все еще продолжающихся боев вооруженного народа (в том числе групп коммунистов) с воинскими частями, поддерживавшими гвардейцев, Высший военный совет Ирана вынес решение о нейтралитете армии и отводе всех армейских подразделений в казармы. Вскоре военное командование объявило о своей поддержке революции. Это была фактически капитуляция.

Факты свидетельствуют, что восстание произошло стихийно, без ведома и согласия руководства политикорелигиозной оппозиции. Сам Базарган признавал в марте 1979 г.: «Нас захлестнула волна событий, и мы внезапно оказались у власти, не успев даже опомниться. Мы были к этому совершенно не подготовлены»¹². Во французской газете «Фигаро» от 12 февраля 1979 г. утверждалось, что положение в стране в решающие дни 9—11 февраля полностью вышло из-под контроля религиозной оппозиции, не направлялось и не координировалось ею. Более того, как свидетельствуют очевидцы событий, уже после начала восстания посланцы «комитета Хомейни», разъезжая по городу, непрерывно выкрикивали через мегафоны: «Имам еще не призвал к джихаду (священной войне), отправляйтесь домой!» И лишь когда появился приказ военного командования очистить улицы, Хомейни объявил его недействительным и призвал население не расходиться¹³. Указания о вооруженной борьбе так и не последовало: начатые ранее переговоры с Бахтияром и высшим военным командованием продолжались вплоть до 11 февраля.

Таким образом, революционное чутье народных масс вывело их за рамки установленных религиозным руководством форм борьбы и подвело к пониманию необходимости использовать вооруженные методы как единственное средство, способное привести к немедленному свержению старого режима. Но развитие самостоятель-

ности народа не дошло до той грани, за которой мог быть поколеблен авторитет духовенства, руководившего революцией. Спустя некоторое время после победы февральского вооруженного восстания Хомейни, со всей категоричностью назвавший происшедшие события «исламской революцией» и сам же единодушно признанный всеми символом ее, поселился в «священном» городе Куме, чтобы оттуда — из своего скромного полуторазэтажного домика — контролировать процесс создания «исламской республики». Народная революция вступила в новую фазу.

«Кумский патриарх» и другие

Революционное движение в Иране в феврале 1979 г. одержало крупнейшую политическую победу не только на антимонархическом, но и на антиимпериалистическом фронте борьбы.

Еще в ходе революционных выступлений конца 1978 — начала 1979 г. подавляющее большинство американских военных советников и гражданских специалистов, как уже отмечалось, были вынуждены покинуть страну. В первые же дни после победы февральского вооруженного восстания новое иранское правительство объявило о выходе из СЕНТО (прекратившего с этого времени свое существование), отказалось от роли «жандарма» в Персидском заливе и Индийском океане, приостановило осуществление всех проектов, связанных с подобной ролью Ирана, расторгло целый ряд военных и гражданских контрактов с США и другими империалистическими державами. Эти меры в сочетании с развалом вооруженной ультрасовременным оружием шахской армии означали ликвидацию одной из самых мощных стратегических баз империализма на Среднем Востоке.

С целью ликвидации неполноправного положения Ирана в системе мирового капиталистического хозяйства и окончательного претворения в жизнь принятого еще накануне прихода к власти правительства Мосаддыка закона о национализации нефти новый иранский режим с первых же дней фактически аннулировал соглашение 1973 г. с Международным нефтяным консор-

циумом. Новая нефтяная политика Ирана, основанная на дальнейшем повышении цен на нефть и одновременном сокращении ее добычи, позволяла стране сохранять свои нефтяные доходы на относительно высоком уровне и вместе с тем отдалять сроки возможного истощения этого важнейшего природного сырья. Поставки нефти проимпериалистическим и расистским режимам были прекращены.

Антиимпериалистическая, и особенно антиамериканская, внешняя политика нового иранского режима пользовалась поддержкой всех разнородных политических течений бывшей антишахской оппозиции. Однако дальше этого их единство практически не шло. С первых же дней победы вооруженного восстания 9—11 февраля 1979 г. в рядах ранее относительно единого революционного движения началось открытое размежевание по всем основным принципиальным проблемам внутренней политики, в особенности по вопросам проведения политических и социально-экономических преобразований.

Столь быстрое и резкое размежевание политических сил Ирана было отражением чрезвычайной пестроты классово-структурной, характерной чертой которой являлась многослойность даже каждой отдельной социальной прослойки. Незавершенность процессов социальной дифференциации иранского общества, обусловленная особенностями его развития на рельсах капитализма, определяла доминирование на политической арене не общеклассовых, а узкогрупповых интересов.

Пролетариат был разобщен условиями труда на государственных и частных предприятиях, в традиционном, полутрадиционном и современном секторах промышленности. Если на крупных фабриках и заводах основным требованием рабочих являлось участие в их управлении, то на мелких предприятиях — распространение на них системы социального страхования и других мер, которые в свое время затронули главным образом современные отрасли промышленного производства. Сохранялись различия и в политическом самосознании разных слоев пролетариата.

Подобное положение создавало немалые трудности для деятельности Народной партии Ирана, перешедшей в марте 1979 г. на легальное положение и в последующем положившей в основу своей стратегии и тактики

антиимпериалистическую направленность политики Ая-толлы Хомейни.

Различные устремления питали требования основной массы «новых» сельских мигрантов в городах — выходцев из недавно разорившегося крестьянства и многочисленных «кадровых» слоев городских «низов», в частности люмпен-пролетарских элементов. Объединяло же их общее стремление к немедленному и радикальному улучшению условий своей жизни.

Крестьянская беднота в деревнях требовала нового перераспределения земельной собственности, а зажиточное крестьянство проявляло заинтересованность главным образом в повышении закупочных цен на свою продукцию. Осуществление последнего требования без субсидирования государством цен на продовольственные товары неминуемо должно было сказаться на и без того низкой покупательной способности широких слоев населения.

Противоположные интересы разделяли и различные круги торгово-предпринимательской части «средних городских слоев». Торговцы базаров являлись рьяными сторонниками экономического «либерализма», «свободного» рынка и невмешательства государства в хозяйственную жизнь, а предпринимательские круги «средних слоев» — поборниками широкой конфискации и «социализации» крупных экономических объектов и активного использования государственного сектора в интересах мелкого бизнеса. Вместе с тем все они еще в ходе революционных выступлений 1978 — начала 1979 г. требовали отмены процентов на кредиты, ссылаясь на то, что ислам запрещает ростовщичество.

Представители «новых средних городских слоев», и прежде всего творческая интеллигенция и студенчество, в особенно острой форме испытывали разрыв между общественным сознанием и национальным общественным бытием. Это обуславливалось тем, что благодаря усилившимся возможностям так называемого демонстрационного эффекта их самосознание в значительной мере питалось факторами всемирно-исторического порядка. Узкогрупповые интересы интеллигенции и студенчества совпадали и с некоторыми задачами общенационального характера — усовершенствованием планирования, общественного обслуживания и образования, повышением

уровня здравоохранения и т. д. Подобного рода текущие интересы они сочетали с долгосрочными целями социально-политического преобразования страны, которые зачастую колебались от буржуазно-демократических устремлений до социалистических идеалов.

Эти устремления и идеалы, разумеется, по-разному проявлялись среди различных политических течений. Революционно-демократические организации «федаинов», «моджахединов» и некоторые другие из множества революционно настроенных молодежных групп выступали за создание национально-демократического или близкого к нему режима, способного направить страну на путь некапиталистического развития. Интеллигенты старшего поколения, объединившиеся в Национальном фронте и других политических организациях либерального толка, добивались продолжения капиталистической модернизации, но иными методами и путями, чем те, которые использовал шахский режим, и ратовали за установление «демократической» или в крайнем случае «демократической исламской республики», предусматривающей в той или иной форме либерализацию политической жизни на западный манер. Некоторые интеллигенты, объединившиеся во вновь созданном (но недолго просуществовавшем) левоцентристском Национально-демократическом фронте, усматривали в стремлении духовенства к созданию в Иране «исламского общества» и «исламской республики», теоретически полностью противоположных западным моделям развития, опасность установления в стране «фашистского режима».

В целом же различия между идейно-политическими позициями интеллигенции, получившей большей частью западное образование, и возродившейся исламской идеологией состояли в выборе путей и методов дальнейшего развития страны, в трактовке характера и содержания тех национальных и духовных ценностей, за возрождение которых выступали и духовенство, и большинство интеллигентов. Если исламские руководители ассоциировали эти ценности с религиозными постулатами, то патристически настроенная интеллигенция выделяла в них прежде всего традиции иранского культурного и идейного наследия, имевшего некогда большое влияние на весь Ближний и Средний Восток, и в соответствии с этим рассматривала ислам главным образом как куль-

турную традицию. Однако оторванная от масс интеллигенция не имела того влияния, которого добилось к этому времени духовенство.

При всем своем корпоративном характере духовенство также было фрагментировано различными интересами, определявшимися все той же пестротой классовой структуры, обусловленной, в свою очередь, незавершенностью процесса капиталистической дифференциации иранского общества. Политическая разобщенность духовенства, таким образом, более или менее адекватно отражала социальную аморфность общественного организма.

Активно проявившее себя еще в ходе революционных выступлений конца 1978 — начала 1979 г. умеренное крыло высшего шиитского духовенства, хотя численно и поредело, все же сохранило определенную степень влияния. Одни из умеренно настроенных религиозных лидеров были обеспокоены тем, что Хомейни может не остановиться на том ограниченном радикализме, который еще можно как-то обосновать предписаниями Корана, и перейдет к «неисламскому социализму»; другие — его фактическим переходом на позиции, уводящие к теократическому обществу. В целом же и те и другие отражали интересы тех либеральных кругов интеллигенции, представителей среднего и мелкого торгово-промышленного капитала, которые усматривали в призраках теократии и «неисламского социализма» грозное сочетание ультраконсерватизма и мероприятий в духе «коммунизма». Наиболее яркий представитель этих слоев аятолла Шариат-Мадари (оттесненный с возвращением Хомейни в Иран на второе место в шиитской иерархии) пользовался особой популярностью в населенных в основном азербайджанцами северных, экономически относительно развитых провинциях страны.

Большинство других представителей высшего шиитского духовенства в целом вполне лояльно относились к политико-экономическим и социально-культурным концепциям Хомейни. Однако их представления о практическом осуществлении этих концепций преломлялись сквозь призму социально-экономических и политических интересов самых различных общественных прослоек — радикальных кругов студенчества и вообще молодежи, экстремистски настроенной части сельских мигрантов,

городского люмпенства со свойственной ему склонностью к резкой смене своих позиций и т. д. Представителями этих слоев населения среди духовенства выступали соответственно Махмуд Талегани (скончался в сентябре 1979 г.), связанный через своих сыновей с организацией «моджахединов», Х. Монтазери, являвшийся вместе со своим сыном активным поборником посылки иранских добровольцев на юг Ливана для борьбы с Израилем, Садек Хальхали, имя которого в бытность его председателем выездных исламских революционных судов стало синонимом массовых и поспешных казней, и др.

Вместе с тем следует отметить, что более или менее полная оценка деятельности каждого представителя этого, относительно радикального крыла высшего шиитского духовенства требует конкретного подхода, ибо понятие «радикализм» (равно как и «умеренность») в данном случае нуждается в корректировке с учетом корпоративных интересов служителей культа. Одни представители духовенства (главным образом провинциального и сельского), экстремистски ставя вопрос о возврате к шиитским нормам общественной и семейной жизни, в социально-политической области занимали, как правило, консервативные, а подчас и реакционные позиции. Другие же, проявляя определенную умеренность в требованиях сугубо религиозного порядка, выступали с довольно прогрессивных позиций в вопросах социально-экономических и политических преобразований. Были и такие деятели, которые выступали за уравнительное распределение всех доходов и собственности. К ним, в частности, относились некоторые видные деятели Исламского революционного совета и Партии исламской республики (руководимой аятоллой Мохаммедом Бехешти), самой влиятельной политической силы в послефевральском Иране. Иначе говоря, в рядах этого крыла духовенства существовал широкий спектр политических течений от право- до леворадикальных.

К последнему из упомянутых течений примыкали выпускники богословских учебных заведений и многочисленные круги происламски настроенного студенчества. В частности, следует упомянуть Организацию мусульманских студентов — последователей курса имама Хомейни, получившую известность захватом 4 ноября 1979 г. американского посольства в Тегеране. Эта ак-

ция, которой предшествовали попытки отдельных групп студенчества занять брошенные крупными собственниками отели в целях их превращения в общежития, была использована организацией в качестве средства активизировать антиимпериалистические и происламские настроения в Иране и в то же время усилить собственное влияние на государственные дела.

Со специфическими требованиями выступали также различные межклассовые, межсоциальные и иные промежуточные группы (женщины, молодежь, учащиеся и т. п.), религиозно-этнические и национальные меньшинства (курды, азербайджанцы, туркмены, арабы, белуджи и т. д.), составляющие более половины населения и добивавшиеся (подчас вооруженным путем) той или иной формы внутренней автономии, разного рода политические, общественные и профессиональные организации, численность которых вскоре после февральских событий 1979 г. в одном только Тегеране перевалила за сотню. Особенно острый характер имело автономистское движение курдов, являвшееся постоянным фактором внутривнутриполитической жизни Ирана на протяжении всего послефевральского периода; в своем отказе предоставить им автономию новые власти руководствовались стремлением к полной и всесторонней интеграции мусульманской общины в стране.

Именно столкновение всех этих разнородных и взаимопересекающихся интересов и устремлений определяло общую нестабильность политической обстановки в Иране. Этим же обуславливались те противоречивые высказывания и заявления иранских правительственных и государственных деятелей и та несогласованная и часто непоследовательная политика, которую многие иностранные наблюдатели склонны были объяснять лишь некомпетентностью или же безответственностью. Положение усугублялось тем, что происходившие на этой почве скрытые конфликты и прямые столкновения, приобретавшие подчас кризисный характер и не раз подводящие страну чуть ли не на грань гражданской войны, раздувались и использовались в контрреволюционных целях ушедшими в подполье агентами САВАК, отстраненными от власти представителями высшей военно-бюрократической элиты шахского режима, прямой империалистической агентурой.

Иранский журналист Э. Ахмад следующим образом описал особенности политического развития Ирана после февральских событий: «Произошел моральный взрыв масс; наступило время надежд, ожиданий, разочарований и успехов. В течение ближайших месяцев, возможно, лет, различные интересы и идеологии будут состязаться в достижении влияния и власти, одни в стремлении сохранить старые привилегии, другие в попытках восстановить утраченные права, третьи в поисках возможностей для самовозвеличения. Национальные меньшинства, чья политическая автономия и культурная самобытность подавлялись при Пехлеви, заявят о своих правах. Женщины, подвергающиеся угнетению в мусульманских обществах, будут требовать подлинного равенства и уважения со стороны мужчин. Рабочие будут стремиться к контролю над средствами производства путем самоуправления; безземельные и лишенные собственности крестьяне будут требовать своих прав на обрабатываемые земли. Эта обстановка надежд и самоутверждения будет, несомненно, осложняться тем фактом, что старые интересы облекутся в новые обличья; новые формы могут искать признания, ссылаясь на традиции, а ислам будет привлечен на службу как революции, так и реакции; империализм, несомненно, будет сеять раздор и вызывать страх „коммунизма“ у религиозных иранцев, чтобы разделить, рассеять и свести на нет действительные и возможные завоевания революции»¹⁴.

Силой, продолжавшей до некоторой степени объединять разнородные слои участников революционного движения, являлся антиимпериализм и его живое воплощение — 79-летний аятолла Хомейни, пользовавшийся почти непререкаемым авторитетом среди большинства населения, в связи с чем западная печать называла его «кумским патриархом». Религиозный реформатор по своим мировоззренческим позициям, революционер по политическим убеждениям, Хомейни выступал в социальном плане как носитель идей популистского типа, облаченных в религиозную форму. Требование восстановления исламских норм в общественном и семейном укладах граждан он сочетал со стремлением к установлению приоритета эгалитарных принципов ислама в разработке культурных, политических, экономических и социаль-

ных программ, выдвигавшихся во имя интересов всех «обездоленных», под которыми понимались широчайшие слои населения, за исключением прямых и косвенных пособников шахского режима. Важнейшим критерием принадлежности к категории «обездоленных» являлась приверженность исламу.

Многогранность мировоззренческих и культурно-социальных установок Хомейни создавала возможность их диаметрально противоположных интерпретаций. Американский журнал «Ньюсуик» еще в дни февральского восстания писал: «Загадочность Хомейни порождает и надежды и страхи. Скептики внутри страны и за границей видят в нем антиамериканца, который изолирует свою страну от внешнего мира, лишит этот мир иранской нефти и поведет Иран по пути анархии или коммунизма. Хомейни осуждают как фанатика, который будет править, опираясь на страх, будет тиранить религиозные меньшинства и прикажет забивать камнями виновных в прелюбодеянии и отрубать руки вора. Его почитатели считают, что Хомейни очистит Иран от коррупции и иностранного влияния и восстановит исламскую мораль»¹⁵.

Высказывались и более определенные оценки проявившегося в общих концептуальных установках Хомейни соотношения традиционализма и модернизма. В американском журнале «Прогрессив» в январе 1979 г. было выражено следующее мнение: «Многие противники шаха среди религиозных руководителей отнюдь не стремятся вернуть Иран к средневековью, а хотят использовать модернизацию (технико-экономическую.— С. А.) для претворения в жизнь своих философских идеалов, в том числе обеспечить более справедливое распределение богатств в стране, ликвидацию нищеты среди народа и коррупции среди правящей элиты»¹⁶. Примерно то же писал спустя месяц упоминавшийся выше Р. Фолк: «Религиозной сутью движения Хомейни является призыв к социальной справедливости, к справедливости в распределении материальных благ, к созданию производительной экономики, основанной на национальных нуждах, к простоте в образе жизни и отсутствию коррупции, чтобы свести к минимуму различия между богатыми и бедными, правящими и управляемыми»¹⁷.

Интересен политический портрет Хомейни, нарисо-

важный корреспондентом английской газеты «Гардиан» в номере от 21 января 1979 г. Касаясь его выступлений против реформ «белой революции», корреспондент писал: «Вопреки распространенному мнению он никогда явно не нападал на идею перераспределения богатств и протестовал только против формы, в которую была облачена эта идея... Характерно, что поводом для изгнания Хомейни явились не его нападки на земельную реформу, а нападки на Соединенные Штаты... С годами Хомейни в своих выступлениях стал делать упор на социальную справедливость, на необходимость коренных перемен и на вооруженную борьбу. В одной из своих недавних книг он писал: „Ислам — религия борцов за свободу, которые выступают за справедливость и праведную жизнь, это религия тех, кто жаждет свободы и независимости, религия противников эксплуатации“... Хомейни не мулла-фанатик. Не является он и идеальным вождем масс или человеком, умеющим отлично сочетать разные интеллектуальные направления, как изображают некоторые его сторонники. Правильнее всего назвать его традиционным просвещенным вождем иранского народа, всячески старающимся приспособить свое мышление к меняющейся обстановке».

Несмотря на многолетнее пребывание в эмиграции, Хомейни тонко чувствовал пульс жизни своего народа, биение которого в конечном счете определялось деструктивным воздействием насаждавшихся «сверху» буржуазных отношений на докапиталистические структуры. Это воздействие остро ощущалось как на институциональном, так и особенно на социально-психологическом уровне. Так, разрушение в деревне в ходе аграрных преобразований старых форм взаимной помощи и поддержки, выполнявших функции своеобразного социального обеспечения, лишило огромные массы сельского населения тех преимуществ, которые вытекали из традиционных отношений, дав им взамен лишь отчужденность городской жизни в условиях капиталистической индустриализации. Стремительная ломка устоявшихся духовных традиций и самобытных культурных ценностей создала вакуум, который, естественно, стал заполняться последним из того, что оставалось у народа, — его религией. «Ислам — это все», — говорил постоянно Хомейни. «Ислам — это все», — вторили ему миллионы.

И ислам действительно был для него и средством морального самоусовершенствования человека, и орудием социального переустройства общества. А то и другое рассматривалось им в тесной взаимосвязи. Требуя от народа презирать деньги и прибыль, Хомейни призывал богатых делиться с бедными, торговцев — продавать возможно дешевле, снижать цены для бедняков, а всех мусульман — как братьев — щадить друг друга. Резко критикуя западную цивилизацию, полностью отвергая буржуазный образ жизни и капиталистический прогресс с его дроблением универсальной человеческой личности, урбанизмом и т. д., Хомейни отрицал и достижения мирового социализма как возникшие на атеистической основе. «Не правым, не левым, а исламу», «Не Западу, не Востоку, а исламу», — говорил он, и миллионы вторили ему.

Ислам уже дал им, миллионам, избавление от страха смерти: ведь кто погиб в борьбе против шаха, тот погиб как мученик. А теперь ислам обещает скорое создание «бесклассового общества», «общества всеобщей справедливости» — для этого необходима не классовая борьба, а только создание справедливых отношений между людьми. И нужно еще время, чтобы полностью выявилось объективное содержание социального утопизма этих рецептов. «Разве не естественно, — писал В. И. Ленин о социальных утопиях крестьянства, — что идущие на борьбу миллионы, веками жившие в неслыханной темноте, нужде, нищете... преувеличивают вдесятеро плоды возможной победы?»¹⁸. Отрицание широкими массами капиталистического прогресса с его «ужасами» первоначального накопления и массовой экспроприацией мелких производителей создавало благодатную почву для восприятия культурно-социальных идей аятоллы Хомейни.

Социолог из Тегеранского университета М. Котоби и парижский журналист Ж.-Л. Вандорн следующим образом писали о социально-экономических воззрениях Хомейни: «С его точки зрения, если западная техника рациональна, то о западной системе в целом этого сказать нельзя. Эта система, в частности в Иране, превратила человеческие отношения в товарные отношения. Бесчеловечности капитализма он противопоставляет свою метафизику... Экономическая система, которой он

желает, зиждется не на законах рынка и конкуренции, не на планировании и государственном контроле экономической деятельности, а на моральных принципах... Нет никакой необходимости в структурных реформах, поскольку после того, как будут изгнаны люди, испорченные старым режимом, руководителями станут люди с высокими нравственными достоинствами. Пренебрегая уроками истории, Хомейни закрывает глаза на соотношение сил, которое льет воду на мельницу тех, кто обладает капиталом, знаниями, политической властью или информацией... Горя нетерпением жить в идеальном обществе, он вносит разлад в экономические структуры еще до их преобразования благодаря глубоким реформам»¹⁹.

Последняя фраза из приведенной цитаты связана с распоряжением от февраля 1979 г. о введении для немущих слоев населения бесплатных коммунальных услуг, включая пользование водопроводом, электроэнергией и транспортом. Попытка осуществить это распоряжение вызвала новую волну притока сельских жителей в Тегеран, банкротство водопроводной и электрической компаний в Куме (где большинство населения имело низкий уровень дохода) и обострение транспортного кризиса в столице. Распоряжение пришлось отменить, равно как и указ (в соответствии с Кораном) о запрещении продажи мороженого мяса. После издания этого указа цены на мясо за один день увеличились в 2 раза. Спустя несколько дней Хомейни обратился к трудящимся с призывом к терпению, с тем чтобы дать правительству время найти выход из трудностей.

Трудности в послефевральском Иране действительно были огромны ввиду почти всеобщего экономического развала, вызванного забастовками предшествующих месяцев и утечкой капиталов за границу, невозможностью восстановить уровень промышленного производства из-за дезорганизации банковской системы, отъезда большинства иностранных специалистов, нехватки, а подчас и полного отсутствия сырья и запчастей и т. д. Безработицей было охвачено около 3—4 млн. человек.

Однако эти трудности, равно как и выдвигаемые различными общественными силами требования улучшения материального положения, Хомейни считал второстепенными. Поскольку конечная цель революции — со-

здание «исламского бесклассового общества» — могла быть достигнута главным образом путем духовного возрождения людей в исламе, постольку основной задачей должна была быть революционная перестройка моральных человеческих отношений по исламским канонам. Выполнение же различных материальных требований, по его мнению, следовало отложить на период после осуществления этой и другой первостепенной задачи — создания новой, исламской структуры государственной власти.

В соответствии с этой концепцией новое руководство Ирана главное внимание уделяло претворению в жизнь программы «исламизации» общественных и семейных отношений, сети образования и управления. В государственных учреждениях проводились одна за другой чистки, имевшие целью изгнать лиц, скомпрометировавших себя сотрудничеством с прошлым режимом и нарушивших тем самым основные каноны ислама. Наиболее видные из них приговаривались исламскими революционными судами к смертной казни. В течение двух лет было казнено более тысячи приспешников шаха из числа военной и гражданской элиты. Суровым физическим наказаниям подвергались также нарушители исламского «морального кодекса». Последний предусматривал запреты на продажу и потребление алкогольных напитков (в том числе и пива), показ кинофильмов с любовными сценами и даже танцами (в июне 1980 г. кино театры были и вовсе закрыты), трансляцию и слушание западной музыки, включая классическую, обязывал женщин носить на работе чадру и т. п. Комплекс соответствующих мер получил название «исламской культурной революции». На ее основе весной 1980 г. было начато осуществление программы «исламизации» вузов, большинство из которых было закрыто летом на неопределенный срок. В ходе выполнения этой программы в высших учебных заведениях ликвидировались также представительства всех политических организаций и группировок, идеологические платформы которых не являлись исламскими. Одновременно были запрещены всякая пропаганда и публикации, противоречащие исламу. Эти меры властей вызвали выезд из Ирана многих представителей либеральной интеллигенции и крупных государственных служащих (которым, кстати сказать,

жалованье было понижено почти вдвое), недовольных и характером создаваемого в стране политического режима.

Между тем сложившаяся в первый послефевральский период структура государственной власти в значительной мере адекватно отражала существовавшее во время революционных выступлений реальное соотношение сил в руководстве антишахской оппозиции. Назначенное Хомейни Временное революционное правительство во главе с Базарганом состояло в основном из близких к шиитскому духовенству представителей либерально настроенной интеллигенции, полагавших, что ислам должен составлять лишь внешнюю облицовку либерально-демократического по своей сути режима («демократической исламской республики»). Однако для Хомейни был неприемлем сам термин «демократия», с которым у него ассоциировались западные модели политических систем. В этих условиях назначение премьером Базаргана, пользовавшегося со времен Мосаддыка немалым влиянием среди различных слоев либеральной интеллигенции, государственных служащих, лидеров базара и — отчасти — некоторых левых сил, было, по-видимому, тактическим ходом, имевшим целью выиграть время для создания подлинно «исламского правительства». Не случайно поэтому деятельность кабинета Базаргана, не располагавшего реальной властью, была сразу же ограничена чисто исполнительными функциями, да и то под контролем духовенства.

Высшим органом государственной власти являлся фактически тайный Исламский революционный совет (ИРС), состоявший в основном из религиозных деятелей и, в свою очередь, игравший консультативную роль при Хомейни. Под руководством ИРС действовал Временный комитет исламской революции — своеобразное параллельное правительство, комиссии которого не только контролировали, но и подчас дублировали деятельность министерств кабинета Базаргана. Этому же комитету непосредственно подчинялись составленная из безработной молодежи новая вооруженная сила — Корпус стражей исламской революции, поставленный вне юрисдикции правительства, Чрезвычайный исламский революционный трибунал с разветвленной сетью исламских судов и Центральный комитет исламской револю-

ции, являвшийся (лишь номинально) штабом множества местных революционных комитетов, имевших собственные вооруженные отряды и самочинно отправлявших судебную и гражданскую власть на местах.

Сосуществование двух типов власти, возникших в ходе революции, — религиозно-теократической и гражданско-либеральной — создало в стране довольно напряженное положение. Базарган, недовольный отведенной ему ролью, как он говорил, в «стране тысячи шерифов», неоднократно подавал в отставку, но Хомейни, неофициальный глава государства, всякий раз отклонял ее: время для отставки еще не наступило. Летом 1979 г. было достигнуто компромиссное решение, предусматривающее определенное слияние двух типов власти: ряд членов правительства вошел в ИРС, а несколько членов последнего — в правительство. Некоторые ревкомы на местах были либо ликвидированы, либо включены в новую структуру местной власти, созданную после состоявшихся 12 октября 1979 г. выборов в провинциальные, городские и районные Советы.

В последующем основные усилия властей были направлены на узаконение религиозно-теократической системы власти и, казалось бы, ликвидацию гражданско-либеральной. Еще 30—31 марта 1979 г. в стране был проведен референдум, одобрявший создание «исламской республики». В начале ноября того же года Хомейни принял отставку правительства Базаргана, сохранение которого уже не диктовалось никакой необходимостью: в результате принятых в августе — октябре и последующие месяцы репрессивных мер оппозиционно настроенные к режиму либеральная интеллигенция и умеренные круги духовенства были сломлены, а большая часть левых сил перешла на полулегальное положение; с осуществлением же акции по захвату американского посольства духовенство приобрело важную политическую опору в лице Организации мусульманских студентов — последователей курса имама Хомейни. Вся полнота власти не только фактически, но уже и формально перешла к Исламскому революционному совету. Новый референдум 2—3 декабря утвердил «исламскую конституцию», предусматривавшую учреждение института «факиха» — самого достойного духовного вождя, стоящего над всем государственным и правительственным

аппаратом, а также Совета по охране конституции, призванного контролировать правительственную деятельность с точки зрения ее соответствия исламским нормам.

Однако все это означало не ликвидацию гражданско-либеральной системы власти, а лишь ее временное инкорпорирование в религиозно-теократическую структуру. Сотрудники кабинета Базаргана — члены Исламского революционного совета сохранили свои посты в ИРС. После неоднократных нападок духовенства на интеллигенцию Хомейни, проявляя, как и во многих случаях, большую гибкость, стал призывать к сотрудничеству с ней. Дело в том, что ближайшее окружение Хомейни с самого начала составляли вернувшиеся с ним из эмиграции интеллигенты — радикальные сторонники «исламской республики», в большинстве своем получившие западное образование (С. Готбзаде, А. Банисадр и др.).

После принятия «исламской конституции» интенсивно возобновился процесс создания светской либеральной системы власти, но определяющую роль в ней теперь играли не происламски настроенные либералы (типа Базаргана), а исламские радикалы из ближайшего окружения Хомейни. 25 января 1980 г. состоялись всеобщие выборы президента (религиозным деятелям было воспрещено выдвигать себя кандидатами на этот пост), которым стал 47-летний А. Банисадр, «духовный сын» Хомейни, как его называла западная пресса. Новый президент поначалу требовал ликвидации Исламского революционного совета, но вскоре указом Хомейни сам был назначен председателем ИРС, сохранение которого предусматривалось до созыва парламента. В феврале 1980 г. Хомейни, переселившийся к тому времени в связи с болезнью в Тегеран, передал Банисадру и свои функции верховного главнокомандующего вооруженными силами страны, а спустя несколько месяцев — и руководство всеми силами безопасности. В марте и мае того же года состоялись два тура выборов в парламент, которые, однако, не без содействия властей обеспечили большинство мест в этом представительном учреждении активистам Партии исламской республики, главным образом из духовенства.

Таким образом, при теоретически полном отказе от демократии западного типа в Иране в ходе политических преобразований была создана либерально-демокра-

тическая по форме, радикально-исламская по содержанию структура власти. Такого рода синтез возникших в ходе революции и в определенной мере противостоявших друг другу религиозно-теократической (с элементами прямой демократии) и гражданско-либеральной (основанной на формально-представительных принципах) систем власти, выступавших от имени «обездоленных», как бы связывал в единое целое разнородные стремления различных отрядов «средних слоев» к «исламизации», «либерализации» и «социализации».

Однако подобного рода унификация государственной структуры, в результате которой все рычаги правления перешли в руки радикальных сторонников «исламской республики», не привела к единству в высших «эшело-нах» власти, где сразу же началась межфракционная борьба по вопросу о формировании нового кабинета министров. Не сумев провести своего кандидата в премьеры, президент Банисандр после трехмесячного тупика в отношениях с меджлисом вынужден был в августе 1980 г. назначить главой правительства кандидата Партии исламской республики Мохаммеда Али Раджаи, бывшего учителя, исполнявшего в кабинете Базаргана обязанности министра просвещения. В дальнейшем возникали острые разногласия относительно кандидатуры на каждый из министерских постов: основной состав кабинета был утвержден в сентябре, несколько кандидатур было утверждено в ноябре, а посты министров иностранных дел, торговли, экономики и финансов, юстиции оставались вакантными еще много месяцев. В целом правительство было составлено из активистов и сторонников Партии исламской республики, руководитель которой — аятолла Бехешти — занял пост председателя Верховного суда.

Следует, однако, отметить, что имевшие место в высших «эшело-нах» власти разногласия касались не кардинальных целей, а лишь средств и методов дальнейшего общественного развития страны. Если клерикальная по характеру Партия исламской республики, контролировавшая почти все звенья законодательной, исполнительной и судебной власти, и руководимое ею правительство считали главной задачей дальнейшую исламскую радикализацию всей политической и общественной жизни, то гражданская по происхождению президентская

власть, все больше оказывавшаяся в положении «третьего лишнего», делала основной упор на необходимость перестройки народного хозяйства.

В целом указанные разногласия отражали две противоположные и одновременно взаимодополняющие стороны раздвоенного политического сознания «средних слоев» — иррационализм и рационализм. Но если одни представители этих слоев, подходя к решению некоторых конкретных вопросов с прагматических позиций, проявляли подчас в своих действиях определенную долю политического реализма, то другие их представители, имевшие концептуально широко разработанные программы, оказались в положении критиков-реалистов и деятелей-идеалистов. В результате «средние слои» получили возможность выразить все, что вытекало и из их рассудка, и из их предрассудков, причем в такой форме, что одно оказывалось неотделимым от другого. Примером могут служить мероприятия властей в области экономического развития.

Общая концепция «исламской экономики», сформулированная главным экономическим советником Р. Хомейни А. Банисадром еще до его избрания президентом, была нацелена на создание самостоятельного и самообеспечивающегося народнохозяйственного организма, базирующегося на возрожденном и в значительной мере автономном от внешнего мира сельском хозяйстве и на промышленности, главным образом мелкой, использующей местное сырье. Для достижения этой цели, по мнению Банисадра, необходимы были в первую очередь разрыв органических связей с экономикой Запада, ликвидация исключительной ориентации народного хозяйства на экспорт нефти и импорт потребительских товаров, избавление от сборочной (или так называемой монтажной) промышленности и вообще созданной шахом структуры промышленного производства, обогащающей крупных коммерсантов и разжигающей у населения «жажду потребления». При этом приобретенное «нечестным путем» богатство должно было перейти в собственность государства, а заработанное «честным путем» — всячески охраняться и защищаться. Ростовщическая эксплуатация и ростовщический процент подлежали искоренению как не соответствующие предписаниям ислама. Крупную промышленность, банки, страховые компании и

внешнюю торговлю предусматривалось передать в государственный сектор. Многие из соответствующих мероприятий, которые, по мнению Банисадра и других теоретиков «исламской экономики», должны были привести к созданию общества «социального равенства», нашли впоследствии отражение в «исламской конституции».

Однако в первое время после февральских событий Временное революционное правительство ограничивалось в основном текущими экономическими мерами. В целях поощрения частного сектора оно установило таможенные льготы, кредиты под низкие проценты, скидки на закупку сырья, оборудования и т. д., резко сократило импорт предметов роскоши и ввело строгие ограничения на утечку капитала (и с этой целью даже на экспорт ковров). Но эффективность этих мер для подъема экономики оказалась незначительной.

Весной 1979 г. по указанию Хомейни был создан Исламский банк, основанный на беспроцентном кредитовании частных предпринимателей, испытывавших финансовые трудности в результате революции. Правительство выделило на это часть средств, полученных от экспорта нефти. Однако, как признавал Базарган в сентябре 1979 г., даже к тому времени сохранялись трудности, связанные с открытием счетов и выполнением обязательств по использованию кредитов, поскольку последние направлялись их получателями в первую очередь на погашение долгов, а не на возобновление экономической активности. Кроме того, банк, естественно, не мог удовлетворить потребности всех предпринимателей. Впоследствии банковские учетные ставки практически были восстановлены, хотя и под другим названием.

Одновременно революционное руководство под напором масс провело ряд социальных и благотворительных мероприятий. Многим отрядам пролетариата была выдана заработная плата за месяцы забастовок, в основном путем кредитования за счет правительства, повышена зарплата рабочим и низкооплачиваемым категориям служащих и создан фонд помощи официально зарегистрированным безработным, главным образом промышленным. Частных предпринимателей власти обязали не увольнять рабочих и выплатить им задержанную зарплату, для чего промышленникам была предо-

ставлена определенная финансовая помощь. С целью занять безработных из числа строительных рабочих была объявлена «кампания восстановления», предусматривавшая сооружение дорог, благоустройство деревень и строительство дешевого или даже бесплатного жилья в населенных беднотой городских районах. В связи с этим были созданы во главе с духовенством Фонд обездоленных (на основе бывшего Фонда Пехлеви и конфискованного имущества пособников шаха), Исламский квартирный фонд и различные жилищно-строительные управления, которым были переданы конфискованные в городах незастроенные земельные участки, и другие организации, занимавшиеся устройством магазинов для бедноты по дешевым ценам и т. п. Ряд аналогичных мер был распространен и на сельскую бедноту, а в интересах фермеров власти повысили почти вдвое закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию и расширили возможности получения ими кредитов. Было объявлено о введении в будущем бесплатного медицинского обслуживания.

Проведенные мероприятия, не способствуя подъему экономики и решению проблемы безработицы, вызвали усиление инфляционных процессов и новый резкий рост цен на базарах. Попытки властей путем наказания отдельных торговцев установить твердые цены оказались тщетными. Полученные пособия не могли покрыть даже минимальные нужды трудящихся, а нищета, безработица, спекуляция и коррупция, естественно, остались неискорененными. Даже в жилищно-строительном управлении Тегерана власти обнаружили такие злоупотребления, как продажа строительных участков бедноте по завышенным ценам и предоставление домов богатым спекулянтам. Служащие Фонда обездоленных, контролировавшего примерно пятую часть промышленности и сельского хозяйства, открыто выражали недовольство тем, что некоторые органы «покрывают» капиталистов и агентов шахского режима. Надежды на скорую ликвидацию зависимости экономики страны от экспорта нефти, продолжавшего оставаться практически единственным источником доходов, и полную перестройку «монтажной промышленности» пришлось отодвинуть на неопределенное будущее.

Одновременно, как писала французская «Монд» от

5 мая 1979 г., в стране углубилась «пропасть между реформистской политикой и революционными чаяниями». В связи с усилением стачечного движения пролетариата был принят закон о наказании лиц, подстрекающих к забастовкам, и сделаны строгие предупреждения о недопустимости создания рабочих комитетов на производстве, которые формировались среди кадровых отрядов пролетариата. Тем не менее на многих ведущих предприятиях в явочном порядке происходило закрепление рабочего контроля, а осуществлявшие его комитеты радикальным образом отличались от тех смешанных советов в составе предпринимателей, рабочих и служащих, которые исламские лидеры смогли потом навязать рабочим в качестве замены профсоюзов. Власти строго запрещали (угрожая тюремным заключением и ссылкой) самовольный захват беднейшим крестьянством земель крупных собственников, а организованным в деревнях сельскохозяйственным «исламским советам», зачастую под руководством помещиков, среди прочего вменялось в обязанность не допускать перераспределения земельного фонда. Тем не менее некоторые крупные сельскохозяйственные фермы, владельцы которых бежали за границу, были заняты крестьянами, создавшими на них кооперативные хозяйства.

В своих действиях революционные власти исходили из общих исламских концепций, проповедующих примат духовной жизни над материальной, аскетизма над потреблением и презрение ко всякому предпринимательству с целью наживы и «жажды потребления». «Фактический прогресс заключается для нас в том,— говорил Хомейни в интервью корреспонденту западногерманского журнала „Шпигель“,— чтобы подлинной целью материальной деятельности стали развитие и раскрытие собственного „я“ людей». В другом случае он прямо утверждал, что «исламская революция» носит прежде всего не социально-политический, а духовно-идеологический характер. В опубликованном в сентябре 1979 г. докладе Бюро революционных программ Ирана об основах социально-экономического развития страны вплоть до 2000 г., в частности, выдвигались следующие принципы: «экономика не ставит своей целью процветание и развитие, она является средством сближения человека с богом»; «экономика удовлетворяет разумные и общепри-

знанные нужды общества без расточительства»; «между экономическими достижениями и моральными принципами существует равновесие».

В соответствии с этим революционные власти считали одной из важнейших задач государства регулирование потребления, с тем чтобы довести его до «разумных» пределов, а в борьбе с «расточительством» видели главное средство не только морального совершенствования общества, искоренения нищеты и лишений, но и достижения экономической независимости страны. Выступая за справедливое распределение материальных благ между членами мусульманской общины, критерием такого распределения они считали не труд, а благочестие («от каждого по способностям, каждому по благочестию»).

Однако объективная реальность все чаще вступала в противоречие с намерениями и целями властей. В июне 1979 г. иранский журналист А. Фаруги, живущий во Франции, отмечал в качестве характерной черты иранской революции на тот момент «небывалый разрыв между устремлениями и требованиями различных жизнеспособных сил нации, с одной стороны, и полным бездействием нынешних руководителей республики перед лицом экономического кризиса, который угрожает уничтожить все,— с другой»²⁰. Левые круги, выдвигая требования революционного подхода к проведению реформ, упрекали власти в том, что они не выработали долгосрочную программу социально-экономического развития и ограничиваются текущими краткосрочными мерами (не говоря уже о действенном контроле над их выполнением), что решение о минимальной зарплате экономически не обосновано, поскольку затрудняет восстановление деятельности сферы материального производства и обслуживания, что зависимость страны от поставок западной технологии и даже продовольствия не только не уменьшилась, но и увеличилась, что осуществленные мероприятия соответствуют лишь интересам базарных торговцев и мелких предпринимателей, живущих на повышении цен на основные продукты питания (на некоторые из них в 2—3 раза и более) и т. д.

Следует, однако, отметить, что недовольство экономической политикой властей высказывали и представи-

тели мелкого торгово-предпринимательского капитала, поскольку, как они утверждали, общее сокращение торгового оборота способствовало уменьшению их прибылей. Ссылаясь на это, мелкие торговцы и предприниматели, активно финансировавшие духовенство в период антишахских выступлений, резко уменьшили взносы в «церковные кассы», сократив тем самым их возможности выдавать «исламскую финансовую помощь» (в виде беспроцентных займов) нуждающимся семьям. В то же время многие представители этих кругов «средних слоев» обеспечили себе наряду с центральным местом во внутренней и внешней торговле и некоторые немаловажные посты в правящей иерархии, сохранив за собой и возможность влиять на правительственную политику через религиозную сеть и местные революционные комитеты. Значительно улучшили свои экономические и политические позиции и владельцы недвижимости «средней руки» в деревнях.

Летом 1979 г. под давлением экономической необходимости власти вынуждены были встать на путь некоторых структурных преобразований в области промышленности и финансов. В июне — июле были объявлены решения о национализации всех банков, страховых компаний и целого ряда крупных предприятий тяжелой промышленности. Национализацию банков премьер-министр Базарган объяснил необходимостью «оградить национальные права и национальное богатство и добиться, чтобы экономика заработала полным ходом». Целью закона о национализации промышленности объявлялось «спасение экономики и оздоровление системы управления ею», для чего было предусмотрено «избавление зависимости экономики от экспорта нефти и достижение самообеспечения внутренних потребностей, расширение национального экспорта», а также «покровительство частному сектору». В связи с принятием этого закона Хомейни заявил, что частная собственность является одним из основных принципов исламского государства.

Однако способы осуществления указанных законов не во всем соответствовали провозглашенным целям. Будучи главным объектом антишахских выступлений в конце 1978 — начале 1979 г., большинство национализированных банков из-за расхищения средств, утечки капиталов и огромной задолженности уже давно стояло на

краю банкротства, и лишь усиленная поддержка государства отодвигала их неминуемый крах. Банки были не в состоянии погасить долги иностранным кредиторам. В этой ситуации правительство объявило, что иностранные акционеры иранских банков получают полную компенсацию от государства. Естественно поэтому, что не только левые силы, критиковавшие правительство за отказ от экспроприации банков, но и некоторые местные и иностранные банкиры восприняли эту акцию как «операцию спасения» банковской системы (а вместе с ней и интересов мелких вкладчиков).

Что касается закона о национализации промышленности, то он хотя и предусматривал конфискацию, но распространялся помимо компаний, принадлежащих тузам шахского делового мира, главным образом на нерентабельные промышленные предприятия, задолженность которых банкам превышала их наличные капиталы. Выгодность подобной акции была настолько очевидной и для владельцев других фирм, сталкивавшихся с отсутствием средств для пополнения запасов сырья и подвергавшихся постоянному давлению рабочих комитетов, что 24 июля 1979 г. Союз хозяев предприятий гражданского строительства 598 голосами против двух принял резолюцию, призывавшую правительство национализировать их предприятия без всякой компенсации. (В феврале 1980 г. появилось сообщение о принятом ИРС решении национализировать 50 строительных компаний.) Некоторые круги в Иране считали закон о национализации промышленности непродуманной и поспешной акцией, одной из причин которой было стремление ограничить деятельность рабочих комитетов и особенно их вмешательство в дела управления предприятиями. Левые силы критиковали власти за то, что они не определили свои позиции в отношении связанных с иностранным капиталом предприятий и деятельности многонациональных корпораций вообще.

В руководящих кругах Ирана в последующем высказывались различные суждения о мотивах и перспективах проведенной национализации, что опять-таки было, очевидно, связано с почти всеобщим среди них предпочтением не экономических, а моральных и политических целей. При таком подходе эффективность воздействий осуществленных структурных преобразований на

развитие экономики, разумеется, не могла выявиться немедленно. Но они сразу же обеспечили интересы мелких вкладчиков, владельцев небольших предприятий и базарных торговцев, наживавшихся на продолжающемся повышении цен на основные продукты питания и другие товары первой необходимости.

С конца 1979 г. власти возобновили разработку программ социальных и благотворительных мер, имевших целью улучшение положения широких слоев населения. Было вновь объявлено об осуществлении в ближайшее время всеобъемлющих программ подъема промышленности, развития жилищного и дорожного строительства, с тем чтобы «вывести Иран из экономического паралича, создавшегося в результате деятельности старого режима». В конце марта 1980 г. Исламский революционный совет приступил к рассмотрению законопроекта о бесплатном медицинском обслуживании инвалидов и членов семей погибших в период антишахских выступлений, а в начале следующего месяца был создан специальный фонд для финансирования этого законопроекта, а также решения жилищных проблем тех лиц, которые попадали под его действие. Тогда же в связи с выявлением нескольких десятков тысяч пустующих домов их владельцам было объявлено, что, если они не предоставят квартиры бездомным и ютящимся в трущобах, соответствующая недвижимость будет конфискована и передана в распоряжение Исламского квартирного фонда.

Однако проведение в жизнь этих мер сдерживалось общей экономической и политической нестабильностью, разногласиями в правительственных кругах, некомпетентностью местных властей и коррупцией в административно-чиновничьем аппарате. Так, раздавалась критика в адрес Фонда обездоленных по поводу расхищения средств, которые поступали от организованной им еще с сентября 1979 г. постоянной выставки-продажи имущества, конфискованного у 200 тузов старого режима, и которые должны были направляться на строительство диспансеров, больниц и школ в наиболее бедных районах. Для расследования этого вопроса была назначена специальная комиссия. В связи с ростом безработицы и инфляции, сокращением жилищного строительства и резким повышением цен на жилье, отнимавшими подчас

до половины доходов, нередко происходили демонстрации безработных и жителей трущоб. Выдвигавшиеся в ходе этих демонстраций требования выполнять публично данные обещания зачастую сочетались с лозунгом «Смерть капиталистам!»

Наиболее значительным социально-экономическим преобразованием явилась земельная реформа. К ее разработке власти приступили с начала марта 1980 г., когда было принято постановление о безвозмездном предоставлении (без права продажи) безземельным крестьянам, выпускникам сельскохозяйственных училищ и добровольцам из города государственных земель и имений, конфискованных у лиц, скомпрометировавших себя сотрудничеством с шахским режимом. Тогда же был поставлен вопрос об изменении самой системы землевладения. Однако в руководящих кругах возникли острые разногласия относительно методов и способов ликвидации крупной земельной собственности, в связи с чем решение этого вопроса затянулось. Поначалу предусматривались выплата правительством выкупа за отчуждаемую землю и допущение ее экспроприации только в случае установления факта «незаконного» приобретения. Но уже в мае 1980 г. был взят курс на конфискацию крупных земельных владений. Однако в большинстве случаев дело свелось к предоставлению крупным помещикам равноценных участков целинной земли. Большое место в реформе отводилось созданию различных, в том числе и производственных, кооперативов (примерно по 20 семей при 200 гектарах земли). Максимальная же норма землевладения могла втрое превышать участок, необходимый для обеспечения одной крестьянской семьи,— мера, вполне удовлетворившая зажиточную деревенскую верхушку. А произведенное ранее в ее интересах повышение почти вдвое закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию вызвало, в свою очередь, необходимость увеличить субсидирование государством цен на продовольственные товары.

В ряду преобразований, призванных стабилизировать экономическое положение, ослабить зависимость от заграницы в удовлетворении основных потребностей населения и оказать влияние на цены в частном секторе, важное место занял вопрос о национализации внешней торговли. Но, как и многие другие проблемы внутренней

политики, он стал, по-видимому, предметом разногласий в правительственных кругах. Сделанное с их стороны в конце декабря 1979 г. заявление о принятии соответствующего решения вкоре было ими же дезавуировано. В марте 1980 г. появились новые сообщения о национализации внешней торговли путем создания в рамках государственной монополии 130 закупочных организаций. Однако в начале апреля было объявлено, что решение вопроса откладывается до конца текущего года, и частные предприниматели, таким образом, сохранили в своих руках распределительную сеть. Благодаря этому многие торговцы умудрялись даже перепродавать субсидированные товары в других государствах Персидского залива. Показательно, что в 1979/80 г. по сравнению с 1978/79 г. экспорт Ирана (без нефти) увеличился почти вдвое, тогда как импорт несколько сократился, вздорожав при этом примерно на 30%.

Кризисные явления в основных отраслях народного хозяйства с весны 1980 г. не только не уменьшились, но даже возросли. На этот раз они были связаны и с теми экономическими и политическими санкциями, которые Соединенные Штаты (а затем и их союзники в Западной Европе) приняли в ответ на захват 4 ноября 1979 г. американского посольства в Тегеране («замораживание» иранских валютных авуаров в американских банках, прекращение торговли с Ираном, разрыв дипломатических отношений и т. д.).

Внешнюю сторону возникшего ирано-американского конфликта составляло удержание Организацией мусульманских студентов — последователей курса имама Хомейни персонала американского посольства в качестве заложников в обмен на возвращение в Иран бывшего шаха, которому правительство США разрешило въезд в страну из Мексики на период лечения в нью-йоркской клинике. Акция по захвату американского посольства в Тегеране, явившаяся выражением антиимпериалистических настроений всего иранского народа, имела в своей основе и определенные элементы провокации со стороны администрации президента Дж. Картера, еще за несколько месяцев до этого запрашивавшей иранские власти о возможных последствиях приезда шаха в США для положения американских дипломатов в Иране. Получив из Тегерана (в том числе от поверенного в делах

в Иране и агентов ЦРУ) довольно недвусмысленные ответы, Картер тем не менее в конце октября дал разрешение шаху на приезд в Нью-Йорк.

Захват посольства США в Тегеране был использован американским империализмом в интересах своей глобальной стратегии (а затем и в целях компенсации огромных финансовых потерь монополий США в Иране). Лишившись под ударами национально-демократического движения важных позиций в ряде районов азиатско-африканского мира, США, после того как в лице шахского режима был потерян верный страж их интересов в богатом нефтью бассейне Персидского залива, решили установить собственное военное присутствие в этом регионе. Воспользовавшись событиями в Иране в качестве предлога, Соединенные Штаты направили в район залива крупные военно-морские силы и начали переброску туда частей так называемого Корпуса быстрого развертывания, создание которого было запланировано задолго до этих событий. Согласно выдвинутой в начале 1980 г. «доктрине Картера» Персидский залив был объявлен «сферой жизненных интересов США». Одновременно события в Иране использовались для нагнетания общей международной напряженности, разжигания милитаристского ажиотажа, а также в интересах начавшейся в Соединенных Штатах предвыборной кампании.

Для Ирана важнейшее политическое значение акции по захвату американского посольства состояло в том, что она дала ту, отсутствовавшую со времени февральского восстания общую политическую цель, которая на время вновь помогла сплотить на единой антиимпериалистической платформе все разнородные социально-политические силы бывшей антишахской оппозиции. Это позволило иранским властям решить целый ряд внутриполитических задач, связанных со стабилизацией общей обстановки в стране и созданием новой, исламской государственной структуры. Именно на следующий день после захвата американского посольства Хомейни наконец принял отставку с поста премьер-министра Базаргана, с именем которого большинство левых политических сил и радикальных религиозных организаций связывало соглашательскую позицию правительства в отношении США и проведение реформистской политики, оказавшейся не способной оздоровить экономическую

жизнь страны. В период же удержания американских заложников были проведены референдум по одобрению «исламской конституции», президентские и парламентские выборы, прошедшие (в отличие от октябрьских выборов в местные органы власти) на относительно высоком уровне политической активности избирателей. В этот же период большое внимание уделялось подчинению власти центрального правительства сохранившихся низовых институтов революции — местных ревкомов и революционных трибуналов (с их вооруженными отрядами) и ликвидации тех из них, которые были квалифицированы как «самозванные органы власти» и «центры принятия решений».

Руководящие деятели Ирана, опираясь на новый всенародный подъем, решительно противостояли всем мерам давления со стороны США, несмотря на тяжелое экономическое положение страны. Как утверждали некоторые из них, американские санкции должны были иметь даже положительный эффект, так как давали почувствовать народу зависимость страны от западных поставок и тем самым могли заставить иранцев полагаться на собственные силы, помочь их превращению из потребителей в производителей, что в конечном счете способствовало бы независимому экономическому развитию.

В то же время делалось все возможное, чтобы придать акции по захвату американского посольства (которую многие международные организации, в том числе ООН, и большинство правительств мира квалифицировали как нарушение общепризнанных норм международного права) революционный характер, притом в интернациональном масштабе. В этой связи небезынтересно отметить, что Хомейни еще до революции указывал, что средством осуществления внешней политики «исламского правительства» наряду с разрывом отношений с империалистическими державами является «священная война»; имея целью утверждение исламских принципов во всем мире, она коренным образом отличается от тех завоевательных войн, которые велись в отрыве от этих принципов²¹.

По мысли иранских руководителей, конфликт Ирана с США должен был перерасти во всемирную борьбу за коренную перестройку международных экономических и

политических отношений, в возглавленное и руководимое Ираном восстание всех «обездоленных» народов против угнетателей, в не знающую границ «мировую исламскую революцию», толчок которой даст захват американского посольства в Тегеране, в чем, собственно, и состояла, как утверждалось, одна из причин этой акции. Заявив о том, что Иран берет на себя миссию борьбы за ликвидацию экономического господства США в Азии, Африке, Латинской Америке и даже Европе, руководители страны в качестве первого шага на пути достижения этой цели поставили вопрос о реформе международной валютной системы путем отказа от доллара как расчетного платежного средства, особенно при операциях по продаже нефти. Но возникшая было в иранском руководстве идея отказа от выплаты внешних долгов страны и процентов по ним не получила дальнейшего развития, тогда как американские банки и монополии стали предпринимать попытки воспользоваться «замороженными» иранскими активами в целях погашения предоставленных ими шахскому режиму кредитов и удовлетворения своих финансовых претензий к Исламской Республике Иран.

Однако ни исламской, ни иной «мировой революции» не произошло. Прокатившаяся по отдельным мусульманским и немусульманским странам Азии и Северной Африки волна стихийных нападений на американские посольства довольно быстро сошла на нет. Состоявшаяся в декабре 1979 г. очередная конференция Организации стран — экспортеров нефти оставила открытым поднятый представителем Ирана вопрос о замене доллара «корзиной валют». Тем временем и бывший шах, закончив курс лечения в нью-йоркской клинике, отбыл из США в Панаму, а затем в Египет (где скончался в июле 1980 г.).

В этих условиях превалировавшие среди руководящих деятелей Ирана лозунги промежуточного типа — «Не правым, не левым, а исламу», «Не Западу, не Востоку, а исламу» — стали все явственнее оформляться в характерную для представителей «средних слоев» многих стран Востока концепцию «третьего пути». Во внутреннем плане она предусматривала создание «ни капиталистической, ни марксистской системы», во внешнем — политику «равноудаленности» от двух «сверхдержав»,

противовесом которым, по первоначальным замыслам некоторых иранских руководителей, должна была служить Западная Европа. Но после принятия странами «Общего рынка» ряда санкций против Ирана он стал пользоваться для экспортных сделок с нефтью услугами «нейтральных» банков (Швейцарии, Швеции, Австрии, Индии) и усилил торгово-экономические связи с некоторыми из развивающихся государств Азии и социалистических стран Восточной Европы.

Столкновение с объективной реальностью внесло и некоторые другие изменения в позиции руководителей Ирана по экономическим вопросам. Весной и летом 1980 г. Банисадр неоднократно отмечал, что экономика страны оказалась в еще большей зависимости от нефти, продолжавшей оставаться практически единственным источником доходов (хотя прибыли от нее в связи с общим сокращением внешней торговли уменьшились к тому времени примерно наполовину), и что при резком падении производства потребление возросло. Но главной причиной беспрецедентной инфляции были, по его словам, не столько западные ограничения на торговлю с Ираном, сколько «падающий моральный уровень нации», хотя при этом он и утверждал, что проблема американских заложников превратила весь иранский народ в заложника США. Власти вынуждены были принять меры по восстановлению функционирования «монтажной промышленности» и возобновлению некоторых расторгнутых контрактов с иностранными фирмами.

Что касается самой проблемы американских заложников, то иранское руководство с начала 1980 г. стало связывать ее решение главным образом с признанием Соединенными Штатами своего соучастия в преступлениях шахского режима и предоставлением ими «гарантий» геополитической и экономической независимости Ирана. Крик униженного достоинства «обездоленных» и на этот раз отозвался эхом самоутверждения «средних слоев», получивших возможность на правительственном уровне выразить свою неумную жажду «унизить», «поставить на колени» американский империализм. В дальнейшем, после ужесточения Соединенными Штатами экономических санкций против Ирана, в требованиях иранского руководства важное место занял и вопрос о возвращении в страну «замороженных» в

США авуаров. Однако затянувшиеся на многие месяцы переговоры, которые велись через посредников, приблизились к завершению лишь тогда, когда администрация президента Дж. Картера сочла, что сможет достаточно оградить финансовые интересы американских монополий и банков, а иранская сторона убедилась, что проблема заложников окончательно исчерпала свои интегрирующие возможности и даже превратилась в разъединяющий фактор, особенно в высших «эшелонах» власти.

20 января 1981 г., сразу же после вступления в должность нового президента США, Рональда Рейгана, сотрудники американского посольства в Иране, удерживавшиеся на положении заложников более 14 месяцев, были освобождены. Подписанное накануне при посредничестве Алжира соглашение по этому вопросу предусматривало возвращение финансово-экономических отношений между Ираном и США к состоянию, существовавшему до 4 ноября 1979 г. Американская сторона обязалась отменить торговые санкции и вернуть Ирану часть его авуаров; оставшуюся часть иранская сторона согласилась предоставить на выплату шахских долгов и процентов за хранение иранских авуаров в американских банках. В специальном заявлении правительство Раджаи объяснило иранскому народу, что оно пошло на это с целью разрыва всех финансовых и банковских связей с США. В целом соглашение расценивалось как «новая победа ислама» и «полная капитуляция американской сверхдержавы». Однако президент Банисадр, с самого начала выступавший против удержания заложников, а затем отстраненный от участия в выработке соглашения, рассматривал его как поражение Ирана. Что касается руководства американских монополий и банков, по их мнению, достигнутое соглашение прояснило состояние неопределенности, существовавшее в вопросе о возможностях удовлетворения их финансовых претензий к Ирану до 4 ноября 1979 г.

Немалую роль в решении иранского руководства покончить с проблемой заложников наряду с экономическими трудностями сыграла начавшаяся 22 сентября 1980 г. война между Ираком и Ираном, ставшая на первых порах новым фактором национального сплочения. «Мы должны благодарить Аллаха за эту войну,

которая объединяет нас», — говорил Хомейни в одном из своих выступлений²².

Начавшаяся на почве систематических пограничных столкновений и территориальных конфликтов ирако-иранская война имела своими глубинными причинами противоречия политико-идеологического порядка между руководством двух стран. Пользуясь фактором внезапности, иракская армия в течение первого месяца военных действий заняла ряд западных и юго-западных районов Ирана. Однако в дальнейшем иранские регулярные воинские части, Корпус стражей исламской революции и вновь созданные на средства Фонда обездоленных отряды народного ополчения смогли остановить иракское продвижение, а в отдельных случаях даже переходили в контрнаступление. Решающую роль в этом опять-таки сыграл широко распространенный в массах культ мученичества. С течением времени война приняла позиционный характер.

Военные действия между Ираком и Ираном, вызвавшие глубокую озабоченность всей мировой прогрессивной общественности, социалистических стран, были активно использованы американским империализмом и его союзниками для дальнейшего наращивания своего военно-морского присутствия в районе Индийского океана и Персидского залива. Выступая в декабре 1980 г. в Дели на заседании индийского парламента, Л. И. Брежнев говорил: «Продолжается трагический в своей бессмысленности конфликт между Ираком и Ираном. Это — наглядный пример того, как опасно для недостаточно еще окрепших стран оказаться в жерновах империалистической политики. Кому выгодна эта война? Конечно, не Ираку и не Ирану. Они получают лишь разрушенную экономику и большие людские потери. Но кое-кто выгоду от войны получил, это уже сейчас видно. На глазах у всего мира происходит усиление иностранного военного проникновения на Ближний и Средний Восток... Строятся также расчеты на то, чтобы ослабить антиимпериалистическую направленность политики как Ирана, так и Ирака. И за все это два соседних народа платят своей кровью. Вот почему СССР решительно выступает за мирное урегулирование этого конфликта»²³.

Война усугубила и без того тяжелое экономическое положение Ирана, тем более что разрушение части

нефтепромыслов вызвало сокращение экспорта иранской нефти. В связи с общим ухудшением условий внешней торговли и другими причинами цены на продовольственные товары возросли за первые четыре месяца военных действий на 50%. Однако власти не спешили с национализацией внешней торговли, ограничиваясь пока что осуществлением определенного государственного контроля над ней. С конца 1980 г. правительство приступило к нормированию продажи населению нефтепродуктов и продовольствия, что премьер-министр Раджаи в феврале 1981 г. расценил как «введение системы справедливого распределения возможностей», способной стать «первым шагом к построению подлинно исламского справедливого общества равенства». В этом смысле он полагал, что «война может быть для нас благом».

С конца 1980 — начала 1981 г. война с Ираком, как ранее проблема американских заложников, стала утрачивать свое значение в качестве интегрирующего фактора. В высших звеньях двуглавой власти усилилась межфракционная борьба, находившая нередко отражение в уличных столкновениях между сторонниками правительства и Партии исламской республики, с одной стороны, и президента, оттесненного от многих государственных дел и сосредоточившего почти все свое внимание на организации военного сопротивления Ираку, — с другой. Хомейни, действуя в качестве некоего надправительственного арбитра, внешне держался в стороне от межфракционной борьбы. Но, отказываясь принять сторону какой-либо фракции, он от случая к случаю критиковал то ту, то другую и постоянно призывал их к единству. Однако единство между ними проявлялось лишь в совместных выступлениях против левых сил, которые, несмотря на сложные и подчас полулегальные условия деятельности, продолжали укреплять свои позиции. Борьбу с левыми партиями и организациями новый режим, как и прежде, сочетал с «перехватом» части их программных лозунгов и требований.

Главные достижения революции на рассмотренном этапе развития Исламской Республики Иран руководящие деятели страны интерпретировали в русле своих социально-культурных и политико-экономических концепций. В интервью журналу «Шпигель» от 3 марта 1980 г. президент Банисадр в качестве «самого важного

и существенного результата» революции назвал утверждение «свободы и человеческого достоинства». «Второе достижение, — сказал он далее, — я усматриваю в том, что угнетенные люди в нашей стране получили разнообразные возможности и еще больше оснований для надежд». Спустя год, в феврале 1981 г., выступая по случаю второй годовщины республики, президент огласил следующие годовые показатели в области экономики: производство основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции сократилось на 30—50%, темпы инфляции возросли на 30—35%, валютные резервы уменьшились на 60%, бюджетный дефицит достиг 800 млрд. риалов, а выделенные на проекты развития 1000 млрд. риалов не были использованы и наполовину, произошел дальнейший рост импорта, цен и безработицы. Далее Банисадр особо отметил изоляцию Ирана на международной арене. Несколько ранее, 4 ноября 1980 г., выступая перед Организацией мусульманских студентов — последователей курса имама, лидер революции Хомейни говорил, что «изоляция — это одно из наших великих благ», поскольку она приносит стране независимость и заставляет добиваться прогресса. По заявлениям некоторых руководящих деятелей правительства и Партии исламской республики, Иран уже достиг экономической самостоятельности.

Разногласия в руководящих кругах Ирана, в частности по вопросу о замещении все еще вакантных должностей в правительстве, вызвали летом 1981 г. очередной институционный кризис режима Исламской Республики, сопровождавшийся ожесточенными столкновениями между противниками и сторонниками президента (среди последних особенно активно действовали «моджахеды»). 11 июня указом Хомейни Банисадр был лишен функций верховного главнокомандующего вооруженными силами, а спустя десять дней меджлис признал президента «политически некомпетентным», обвинив его в развале экономики, просчетах в ведении военных действий и вообще в отходе от «курса имама». Сторонники Банисадра, скрывшегося еще 12 июня, подверглись жесточайшим репрессиям. Так же как до него Базарган, Банисадр в конечном счете выражал стремление «средних слоев» реализовать те достижения революции, которым объективно в их интересах способ-

ствовал новый режим, но которыми они не могли воспользоваться в полной мере в условиях его интегральной политики.

24 июля в обстановке продолжающихся репрессий против оппозиционных режиму сил и участвовавших террористических актов со стороны последних против деятелей Исламской Республики в стране состоялись выборы нового президента. Место Банисадра, нелегально эмигрировавшего во Францию (там же после февральского восстания нашли убежище Бахтияр и многие деятели промонархической контрреволюции), занял тогдашний премьер-министр Раджаи. Премьером в начале августа был назначен ходжат оль-ислам (духовный титул) Мохаммед Джавад Бахонар, руководитель Партии исламской республики (ее прежний лидер, аятолла Бехешти, в числе других 74 официальных лиц погиб во время взрыва 28 июня).

Однако ликвидация очередного институционального кризиса режима путем усиления его фундаменталистских основ отнюдь не изменила общего кризисного характера развития послепевральского Ирана. За казнями следовали взрывы, за взрывами — казни. Террор и насилие мрачной тучей повисли над всей политической и общественной жизнью страны. 30 августа 1981 г. в результате очередного взрыва, устроенного противниками режима, погибли президент Раджаи и премьер-министр Бахонар. В свою очередь, власти только в течение трех месяцев, прошедших после смещения Банисадра, казнили более 1,5 тыс. человек, в основном моджахединов и их сторонников в государственном и правительственном аппарате.

В сентябре — октябре 1981 г. посты президента и премьер-министра заняли религиозные деятели — ходжат оль-ислам Али Хосейни-Хаменеи и аятолла Мохаммед Реза Махдави-Кяни. Но, конечно же, последняя страница современной истории Исламской Республики Иран еще остается открытой...

Заклучение

В историческом развитии Ирана последних двух десятилетий нашли всеобъемлющее проявление основные особенности его предшествующей капиталистической эволюции, уже рассмотренные в той или иной степени в соответствующих главах настоящей книги. Обобщение этих особенностей является, очевидно, той (по выражению К. Маркса, приводившемуся во Введении) «отмычкой», пользуясь которой можно понять своеобразие последствий экономических потрясений 60—70-х годов в Иране по сравнению с результатами, достигнутыми в свое время странами «классического» капитализма.

Важное методологическое значение в данном случае имеет известное ленинское положение, выдвинутое в 1911 г. «Есть капитализм и капитализм,— отмечал В. И. Ленин.— Есть черносотенно-октябристский капитализм и народнический („реалистический, демократический, активности“ полный) капитализм... В Западной Европе уже почти нет капитала октябристского; почти весь капитал демократический. Октябристский капитал из Англии, Франции ушел в Россию и в Азию. Русская революция и революции в Азии—борьба за вытеснение октябристского капитала и за замену его демократическим капиталом. А демократический капитал=последыш. Дальше ему идти некуда. Дальше ему капут»¹.

Взятое в общем контексте ленинской характеристики восточного общества как докапиталистического, с господством феодальных и полуфеодальных отношений, с важной ролью купеческого капитала и т. д., приведенное положение, разумеется, не допускает полной идентификации характера революционных процессов в России и странах Азии, где, по словам В. И. Ленина, эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 г. Всегда свойственная В. И. Ленину глубина про-

никновения в сущность исследуемых явлений проявилась в данном случае в том, что в революционных выступлениях периода «пробуждения Азии», когда он выдвинул это положение, «борьба за вытеснение октябристского капитала и за замену его демократическим капиталом» еще только намечалась как ведущая тенденция в развитии освободительных движений народов Востока. Более полное выражение она получила в последующих революционных битвах и окончательно пробила себе дорогу на современном этапе освободительной борьбы в азиатско-африканском мире.

В условиях стран Востока (в том числе и Ирана), в которых зарождение капитализма происходило главным образом под воздействием их насильственного включения в сферу мирового капиталистического хозяйства, становление и формирование «октябристского» и «демократического» капитала, естественно, отличалось рядом специфических особенностей сравнительно с соответствующими процессами в России, где развитие капитализма было результатом более органичной и спонтанной эволюции. Так, в среде российского «октябристского» капитала к началу XX в. уже были монополистические слои буржуазии, а «демократический» капитал представлял продукт относительно далеко зашедшей дифференциации крестьянства и городских докапиталистических социальных структур, которые ко времени революции 1905—1907 гг. уже выделили промежуточный социальный слой мелких товаропроизводителей, обозначаемых в марксистской литературе термином «мелкая буржуазия».

Основной особенностью процесса капиталистического развития Ирана, как и большинства других стран Востока, являлось то, что этот процесс, происходивший преимущественно под внешним воздействием, затронул главным образом верхушечные прослойки местных имущих классов и слоев — часть крупных землевладельцев и связанное с ними купечество, обслуживающих внешний рынок. На городское ремесло и другие сферы традиционного промышленного производства экспансия развитых государств оказывала в основном односторонне-деструктивное влияние, в значительной степени блокирующее их буржуазное преобразование. В этих условиях товаризация сельского хозяйства, осуществлявшаяся

ся без соответствующего развития национальных производительных сил, вела не к росту местной буржуазии в собственном смысле слова, а к гипертрофии сферы торговли и затем других областей трепичного, непродовственного сектора, ориентированного на интересы внешних сил. При таком положении в качестве «октябристского» капитала здесь выступал главный непосредственный носитель зарождающихся элементов капиталистических отношений — крупный торгово-ростовщический капитал, представленный полуфеодальными землевладельцами и верхушкой купечества.

Другой особенностью процесса капиталистического развития Ирана, как и большинства остальных стран Востока, являлось то, что носители складывающихся здесь под воздействием извне элементов буржуазных отношений оказывались и незаинтересованными в «переработке» традиционных структур, и неспособными к этому. Если в свое время в странах Запада относительно органичное развитие капитализма из докапиталистических структур вело к массовой «переплавке» старых социальных категорий в категории капиталистического типа, то на Востоке новые отношения, вызванные к жизни односторонней экспортно-сырьевой специализацией сельского хозяйства, вступали в уродливое сосуществование с традиционными отношениями. Постоянное разрушение и в то же время воспроизводство соответствующих структур становились основой существования и функционирования этих новых элементов, обреченных, в свою очередь, на отсутствие массового социального резерва.

Сложившиеся в Иране в конце XIX — начале XX в. — под воздействием включения страны в орбиту мирового капиталистического рынка — полуфеодальные отношения, раннекапиталистические по характеру, не будучи связаны с потребностями национального производства, с самого начала объективно стояли, пользуясь выражением К. Маркса, «на пути действительного капиталистического способа производства». Однако на уровне общественного и политического сознания в Иране того времени данное обстоятельство затемнялось целым рядом факторов, связанных с достигнутой стадией развития потенциальных носителей этого «действительного капиталистического способа производства».

Представителями только что начинающего формироваться иранского «демократического» капитала выступали общественные слои, еще не переросшие социальную структуру докапиталистического общества, — ремесленники, кустари, мелкие торговцы, лавочники, различного рода скупщики и т. д. Связанные с чрезвычайно ограниченным внутренним рынком и местной промышленностью, в целом находившейся на стадии простого товарного производства, эти традиционные слои могли быть обозначены общим термином «мелкая буржуазия» разве что в плане исторической перспективы. Что касается основной массы эксплуатируемого на кабальной, полуфеодальной основе крестьянства, социальная дифференциация в среде которого еще только намечалась, то оно находилось на такой же (если не еще более ранней) стадии длительного процесса «переплавки» в категории капиталистического типа. Хотя развитие полуфеодальных отношений сопровождалось резким усилением эксплуатации крестьян, в силу особой отсталости своего социального и политического самосознания они участвовали в антифеодальной борьбе в основном под традиционным знаменем эгалитарных принципов ислама. Потенциальный руководитель крестьянских масс — пролетариат переживал еще самый начальный период зарождения «класса в себе».

Естественно поэтому, что представители формирующегося в Иране «демократического» капитала не только в период революции 1905—1911 гг., но и в последующие десятилетия еще не усматривали в существующих помещичьих отношениях, не связанных непосредственно с городским докапиталистическим сектором, основное препятствие на пути своей поступательной общественной эволюции. Более того, потребности защиты национального производства от разлагающего воздействия «внешнего» по отношению к нему капитализма закономерно вызывали стремление к укреплению традиционных городских социально-экономических структур. Сказанное, разумеется, следует понимать не в аспекте консервации этих структур, а в контексте их не осложненной чужеродным влиянием эволюции на внутренней, самостоятельной основе. Подобная противоречивость субъективных социальных устремлений «демократического» капитала, определявшаяся его объективным общественным

бытием, накладывала отпечаток как на характер и формы участия соответствующих сил в демократической борьбе, так и на результаты этой борьбы.

Не случайно в условиях «третичного» капиталистического развития известная разновекторность революционного движения «снизу» и «революции сверху», свойственная в той или иной степени всем подобным историческим примерам, сказала особенно сильно. Характеризуя прокатившуюся по Европе после поражения революций 1848 г. волну «революций сверху», К. Маркс писал, что «программа революции в руках реакции превращается в сатиру на соответствующие революционные стремления и становится, таким образом, самым смертоносным оружием в руках непримиримого врага»². В Иране же, например, конечные результаты «революции сверху» первой половины 20-х годов XX в. обнаружили еще большие расхождения с революционными устремлениями масс. Если объективное содержание революционных движений «снизу» здесь в значительной мере питалось субъективным стремлением руководивших ими социально-политических сил к защите и укреплению традиционных структур в интересах их последующего самостоятельного развития и кардинального улучшения на этой основе положения широких масс, то «революция сверху», независимо от субъективных намерений ее руководителей, объективно оказалась нацеленной преимущественно на буржуазную модернизацию верхних «этажей» полуфеодального общества, что в сложившихся условиях не способствовало ни «переработке» традиционных структур, ни удовлетворению основных требований трудящихся.

Тем самым создавалось новое крупное препятствие на пути капиталистической трансформации традиционных структур. Имевший место в связи с расширением внутреннего рынка некоторый рост мелкого городского предпринимательства (при одновременном его подрыве и разрушении) происходил в основном на докапиталистической основе. Все это определяло и политические позиции представителей иранского «демократического» капитала, обеспечившие в дальнейшем возможность манипулировать этими экономически слабыми и политически незрелыми промежуточными слоями, мистифицировать их социально-классовое и политическое сознание.

Тупиковый характер социально-экономического развития Ирана нашел отражение в бурных политических событиях 40-х — первой половины 50-х годов. Социальную суть этих событий составляла, в частности, борьба представителей традиционного мелкотоварного и возникшего мелкокапиталистического укладов за контроль над основными органами государственной власти с объективной целью превратить их в орудие широкого и массового развития капитализма «снизу». Растущее значение такого контроля определялось наличием в руках государства мощного финансово-экономического рычага в виде доходов от нефти, постоянное увеличение которых обеспечивалось благоприятной международной экономической конъюнктурой. Но это же обстоятельство, усиливая заинтересованность империализма в Иране, тем самым ставило новые преграды на пути «нормальной», не осложненной внешним воздействием общественной эволюции страны. Используя в своих интересах двойственность и непоследовательность «средних городских слоев», оказавшихся у руководства послевоенным национально-демократическим движением в Иране, и опираясь на широкую поддержку империализма и огромные доходы от нефти, шахский режим получил с конца 50-х годов возможность приступить к фактически беспрецедентной в истории развивающихся государств Азии и Африки ускоренной капиталистической модернизации страны.

Однако полная и окончательная реализация этой возможности оказалась в конечном счете заблокированной условиями, так сказать, «третичного» капиталистического развития (а также особенностями современной научно-технической революции и действием таких, характерных для всего азиатско-африканского мира факторов, как демографический взрыв, псевдоурбанизация и др.). Национально-демократические выступления начала 60-х годов, равно как и конечные результаты проведенных в последующие полтора десятилетия преобразований, еще раз ярко выявили ту особую разновекторность революционных движений «снизу» и «революции сверху», которая выше была отмечена в отношении периода 20—30-х годов.

Пропуск определенных фаз развития производительных сил, пройденных в свое время промышленно разви-

тыми странами, обусловил верхушечный и ввиду этого эфемерный характер высших, современных форм капиталистического производства. Последние возникли, как уже отмечалось, не на базе буржуазного преобразования низших, традиционных форм предпринимательства и других внутренних предпосылок, а насаждались, так сказать, «извне», с помощью и при непосредственной поддержке «сверху». В результате современная промышленность не имела под собой солидной почвы и была бы вообще нежизнеспособна без таможенной протекции и дотаций из нефтяных доходов, а анархия производства и зависимость от этих доходов сами по себе исключали возможность продолжительного хозяйственного роста. Все это свидетельствовало о неспособности насаждаемых «сверху» современных форм частнохозяйственного капитализма в нынешних условиях восточного общества преобразовать все традиционные социально-экономические структуры, которые лишь консервировались и приспособлялись к интересам «внешних» по отношению к ним сил. Выросшая в Иране на базе «новейшего» капитализма «тысяча семей» создала новые преграды на пути массового и свободного капиталистического развития.

Таким образом, широкий процесс индустриализации страны не сопровождался адекватным ему процессом формирования местного частного капитала и класса буржуазии. Эти, употребляя приводившееся ранее выражение К. Маркса, «совершенно различные результаты» индустриализации в прошлом и настоящем во многом являются ключом к всесторонней оценке истоков и основных особенностей социально-политического кризиса середины 70-х годов в Иране и последовавших за ним революционных событий.

Глубинную основу всколыхнувшей Иран с начала 1978 г. народной антимоноархической и антиимпериалистической революции составляли резкий разрыв между современным и традиционным секторами, относительная социально-экономическая несостыкованность и вполне определенная социально-политическая дезинтегрированность соответствующих им общественно-экономических укладов. Отсюда — острое противоборство стоящих за ними социально-классовых сил: новоявленных узких групп финансово-промышленной буржуазии и крупных

капиталистических землевладельцев, тесно связанных с шахским двором и многонациональными монополиями, с одной стороны, и массовых традиционных торгово-ремесленных и мелкопредпринимательских слоев, которые в условиях ускорившейся интеграции иранской экономики с мировым капиталистическим хозяйством так и не смогли адаптироваться к буржуазным условиям и наиболее сильно испытали на себе удары финансово-экономического кризиса середины 70-х годов,— с другой.

Условия «третичного» капиталистического развития, вытекающие из особенностей сосуществования застойных восточных обществ с высокоразвитыми мировыми капиталистическими структурами, подчиняющими их собственным интересам, и определили тот резкий перепад в уровнях современного и традиционного секторов, который обусловил коренные различия в формировании «октябристского» и «демократического» капитала в Иране. Если первый при всем своем верхушечном, элитарном характере представлял собой уже относительно сложившуюся социально-экономическую категорию капиталистического типа, то второй, несмотря на определенные количественные и отчасти качественные сдвиги в развитии традиционного мелкотоварного и возникшего мелкокапиталистического укладов, еще в немалой мере сохранил некоторые черты своего докапиталистического облика. Последнее обстоятельство было связано главным образом с появлением в составе «демократического» капитала и на его нижних границах «новых» маргинальных слоев — сельских мигрантов, выбитых из традиционных производственных укладов в иранской деревне в результате аграрных реформ.

Борьба «за вытеснение октябристского капитала и за замену его демократическим капиталом», естественно, вовлекла в свою орбиту самые различные общественные слои, выступающие со своими самостоятельными требованиями. И отнюдь не случайно сама эта борьба протекала в русле общенационального антимоноархического и антиимпериалистического движения. Ведь именно иранская монархия и американский империализм оказывали доминирующее влияние на экономику и политику страны, на характер и темпы ее социально-экономического и политического развития, используя в этих целях

обильный поток нефтедолларов. Но и наличие такого мощного рычага осуществления буржуазных преобразований не смогло решить всех проблем капиталистического развития. Создав возможность относительно эффективной технико-экономической модернизации, этот рычаг в то же время ускорил вызревание тех внутренних противоречий, которые характерны для капиталистической эволюции всего азиатско-африканского мира.

Ввиду всего этого вопросы иранской революции не могут быть сведены к проблеме антидиктаторской борьбы в той форме, в какой проявились антибонапартистские движения в истории стран Европы. В конце 1978 г. французский журналист К. ван Энгеланд писал: «Мятеж иранского народа выходит за рамки обычного мятежа против власти тирании. Он служит выражением отказа целой нации от определенной модели социального и экономического развития, которая была навязана ему извне. Иранцы отвергают западный капитализм, который, будучи экспортирован в страны третьего мира, приобретает особенно жестокий облик в стране, где государство использует все свое могущество для борьбы с „подрывной деятельностью“ и всячески потворствует тем, в чьих руках экономическая власть... Шах хотел навязать этому обществу, со своей историей, со своими традициями, чуждую ему модель развития. Происходящие события — бурная ответная реакция на это. И религиозные деятели пожинают сегодня политические плоды народного недовольства потому, что именно они действительно поддержали иранский народ в его борьбе за политические свободы и за создание такого общества, которое уже не будет находиться в полной зависимости от великих держав»³.

В условиях азиатско-африканского мира проблема бонапартизма оказывается тесно связанной с самими судьбами капитализма, не способного решить здесь основные задачи общественного прогресса в интересах более или менее широких слоев населения. Поскольку капиталистические отношения в странах Востока развиваются на основе общей социально-экономической отсталости и зависимости от мировой системы капитализма, постольку местный бонапартизм характеризуется и определенным видоизменением форм, и заметным рас-

ширением социальных функций в сравнении с его «классическими» предшественниками. А это, в свою очередь, сказывается и на тех моделях политических режимов, которые идут ему на смену.

Выше уже отмечалось, что одним из полюсов социального лавирования возникающего в Иране бонапартизма являлись растущий пролетариат, еще не дифференцировавшееся до конца крестьянство и разнородные средние прослойки городского населения. Стремление держать в повиновении эти опломбированные по численности общественные слои вело к такому положению, при котором буржуазно-модернистское содержание политической надстройки облекалось в традиционные азиатские формы.

Однако объективным результатом политики правящего режима был относительно быстрый рост классового сознания пролетариата, социальной дифференциации крестьянства и политического размежевания среди «средних городских слоев». Это не только сорвало псевдонациональную маску с лица иранского бонапартизма, но и лишило его важного полюса социального лавирования.

Вместе с тем, выражая долгосрочные интересы формирующегося под его эгидой финансово-промышленного капитала, иранский бонапартизм активно вводил в экономическую жизнь элементы государственно-монополистического регулирования. В этом смысле его социальная функция вышла за рамки исторической миссии «классического» бонапартизма, обнаружив явное типологическое сходство с теми особенностями регулирующей деятельности государства, которые проявились в некоторых странах Центральной, Южной и Восточной Европы уже в период фашизма. Разумеется, фашистские тенденции азиатской формы «субимпериалистического» бонапартизма не следует абсолютизировать. Не имея массовой социальной и политической базы, бонапартистский режим в Иране имел такой же верхушечный, элитарный характер, какой был присущ и насаждаемым им капиталистическим и государственно-монополистическим структурам.

Династия Пехлеви сошла с «павлиньего трона» в то время, когда социально-экономические интересы формируемой ею буржуазной элиты не приобрели такую же

политическую зрелость, как в свое время в развитых капиталистических странах. Ввиду этого, несмотря на попытки некоторых кругов служилой части «средних городских слоев» перенять у этих стран модели политической власти, «чистая» буржуазная государственность в Иране оказалась невозможной. Проявившееся в ходе революционного движения сочетание объективных требований широко и свободного развития капитализма с субъективным отрицанием капиталистического пути нашло выход в создании новой политической структуры, в основу которой положены принципы шиитского ислама.

На содержание и характер революционного процесса в Иране заметный отпечаток наложили особенности массового общественного сознания, обусловленные, в свою очередь, специфичностью соотношения традиционных и современных элементов в социально-политической эволюции страны, определенной необычностью и даже уникальностью их взаимодействия. При таком положении, естественно, традиционные элементы воспринимались массовым общественным сознанием как олицетворение национально-специфических особенностей, отражающих потенциальную способность существующих общественных отношений к развитию на самобытной основе. В то же время «современные» элементы рассматривались как чуждые традиционному обществу и навязываемые ему извне, разрушающие и приспособляющие местные структуры к потребностям инородного общественного организма.

Обусловленная этим разновекторность революционного движения «снизу» и «революции сверху» в данном случае нашла проявление в том, что процесс ускоренной капиталистической модернизации по западному образцу вызвал бурную ответную реакцию традиционных социальных структур. Однако соотношение традиционализма и модернизма предстало не как некое противоборство архаичного общества и «современной» модели, а как ярко выраженная, обусловленная вполне конкретным капиталистическим опытом борьба за национальные пути развития, против навязываемой «сверху» политики вестернизации, не способной действительно модернизировать восточное общество в свете подлинно современных требований социального прогресса. Сжатое

во времени взаимопересечение двух относительно дезинтегрированных фаз исторического развития определило почти одновременное появление на социально-политической арене Ирана таких принадлежащих различным эпохам идеологических течений, как религиозная реформация, народничество, исламофильство, западничество, левый радикализм и т. п.

В условиях преобладающего влияния социальных устремлений промежуточных слоев на объективное содержание революционного процесса обнаружился определенный разрыв и между революцией и революционной реформой, между их разрушительными и созидательными задачами. В основе этого разрыва лежит историческая безысходность стремлений к широкому и массовому развитию капитализма в обстановке господства в рамках мировой капиталистической системы государственно-монополистических структур. Именно этим определялся тот, поражающий подчас некоторых иностранных наблюдателей характер действий нового иранского режима, который проявлялся в поисках внешнеориентированных революционных целей, курсе на молниеносное изменение основ существующего международного экономического и политического порядка и экспорт «исламской революции» (или, во всяком случае, ее идеологии).

Внутри страны такому курсу соответствовали попытки изменения системы потребностей населения, способствующие, со своей стороны, внесению во внешнеполитическую линию противоречащих ее основной направленности элементов самоизоляции.

Можно и нужно говорить о буржуазно-демократическом в своей основе характере рассмотренной выше стадии иранской революции, но вместе с тем нельзя недооценивать и проявившийся в ней субъективно-народнический антикапитализм крестьянских и особенно «раскрестьяненных» масс населения, а также проведенную новым режимом ликвидацию части крупной капиталистической собственности.

В этом смысле революция в Иране обнаруживает определенную связь с теми современными антиимпериалистическими революциями, которые развивались на идеологической и социальной основе различных вариантов «национального социализма». Свершившаяся на относи-

тельно высокой стадии социально-экономической эволюции общества, в условиях отсутствия антифеодальных задач как объединяющего фактора, иранская революция более отчетливо, чем ее современные предшественницы, выявила ту внутреннюю противоречивость этого типа революций, которая обуславливает разновариантность общественного развития соответствующих стран. Поиски «третьего пути», уже неоднократно доказывавшие свою иллюзорность, в данном случае сразу же оказали блокирующее воздействие на возможность гармоничного сочетания традиционного и современного.

Противоречие между субъективными намерениями нового режима, выступающего от имени всех «обездоленных», и объективными результатами его политики, соответствующими главным образом интересам торгово-предпринимательской части «средних слоев», выявилось практически сразу после февральской победы.

И это понятно, поскольку проявившийся в ходе революционных боев своеобразный симбиоз буржуазно-демократических устремлений и антикапиталистических настроений в своем непосредственном проявлении отражал назревшую потребность смягчения, амортизации последствий воздействия несбалансированной капиталистической модернизации на широкие слои населения, связанные с традиционными производственными укладами.

Не случайно политика нового режима сочетала содействие буржуазному развитию (в государственно-капиталистической, антимонополистической форме) с защитой мелкого предпринимательства и тех — подлинных и воображаемых — интересов, которые более или менее соответствовали непосредственным требованиям традиционалистски настроенных масс.

Таким образом, иранская революция отличается редкой в мировой революционной практике сложностью и противоречивостью своей внутренней структуры, обусловленной как своеобразием капиталистического развития страны, так и особенностями современной эпохи. Народная по многоклассовому характеру, движущим силам и методам борьбы, антимонополистическая и антиимпериалистическая по основной направленности, буржуазно-демократическая по назревшим задачам (при определенных антикапиталистических

тенденциях), исламская по руководящей роли духовенства и организационно-идеологической основе, эта революция в своем развитии прошла две крупные, многоэтапные фазы.

После победы февральского вооруженного восстания, решившего основные проблемы антимоноархической фазы революционной борьбы (а тем самым антимонополистические и некоторые антиимпериалистические задачи), пришедшее к власти духовенство направило революцию в такое русло, в котором усилия по институционализации ее исламских организационных и идеологических форм могли бы определять главное содержание антиимпериалистического народного движения.

Подобный переворот был вполне закономерным для этой социальной прослойки, оказавшейся в силу объективных исторических условий во главе революционной борьбы и преломлявшей общенациональные цели сквозь призму собственных корпоративных интересов.

При таком положении название «исламская революция» применительно к послефевральскому периоду имеет вполне определенный, конкретный смысл: углублялась на столько социальная суть революции, сколько ее организационно-идеологическая основа — от происламско-либеральной к исламско-радикальной и, наконец, фундаменталистской. В соответствии с этим руководящие деятели Исламской Республики не без оснований подразделяли указанный период на три этапа: первый отсчитывался с момента утверждения духовенства у руля государственного правления в феврале 1979 г., второй — со дня отстранения от власти правительства Базаргана в ноябре того же года, третий — со времени смещения президента Банисадра в июне 1981 г. Но этапы «исламской революции» — это, в сущности, этапы кризиса народной, антиимпериалистической революции, который, собственно, и составляет основную характерную черту ее послефевральской фазы.

Конечно, проводившиеся в жизнь в ходе этой второй, так сказать, исламской фазы эгалитаристские установления Корана решали и некоторые реальные проблемы революции, ибо идея равенства, как указывал В. И. Ленин, есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач. Однако же главное внимание уделялось иллюзорным проблемам

революции, навеянными «священными» текстами коранических сур. Во имя достижения «ветхозаветных» морально-этических идеалов и абстрактно-гуманистических целей исламский режим расправлялся не только с оппозиционными левыми организациями — сторонниками углубления социального содержания народной, антиимпериалистической революции (при одновременном «перехвате» отдельных их требований), но и с правыми элементами в самой правящей группе, стремившимися «умерить» правительственную политику, с тем чтобы дать возможность мелкособственническим слоям в полной мере воспользоваться плодами революционных завоеваний.

В результате всего этого усилия по институционализации «исламской республики», хотя объективно служили в какой-то мере средством закрепления минимальных буржуазно-демократических достижений, неизбежно порождали реакцию термидорианского типа, торжество которой означало бы переход революционного процесса на нисходящую линию развития.

Выход из кризиса революции, способствующий ее развитию по восходящей линии, мог бы быть обеспечен сдвигом влево, продолжающим славные традиции антимонархической фазы революционной борьбы и развивающим позитивные достижения ее исламской фазы. На такой новой основе дело сплочения народа во имя национальных целей, дело морального оздоровления общества, начало которым положил Хомейни, возможно, все же остались бы непреходящим завоеванием революции.

Советские люди с симпатией относятся к освободительной борьбе иранского народа, к его поискам самобытных путей развития. На XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев отмечал: «Особый характер имеет революция в Иране, которая стала крупным событием в международной жизни последних лет. При всей своей сложности и противоречивости это в своей основе антиимпериалистическая революция, хотя внутренняя и внешняя реакция стремится изменить этот ее характер.

Иранский народ ищет свой путь к свободе и процветанию. Мы искренне желаем ему успеха в этом и готовы развивать с Ираном добрые отношения на началах равноправия и, конечно, взаимности.

В некоторых странах Востока за последнее время ак-

тивно выдвигаются исламские лозунги. Мы, коммунисты, с уважением относимся к религиозным убеждениям людей, исповедующих ислам, как и другие религии. Главное в том, какие цели преследуют силы, провозглашающие те или иные лозунги»⁴.

Примечания*

Введение

¹ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Т. 1, с. 137.

² В. И. Ленин. Буржуазия и реформизм. — Т. 22, с. 315.

³ О. Бисмарк. Мысли и воспоминания. Т. II. М., 1940, с. 54—55.

⁴ В. И. Ленин. Тетради по империализму. — Т. 28, с. 671.

⁵ В. И. Ленин. Под чужим флагом. — Т. 26, с. 142.

⁶ Архив Маркса и Энгельса. Т. 1, М., 1932, с. 254—255.

Глава I

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — Т. 7, с. 424.

² Века неравной борьбы. Национально-освободительное движение в Азии и Африке. М., 1967, с. 124.

³ А. Н. Чистозвонков. Некоторые основные теоретические вопросы проблемы генезиса капитализма в европейских странах. — Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. М., 1969, с. 88—89.

⁴ К. Маркс. Революционная Испания. — Т. 10, с. 432.

⁵ К. Маркс. Капитал. Т. I. — Т. 23, с. 743.

⁶ К. Маркс. Революционная Испания. — Т. 10, с. 466.

⁷ Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии. — Т. 8, с. 34.

⁸ Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма. — Т. 22, с. 33.

⁹ Века неравной борьбы..., с. 347.

Глава II

¹ К. Маркс. Капитал. Т. III. — Т. 25. Ч. II, с. 363.

² Там же. Ч. I, с. 367—368.

³ См.: В. И. Ленин. II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля—7 августа 1920 г. — Т. 41, с. 244—245; он же.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по: Сочинения. Изд. 2-е, а В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

Замечания на доклад А. Султан-заде о перспективах социальной революции на Востоке.— Т. 41, с. 457.

⁴ Н. А. Симония. Торгово-ростовщический капитал в Азии. М., 1973, с. 61—69.

⁵ Ирандуст. Вопросы Гилянской революции.— «Историк-марксист». 1927, № 5, с. 127—129.

⁶ К. Маркс. К критике политической экономии.— Т. 13, с. 7.

⁷ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.— Т. 20, с. 153.

⁸ К. Маркс. Нищета философии.— Т. 4, с. 184.

⁹ К. Маркс. Капитал. Т. III.— Т. 25. Ч. I, с. 367.

¹⁰ В. И. Ленин. Пробуждение Азии.— Т. 23, с. 146; он же. О праве наций на самоопределение.— Т. 25, с. 269.

¹¹ В. И. Ленин. Демократия и народничество в Китае.— Т. 21, с. 406.

¹² В. И. Ленин. Обновленный Китай.— Т. 22, с. 190—191.

¹³ В. И. Ленин. О конституционных иллюзиях.— Т. 34, с. 41.

¹⁴ В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов.— Т. 16, с. 331.

¹⁵ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение.— Т. 25, с. 269.

¹⁶ Ирандуст. Персия. М.—Л., 1928, с. 68, 75—76, 88.

¹⁷ Цит. по: А. М. Агахи. Распространение идей марксизма-ленинизма в Иране. Баку, 1961, с. 31.

¹⁸ В. И. Ленин. Горючий материал в мировой политике.— Т. 17, с. 174.

¹⁹ В. И. Ленин. Итоги выборов.— Т. 22, с. 330.

²⁰ В. И. Ленин. Исторические судьбы учения Карла Маркса.— Т. 23, с. 4.

²¹ См.: М. П. Павлович. Восток в борьбе за независимость. М., 1980, с. 54.

²² См.: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. II. М., 1973, с. 111—120.

²³ Ф. Энгельс — Флоренс Келли-Вишневецкой.— Т. 36, с. 504—505.

²⁴ В. И. Ленин. II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля — 7 августа 1920 г.— Т. 41, с. 244.

²⁵ В. И. Ленин. Тетради по империализму.— Т. 28, с. 516.

²⁶ Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976, с. 4.

Глава III

¹ Public Records Office (далее — PRO), FO: 416—68, Confidential (11758), p. X; 416—69, Confidential (11910), p. XI; 371—6401, File 2; 371—6404, File 2; 371—6405, File 2; 371—6427, Files 680—821; 371—6434, Files 1639—2004; 371—6449, Files 9299—9927; 371—7806, File 6

² PRO, WO: 95—4969, Mesopotamia, General Staff; 95—5285, Confidential, War Diary; 158—688, North Persia Force.

³ W. G. Grey. Recent Persian History.— «Journal of the Central Asian Society», vol. XIII, 1926, p. I, с. 35.

⁴ W. E. R. Dickson. East Persia. A Backwater of the Great War. L., 1924.

⁴ В. И. Ленин. Итоги дискуссии о самоопределении.— Т. 30, с. 39.

⁶ Р. Люксембург. Реформа или революция? Пг., 1919, с. 41.

⁷ Ирандуст. Персия, с. 86—87.

⁸ К. Маркс. Морализирующая критика и критицирующая мораль.— Т. 4, с. 306.

⁹ Papers Relating on the Foreign Relations of the United States. 1927. Vol. III. Wash., 1942, с. 584—585.

¹⁰ А. Ванани. The Modernization of Iran, 1921—1941. Stanford, 1961, с. 71.

¹¹ М. Хедаят. Воспоминания и тревоги. Из истории шести падишахов и моей жизни. Тегеран, 1950, с. 504—506 (на перс. яз.).

¹² А. Искендери. Подробная история иранского конституционализма, или Книга мечты. Тегеран, 1943, с. 24—35, 52 (на перс. яз.).

¹³ А. Ахан. Тюремные воспоминания. Тегеран, [194...], с. 142 (на перс. яз.).

¹⁴ Х. А'заме Годси. Книга моих воспоминаний, или Освещение столетней истории. Т. 2. Тегеран, 1963, с. 241—243 (на перс. яз.).

¹⁵ «Journal of the Royal Central Asian Society». Vol. XXI, 1934, p. I, с. 93.

¹⁶ Иран. Очерки новейшей истории, с. 69.

Глава IV

¹ М. Фатех. Пятьдесят лет иранской нефти. Тегеран, 1956, с. 468 (на перс. яз.).

Некоторые авторы усматривают в этом заявлении Форин офиса признание им факта организации Англией государственного переворота (журнал «Донья», 1971/72, № 2, с. 98). Приводятся подчас и получившие распространение в журналистских кругах без ссылки на источник следующие слова Уинстона Черчилля в отношении Реза-шаха: «Мы его посадили на престол, мы его и сместили» (N. Albalá, Un mouvement populaire et national.— «Cahiers du communisme». P., 1978, № 11, с. 84; «За рубежом», 1979, № 6, с. 8; М. С. Иванов. Антинародный характер правления династии Пехлеви в Иране.— «Вопросы истории», 1980, № 11, с. 60). Однако если бы даже такое заявление имело место, то вряд ли его можно было бы расценить иначе, чем попытку оправдать фактическое интернирование Англией Реза-шаха в 1941 г. Но можно отметить и действительную попытку приписать англичанам «заслугу» в продвижении Реза-шаха к трону. В 1972 г. сын генерала Э. Айронсайда опубликовал иранские дневники своего отца, в предисловии к которым даже утверждает (передавая, возможно, сохранившиеся в экзальтированной детской памяти воспоминания о каких-то семейных преданиях), что в 1925 г. Реза-хан якобы направил в Англию к Э. Айронсайду своего представителя с просьбой освободить его от клятвы «не выступать против царствующего монарха», которую Реза-хан будто бы принес генералу в Казвине в феврале 1921 г. перед началом движения казаков к Тегерану (см.: Л. И. Миросников. Кто организовал

государственный переворот 21 февраля 1921 г. в Иране? — «Новая и новейшая история», 1980, № 3, с. 147).

² Papers Relating... 1941. Vol. III. Wash., 1959, с. 375.

³ В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов. — Т. 2, с. 454.

⁴ Л. Элвелл-Саттон. Иранская нефть. К истории «политики силы». М., 1956, с. 240.

⁵ J. M. Upton. The History of Modern Iran. An Interpretation. Cambridge, 1961, с. 40—41.

⁶ Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. First Series. Vol. XIII. L., 1963, с. 628.

⁷ Х. Макки. Двадцатилетняя история Ирана. Т. I. Тегеран, 1944, с. 134 (на перс. яз.).

⁸ Х. Макки. Доктор Мосаддык и его исторические речи в межлисах пятого и шестого созывов. Тегеран, 1945, с. 216 (на перс. яз.).

⁹ Л. Элвелл-Саттон. Иранская нефть..., с. 243.

¹⁰ М. Мачокки. Иран в борьбе. М., 1953, с. 54.

¹¹ Л. Элвелл-Саттон. Иранская нефть..., с. 15—16.

¹² К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — Т. 8, с. 148, 151.

¹³ E. A. Bayne. Persian Kingship in Transition. Conversations with a Monarch whose Office is Traditional and whose Goal is Modernization. N. Y., 1968, с. 156—157.

¹⁴ A. Eden. The Memoirs. L., 1960, с. 212.

¹⁵ P. Avery. Modern Iran. L., 1967, с. 440.

Глава V

¹ Mohammed Reza Shah Pahlavi. Mission for My Country. L., 1960, с. 125.

² Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. — Т. 18, с. 254.

³ Ф. Энгельс. Добавление к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии». — Т. 18, с. 495.

⁴ В. И. Ленин. Итоги выборов. — Т. 22, с. 321.

⁵ В. И. Ленин. Об оценке текущего момента. — Т. 17, с. 276.

⁶ В. И. Ленин. Итоги выборов. — Т. 22, с. 325.

⁷ E. A. Bayne. Persian Kingship in Transition..., с. 105, 107, 189—190.

⁸ Там же, с. 206.

⁹ J. A. Bill. The Politics of Iran. Groups, Classes and Modernization. Columbus (Ohio), 1972, с. 63—66.

¹⁰ В. И. Ленин. Духовенство на выборах и выборы с духовенством. — Т. 22, с. 130.

¹¹ Там же, с. 131—132.

¹² В. И. Ленин. За деревьями не видят леса. — Т. 34, с. 82—83.

¹³ К. Маркс. Морализирующая критика и критицирующая мораль. — Т. 4, с. 306.

¹⁴ «Проблемы мира и социализма». 1977, № 5, с. 22.

¹⁵ В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. — Т. 16, с. 215.

¹⁶ В. И. Ленин. Классовый сдвиг. — Т. 32, с. 385.

¹⁷ Могамед-Реза Шах Пахлави. Белая революция. Париж, 1967, с. 8, 9, 23, 165, 166.

¹⁸ В. И. Ленин. О значении золота теперь и после полной победы социализма.— Т. 44, с. 228.

¹⁹ К. Маркс. Гражданская война во Франции.— Т. 17, с. 341.

²⁰ К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 8, с. 215, 217.

²¹ Там же, с. 161.

²² Программа Народной партии Ирана. Ноябрь—декабрь 1975 г. [Б. м., б. г.], с. 40 (на перс. яз.).

²³ J.-F. Clément. Lectures du khomeinisme. — «Esprit». P., № 37, 1980, с. 27.

²⁴ Ch. S. Prigmore. Social Work in Iran since the White Revolution. [Б. м.], 1976, с. 171—174.

²⁵ M. Zonis. The Political Elite of Iran. Princeton, 1971, с. 260.

²⁶ К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 8, с. 157.

Глава VI

¹ «Humanité», 21.VI.1978.

² «Humanité», 20.VI.1978.

³ «Правда», 19.XI.1978.

⁴ N. Albala. Un mouvement populaire et national, с. 92.

⁵ M. Kondracke. Who Lost Iran? — «New Republic». N. Y., 18.XI.1978, vol. 179, № 21, с. 10, 12.

⁶ K. Mourad. Iran: Les revalites de l'après-chah. — «Nouvel observateur». P., 15—21.I.1979, № 740, с. 47.

⁷ R. Falk. Iran's Home-Grown Revolution.— «Nation». N. Y., 10.II.1979, vol. 228, № 5, с. 135.

⁸ Iran after the Shah. — «Newsweek», N. Y., 29.I.1979, vol. 93, № 5, с. 9.

⁹ R. Falk. Iran's Home-Grown Revolution, с. 135—136.

¹⁰ Там же, с. 136.

¹¹ «За рубежом». 1979, № 7, с. 4.

¹² G. Fiesca. Ora li metto in ordine, parola di Bazargan.— «Espresso». Roma, 11.III.1979, № 10, с. 33.

¹³ L. Rinser. Khomeini und der Islamische Gottesstaat. Eine grosse Idee. Ein grosser Irrtum? Percha am Starnberger See, 1979, с. 56, 60.

¹⁴ E. Ahmad. The Iranian Revolution: a Landmark for the Future.— «Race and Class». L., 1979, vol. XXI, № 1, с. 4.

¹⁵ Khomeini Power.— «Newsweek». N. Y., 12.II.1979, vol. 93, № 7, с. 8.

¹⁶ E. Abrahamian. The Crumbling Myth of the «Good» Shah.— «Progressive». Madison, 1979, vol. 43, № 1, с. 15.

¹⁷ R. Falk. Iran's Home-Grown Revolution, с. 136.

¹⁸ В. И. Ленин. Две утопии.— Т. 22, с. 120—121.

¹⁹ M. Kotoobi, J.-L. Vandoorne. Société et religion selon l'Imam Khomeini.— «Monde diplomatique». P., 1979, № 301, с. 6—7.

²⁰ A. Farouhy. L'Iran entre les aspirations révolutionnaires et la paralysie.—«Monde diplomatique». P., 1979, № 303, с. 5.

²¹ R. Khomeiny. Principes politiques, philosophiques, sociaux et religieux. Extraits de trois ouvrages majeurs de l'ayatollah. P., 1979, с. 22.

²² «Sunday Times», 12.X.1980.

²³ «Правда», 11.XII.1980.

Заклучение

¹ В. И. Ленин — А. М. Горькому.— Т. 48, с. 12—13.

² К. Маркс. Эрфуртовщина в 1859 году.— Т. 13, с. 432.

³ C. v. Engeland. Puissance et ambiguités du mouvement religieux.— «Monde diplomatique». P., 1978, № 297, с. 13.

⁴ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 13.

Содержание

Введение	3
Глава I. От мировой державы к полукolonии	11
Века величия, века бессилия	11
Годы «просвещенного деспотизма»	17
«Мирное» империалистическое завоевание	26
Глава II. Пробуждение: из средневековья в XX век	30
Первые ростки капитализма	30
«Конституционная революция»	39
Традиции и современность	51
Глава III. К национальной государственности	65
«Гилянская революция» и «переворот 3 хуга»	65
Становление полуфеодального абсолютизма	79
Взлет и падение триумvirата	90
Глава IV. Новые встречи с Западом	102
Из кризиса в кризис	102
Неутомимый доктор-правовед	114
Борьба за нефть: победы и тупики	126
Глава V. «К великой цивилизации»?	140
В лабиринтах бонапартистской политики	140
«Белая революция»	150
Капитализм, «субимпериализм» и народ	164
Глава VI. Век нынешний и век минувший	190
«Исламская революция»	190
«Кумский патриарх» и другие	213
Заключение	249
Примечания	265

Семен Львович Агаев

**ИРАН
В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ**

**(Пути и формы
революционного процесса)**

*Утверждено к печати
Институтом международного
рабочего движения Академии наук СССР*

**Редактор С. В. Полтавская
Младший редактор Н. И. Комарова
Художник Б. А. Дудочев
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Г. А. Никитина
Корректор Э. Н. Раковская**

ИБ № 14172

Сдано в набор 30.04.81. Подписано к печати 15.10.81. А-11754. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,49. Уч.-изд. л. 14,67. Тираж 15 000 экз. Изд. № 5017. Тип. зак. 235. Цена 90 коп.

**Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1**

**3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28**

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
262	14 сверху	переворот	поворот
262	22 сверху	на столько	не столько